ВЕСТНИК

4
2014

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2014

УДК 800
ISSN 1992-6375

4.2014

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М.А. Шолохова

Издается с 2002 г.

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007 от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:

109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mggu-sh.ru
Подписной индекс **36733** в основном каталоге Роспечати

Редакционная коллегия

А.В. Циммерлинг – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
М.В. Королёва – *отв. секретарь*,
Т.М. Воителева, С.Г. Золян, И. Киш,
Н.Д. Котовчихина, Е.А. Лютикова,
В.А. Плунгян, И.А. Пильщиков,
Н.В. Сердобольская, К.Э. Штайн

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mggu-sh.ru

© Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2014.

Содержание №4 I 2014

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Морараш М.М.
Временная модель пути человека
(на примере романа В.В. Набокова «Машенька») 5

Штайн К.Э., Петренко Д.И.
Барокко М.Ю. Лермонтова: театр, маска, маскарад 13

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аркадьев П.М.
Неканоническое падежное маркирование
субъекта литовских причастий: типология и диахрония 21

Лебедева А.А.
Константность и вариативность как свойства языковой системы 47

Лютикова Е.А.
Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование
объекта в мишарском диалекте татарского языка. 50

Николаева И.В., Жукова Н.В.
К вопросу об обеспечении внутритекстовой синтаксической
вариативности в современном французском языке 70

Пахомова М.А.
Вопросы сопоставительного изучения поэтического словотворчества
(Игорь Северянин – Леонид Мартынов) 80

Шлуинский А.Б.
К типологии морфосинтаксиса «соединения событий»
в поливербальных конструкциях 86

МЕТОДИКА

Маринчук Н.С.
Английский и русский языки: союзники или соперники?
(Возможно ли изучение русского языка с помощью английского?). . 110

НАШИ АВТОРЫ 115

CONTENTS 117

М.М. Морараш

Временная модель пути человека (на примере романа В.В. Набокова «Машенька»)

В приядерной зоне концептосферы «жизнь–время» художественного пространства «Машеньки» В.В. Набокова выявлены два различных по способу выражения компонента: статичное настоящее и динамичное прошлое. Существенной частью представленных в исследовании толкований является идея объективности (линейности и необратимости) физического времени, которое в концепции В.В. Набокова приобретает значение самостоятельного и даже доминирующего плана в системе норм жизни героев романа.

Ключевые слова: В. Набоков, роман «Машенька», время, жизнь, настоящее, прошлое, динамика, статика, языковая модель мира.

Как известно, лингвистика достаточно долго занималась изучением стилистического использования языковых единиц в тексте, глубоко не касаясь его концептуального смысла [1, с. 55]. В настоящее время правильное определение текстовых доминант и репрезентация их содержания сосредоточивают внимание на семантических элементах и связях, описывающих некоторую содержательную область в целостности, выводя нас, таким образом, на некоторый уровень познания языковой действительности текста.

Данное исследование строится в соответствии с ранее выявленной в творчестве В.В. Набокова концепцией осмысления мира и личности [2], в большей степени речь шла о его романе «Защита Лужина» (1930). В результате постепенного накопления нового материала создались предпосылки для более глубокого постижения тайны бытия писателя. При этом интерпретационным полем исследования стал роман «Машенька». Надо отметить, что «Машенька» (1926) – «завязь будущего метаромана» [3, с. 16]. Именно в «Машеньке» формируется фабульная структура, ищущая сюжетного разрешения, и основные силовые линии конфликта

метароманного «я» с «призрачным», но очень вязким миром [3, с. 16]. Тем более примечательно то, что в написании романа писатель следует русской литературной традиции реализма.

Итак, концепцию личности автор «Машеньки» строит на теоретической предпосылке о единстве жизни и времени. Они рассматриваются как два взаимосвязанных и неразделимых атрибута человеческого пространства. Сближение заявленных категорий в романе «Машенька» особенно четко происходит в следующих цитатах: *Эту минуту Ганин теперь справедливо считал самой важной и возвышенной во всей его жизни* [4, с. 67]; *Он не чувствовал несоответствия между действительным временем и тем другим временем, в котором он жил, так как память его не учитывала каждого мгновенья* [Там же, с. 73]; *Эти четыре дня были, быть может, счастливейшей порой его жизни* [Там же, с. 111] и др. Здесь слова с собственно-темпоральной семантикой выступают в своем основном значении – в качестве показателей времени, составляя ближайшую периферию категории времени: мгновенье (очень короткий промежуток времени), минута (мера времени, состоящая из 60 секунд), день (сутки). Однако под влиянием контекста предстают их семантические компоненты, которые сводятся к слову с предельно обобщенным характером – жизнь. Иначе, словами с темпоральной семантикой передается временная протяженность (или ось) жизни. Такими компонентами можно считать следующие: 1) измеряемая – в нашем случае – мгновениями, минутами, днями и т.д. продолжительность, длительность чего-нибудь; 2) промежуток той или иной длительности чего-нибудь; 3) последовательная смена мгновений, минут, дней и т.д. В связи с тем, что слово *жизнь*, как и *время*, является гиперонимом, а слова с темпоральной семантикой – гипонимами, лексемы *жизнь* и *время* органически взаимосвязаны друг с другом и образуют единую лексико-стилистическую парадигму. Соответственно, их взаимосвязанность объясняется не только сходством семантических компонентов, но и сходством синтагматических свойств: «жить временем» – «жизнь проходит через время», данные слова предопределяют друг друга. Подтвердим сказанное следующими примерами: *Как мог прожить столько лет?* [Там же, с. 98] ; *Я жила эти три года* [Там же, с. 98]; *Жизнь проходит ровным узором через берлинские будни* [Там же, с. 73] и др. Симптоматично, что в следующем микроконтексте понятия «миг» и «жизнь» (миг – очень короткий промежуток времени, жизнь – временная ось, состоящая из множества таких мигов, не поддающихся счету) становятся взаимозаменяемыми: *Вы пишете, что за миг отдали бы грядущую жизнь, – но лучше встретиться и проверить себя* [4, с. 97].

Оба явления жизни и времени служат взаимному развитию, обогащению, уточнению. В самой жизни человека они не существуют раздельно, а составляют единство человеческого движения (другими словами, человеческой жизни или пути). Но это лишь одна сторона связи жизни и времени, один аспект их взаимодействия. Другая сторона состоит в том, что их неразрывное сосуществование в пределах семантического пространства романа, однако, содержит в себе некую противоречивость.

Воспроизведение данного противоречия сопровождается раздвоением структуры семантического пространства романа В.В. Набокова «Машенька» на два смысловых блока – настоящее и прошлое.

Так, концептуализация настоящего в соответствующем семантическом блоке романа основывается на двух обстоятельствах. Первое из них заключается в достаточно полном и развернутом отражении фрагмента внутренней жизни героев: *...драма подходила к концу, и Ганину было смертельно скучно* [4, с. 50]; *Мне нужно уезжать, – после молчания спокойно заговорил Ганин. – Эта комната, эти поезда, стряпня Эрики – надоели мне…* [Там же, с. 88]; *Лоснистое черное платье, которое она надевала изо дня в день, ей надоело нестерпимо* [Там же, с. 94]; *Мне уже двадцать шесть лет, – сказала Клара. – Я целое утро стучу на машинке и пять раз в неделю работаю до шести. Я очень устаю* [Там же, с. 72] и др. Другое свидетельствует о том, что в цитатах данного блока явно присутствует свое коммуникативное направление раскрытия темы. Атемпоральная модель действительности настоящего обусловлена несколькими факторами: во-первых, временной ограниченностью событий – весна, апрель; во-вторых, отсутствием каких-либо значимых событий в жизни персонажей; в-третьих, отсутствием цели, которая бы оправдывала их жизнь.

Экзистенциальное прозрение дает героям горечь осознания истины, сводимой, в конечном счете, к пониманию невозможности что-либо изменить в жизни, делает неизбежным осознание собственной конечности: *Какое там… Это значит судьба. Судьбы не миновать. Не уехать мне отсюда»* [Там же, с. 93]; *Ему захотелось сказать много, что в Париж он уже не попадет, что родины он и подавно не увидит, что вся жизнь его была нелепа и бесплодна и что он не ведает, почему он жил, почему умирает* [Там же, с. 104] и др. Художественное осмысление следующей цитаты: *Ганин чувствовал, что ни эта неделя, ни следующая не изменят ничего* – позволяет спроецировать тезис о жизненном пути человека как цепи событий, которые отмечаются на временной оси, на контекст всего романа. Другими словами, новые события не происходят, само по себе время не способствует появлению событий, вследствие чего нет ощущения текучести и изменчивости бытия. Корреляция двух явлений

приняла такую форму, когда считается возможным утверждать, что для объяснения одного из них, по крайней мере, в наиболее существенных проявлениях, достаточно объяснения другого. Таким образом, время становится результатом пересечения жизни и настоящего, в равной степени связанных с феноменом внутренней жизни. Однообразие жизни, эмоций (скука, усталость), одиночество (*Я совершенно одна в Берлине* [4, с. 72]) и выключенность персонажей из жизни в целом предполагает статичный временной контекст. Смотрим дальше. Ранее мы уже отмечали уникальное сравнение времени с лифтом в романе «Защита Лужина» [2]. В начале романа «Машенька», в свою очередь, также появляется образ лифта, правда, остановившегося: *Так вот, я говорил: мы молча вошли сюда, еще не зная друг друга, молча поплыли вверх и вдруг – стоп <…> – А не думаете ли вы, Лев Глебович, что есть нечто символическое в нашей встрече? – В чем же, собственно говоря, символ? – хмуро спросил Ганин <…> – Да вот, в остановке, в неподвижности, в темноте этой. И в ожиданьи* [4, с. 36]. Если рассматривать лифт в качестве динамичной основы времени, которая тождественна протеканию жизни, как в романе «Защита Лужина», то приведенный в данном случае метафорический фрагмент остановившегося лифта в конечном счете подтверждает наши доводы и свидетельствует об остановившейся жизни и времени персонажей.

В противовес первому варианту реализации жизненного сюжета прошлое связывается с представлением о динамичном развитии времени. Попадание героя в прошлое из статичного ритма настоящей жизни ознаменовано его включением в воспоминания: *Тень его жила в пансионе госпожи Дорн, – он же сам был в России, переживал воспоминанье свое, как действительность <…> Временем для него был ход его воспоминанья, которое развертывалось постепенно* [Там же, с. 73] и др. В отношении пространства прошлого семантика динамичности поддерживается вычленением фрагментов событий, происходящих в определенное время года в следующей последовательности: лето – осень – зима – лето – зима – лето. Одним из вариантов реализации динамичного процесса жизни выступает актуализация семантики нарративной природы изучаемого сюжета прошлого, обусловливающей его подвижность: *Машенька села у руля, он оттолкнулся багром и медленно стал грести вдоль самого берега парка, где на воде черными павлиньими глазами отражались густые ольхи, и порхало много темно-синих стрекоз. Потом он повернул на середину реки, виляя между парчовых островов тины, и Машенька, держа в одной руке оба конца мокрой рулевой веревки, другую руку опускала в воду, стараясь сорвать глянцевито-желтую головку кувшинки* [4, с. 75] и др. Значения событий, даже столь незначительных, индивидуа-

лизируются, приобретают заметно выраженный оценочный компонент. Это можно связать с цветовым многообразием приведенного фрагмента (*кувшинки глянцевито-желтые*, *стрекозы темно-синие*, *острова парчовые* и т.д.), с тем, что в создании прошлого участвуют лексемы, находящиеся между собой в тождественных отношениях по признаку «вызываемые эмоции, чувства со знаком “+”»: *Жизнь тянулась летняя, знакомая*, *милая* [4, с. 75] и др.

К событийному целому романа относится и природа. Она коррелирует с миром человеческой данности: во-первых, природа предстает по принципу соответствия внутренней жизни героя (*Два окна, – одно прямо напротив, но далеко: постель будто отталкивается изголовьем от стены и метит в него медными набалдашниками изножья, в каждом из которых пузырек солнца, метит и вот тронется, поплывет через всю комнату в окно, в глубокое июльское небо, по которому наискось поднимаются рыхлые, сияющие облака* [4, с. 57]; *Где теперь это счастье и солнце, эти рюхи, которые так славно звякали и скакали, мой велосипед с низким рулем?* [Там же, с. 59] и др.) и, во-вторых, событийно-человеческое движение (жизнь) непосредственно находится в ней – в природе (*уже цвела пустынно и прелестно крымская весна* [Там же, с. 102], где весна – начало нового или первого периода человеческой жизни). В мироздании прошлого нет места неживому: *…и в солнечной луже играют мухи, и цветной моток шелка, как живой, спрыгивает с колен матери, сидящей подле, мягко катится по янтарному паркету…* [Там же, с. 57] и др. Динамика прошлой жизни также обеспечивается включением солярной символики.

При анализе семантики прошлого необходимо отметить, что изучаемые единицы лексико-семантической парадигматики, в свою очередь, состоят из компонентов, по которым они могут быть связаны с другими словами, может быть, в прямом значении не тесно связанными с ними. Так, например, для героя жизнью является счастье и любовь к Машеньке: *Целые дни после получения письма он полон был дрожащего счастья* [Там же, с. 96]; *Скажите, Лева, ведь смешно вам теперь вспоминать ваши слова, что любовь ко мне – ваша жизнь, и если не будет любви – не будет и жизни* [Там же, с. 97]; *Счастье, – повторил тихо Ганин, складывая все пять писем в ровную пачку. – Да, вот это – счастье. Через двенадцать часов мы встретимся* [Там же, с. 98] и др. Счастье в этом контексте является наименованием состояния жизни, любовь – составляющая внутреннего мира человека, его психических переживаний. Внутренний мир переживаний человека – неотъемлемая составляющая жизнедеятельности человека.

Таким образом, внешняя жизнь наполнена событиями, которые вызывают определенные эмоции героя – положительные, вследствие чего события могут характеризоваться динамичными.

На основании исследования представленных смысловых блоков была установлена общая доминирующая тенденция в реализации концепции времени. Речь идет о следующем. Возьмем для иллюстрации следующие предложения: *В этот вечер к Антону Сергеевичу зашел гость* [4, с. 61] и др. Здесь содержится прямой указатель на время совершения события. Далее. *Плохо он спал в ту ночь с воскресенья на понедельник, после двадцати минут, проведенных с развязным господином в застрявшем лифте* [Там же, с. 40]; *С этого дня началась новая – снеговая – эпоха их любви* [Там же, с. 83] и др. В этих цитатах одновременно раскрывается и время совершения события, и его длительность. В сложноподчиненных предложениях с собственно-временными придаточными и в синкретичных сложноподчиненных предложениях с интегральным семантическим признаком – временем – наблюдается та же ситуация: в них распространены темпоральные указатели, к которым присоединяются придаточные части: *Быть может, Машенька ему еще писала в те дни – в начале девятнадцатого года, – когда он дрался на севере Крыма, но этих писем он не получал* [Там же, с. 73]; *В этот четверг, в сумерки, когда всего глуше гул поездов, к Ганину зашла, ужасно волнуясь, Клара* [Там же, с. 87] и др.

Проведенное исследование свидетельствует о содержании в романе «Машенька» так называемого «времени в событиях» (А.В. Бондарко), представляющего собой временную ось, состоящую из событий, состояний, процессов, в результате чего создается впечатление непрерывного течения времени. Выявляются такие свойства концептуального времени, как движение, изменение, дискретность [5, с. 20]. В подтверждение этого положения отметим имеющееся в романе такое определение, как ход времени [4, с. 73]. Таким образом, сравнивая грамматическую организацию обоих сюжетов, можно подчеркнуть постепенные временные изменения, которые, на первый взгляд, настолько незначительны, что персонажи даже не замечают их существования (в их высказываниях ничего не говорится, разве что о самом Ганине сказано, что он не чувствовал времени [Там же]). Это с одной стороны. С другой стороны, некоторые ученые во временной системе обнаруживают злое начало, смертоносное и истребляющее [6, с. 86]. Так, *И Ганин в этот миг почувствовал не только стыд, но и быстротечность, неповторимость человеческой жизни* [Там же, с. 50]. Наиболее яркое отражение идеи быстротечности времени и жизни усматривается в следующих цитатах, которые уже были упомянуты в другом ключе: *...вся жизнь его была нелепа и бесплодна и что он не веда-*

ет, почему он жил, почему умирает [4, с. 109]; *Она вспомнила, что старик сегодня опять ездил насчет паспорта, что у него тяжелая болезнь сердца, что жизнь проходит: в пятницу ей минет двадцать шесть лет* [Там же, с. 61]; *Я сам поэзией охолостил жизнь, а теперь поздно начать жизнь сызнова* [Там же, с. 64]. В этом смысле в образе времени усматривается довольно опасная сила, самостоятельно распоряжающаяся жизнью человека.

Герои романа ощущают явно выраженный экзистенциальный вакуум, что отражено на их подчеркнуто нежизненном портрете, который эксплицирует духовную пустоту: *бледно блеснувшие глаза*; *мутное лицо*; *мутная улыбка*; *лицо было бледное, опухшее*; *лицо было бледнее обыкновенного*; *Подтягин, бледный как смерть; откинул серое лицо* и др. Кроме бледного цвета и его оттенков, в создании физического портрета героев также активно участвует черный цвет. Им характеризуются тени людей, фигуры людей, костюм, пиджак, платье, платок, шелк, шаль, волосы, господин, кочегар, люди, спина, ресницы и т.д.: *моргала угольными ресницами*; *маленькая, черная, меланхолически-чопорная фигура самой госпожи Дорн*; *спина шофера, горой черневшая за передним стеклом*; *кутаясь в черный платок* и т.д. В силу общих черт в их облике герои романа не представляют собой индивидуальностей, они больше являются подобием друг друга по признаку «черный человек с бледным лицом». Следующие цитаты, кроме того, свидетельствуют о фальшивости, искусственности их образа жизни: *обдавая его каждый раз холодным, неприятно-знакомым запахом духов*; *он чувствовал запах ее духов, в котором было что-то неопрятное, несвежее, пожилое*; *желтые лохмы, по моде стриженные*; *хлынул теплый, вялый запашок не совсем здорового пожилого мужчины*; *пурпурная резина ее поддающихся губ*; *острые, словно фальшивые ногти* и т.д. Таким образом, мертвенность, фальшивость в портрете персонажей выступает в качестве способа характеристики эмигрантского периода жизни героев, становящихся, по сути, «мертвыми душами», не способными построить настоящее и будущее. В связи с концепцией неумолимо уходящего времени при отсутствии смысла жизни героев писателем определяются проблемы человеческой жизни в ее философском ключе. Неостанавливающееся время, не заполняемое событиями и целями жизни, направляет жизнь по пути повседневного, пошлого и безнравственного существования.

Безусловность выдвинутого нами положения представляется истинной в силу того, что определены некие несоответствия в системе образов. Так, например, Ганин, существуя вместе с остальными эмигрантами в пансионе, переходом в прошлое пытается противостоять смертоносной

силе времени. Из всех персонажей Ганин и Подтягин особенно тяжело воспринимают свое нахождение в эмиграции (это чувствуется, например, в каждой реплике Ганина: *довольно холодно подтвердил Ганин* [4, с. 35]; *хмуро спросил Ганин* [Там же, с. 36]; *За последнее время он стал вял и угрюм* [Там же, с. 39]; *И Ганину становилось скучно опять, ... до слез позевывал* [Там же, с. 42]; *Тощища какая... – думал он <…> Это было мучительное и страшное состояние, несколько похожее на ту тяжкую тоску…* [Там же, с. 47] и т.д.), но В. Набоков показывает их как самых «живых» из всех героев. Так, в портрете Ганина отмечается светлое лицо: *Лицо у вас как-то светлее*, теплота его глаз: *ресницы придавали что-то пушистое, теплое его глазам* и т.д.; чувства: *…раза два с тревожным, изумленным блаженством вздохнул <…>... а потом, когда обливался из кувшина холодной водой, радостно улыбался* [Там же, с. 54]; *опять улыбнулся Ганин* [Там же, с. 65]; и т.д. В образе Подтягина уязвимым местом становится сердце: образно говоря, пока его сердце стучит, он живет. Однако в момент приезда Машеньки, еще не вышедшей из поезда, Ганин понимает, что невозможно время вернуть назад, оно необратимо по своей физической (объективной) сути, и уезжает. Другой конец мог бы быть знаком подчинения прошлому. Казалось бы, большую роль в становлении философии романа сыграло прошлое, тем не менее, В. Набоков актуализирует значимость жизни реального мира, воспринимаемой «сейчас» и «здесь»: *Эта ленивая, ровная передача действовала успокоительно, этот желтый блеск свежего дерева был живее самой живой мечты о минувшем. Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня – эти четыре дня были, быть может, счастливейшей порой его жизни <…> Но теперь он до конца исчерпал свое воспоминание, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем. И кроме этого образа, другой Машеньки нет, и быть не может* [Там же, с. 111]. По мнению В. Набокова, если время есть определенного рода движение, то человеку необходимо вровень двигаться со временем, с реальным временем. Настоящее – это единственное время, имеющееся в распоряжении человека.

В качестве объекта лингвистического анализа в данном исследовании предстает категория времени, ближайшая периферия которой формируется когнитивными признаками, сопряженными с другой когнитивной сферой – категорией жизни (события отмечаются на временной оси, составляя понятие «жизнь»). Их объединяющим началом при этом становится признак «движение, изменение». В романе «Машенька» отчет-

ливо актуализируется смысловой потенциал динамичной концепции времени, обусловливающая в норме жизнь человека. Временная модель мира, которая выстраивается через последовательное воплощение образа жизни в пансионе госпожи Дорн и образа прошлого, начинает проецироваться на концепцию личности человека / механизированного окружения. Соответственно, атемпоральность настоящей жизни в целом противопоставлена идее протекания времени в физическом мире. Вследствие изучения языковой модели мира в романе отмечается исключительная роль времени в становлении человека, в восприятии им действительности.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. 6-е изд. М., 2009.
2. Морараш М.М. Языковые средства актуализации категории темпоральности (на примере романов В.В. Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь») // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 72–80.
3. Ерофеев В.В. Русская проза Владимира Набокова // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 3–32.
4. Набоков В.В. Машенька // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Вступ. ст. В.Е. Ерофеева. М., 1990. С. 33–112.
5. Морараш М.М. Категория темпоральности и ее отражение в художественном дискурсе В.В. Набокова (на материале романов «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2009.

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Барокко М.Ю. Лермонтова: театр, маска, маскарад

В статье рассматривается связь творчества М.Ю. Лермонтова с большим культурным стилем барокко, анализируются театральные репрезентанты стиля. Рассматриваются тексты романов «Герой нашего времени», «Княгиня Лиговская», драматические произведения и др.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, полистилистика, барокко, театр, маска, маскарад.

Один из проблемных вопросов лермонтоведения – полистилистика поэта. Ее анализ привел к выводу о том, что барокко «вулканизирует» текст М.Ю. Лермонтова изнутри, является интегратором стилей. Это гармонизирующее, организующее начало его творчества, которому присущи и романтизм, и реализм, и ампирное начало, и объединяющее их барокко.

Искусству барокко свойственны иллюзия, игра, соединение реального с воображаемым, понимание мира как театра. В монографии «Лермонтов и барокко» мы отмечали, что театральность присуща произведениям М.Ю. Лермонтова [6]. Поэт интересовался театром, драматургия составляет одну из важнейших сторон его творчества. Описывая представление в одном из провинциальных театров в городе Черкасске, М.Ю. Лермонтов в письме А.А. Лопухину от 17 июня 1840 г. указывает, что прожил у генерала Хомутова три дня и каждый день ходил в театр [2, т. 4, с. 621–622]. Известно, что в детстве М.Ю. Лермонтов увлекался театром марионеток, лепил для него фигурки из воска, сочинял пьесы [3, с. 568].

В романе «Герой нашего времени» многое театрально: герои постоянно «играют». Так, Грушницкий разыгрывает роль романтического героя, готового идти под пули. Он рядится в театральные одежды: то солдатскую шинель, то парадную офицерскую форму, принимает театральные позы, которые высмеивает Печорин: *В это время дамы отошли от колодца и поравнялись с нами. Грушницкий успел принять драматическую позу с помощию костыля и громко отвечал мне по-французски…* [2, т. 4, с. 362].

Печорин, в свою очередь, устраивает и подстраивает различные ситуации, разрабатывая сценарии, по которым «играют» его герои (Азамат, княжна Мери, Вера, Грушницкий, Вулич). Он же и комментирует их, используя театральные термины «комедия», «завязка», «развязка», «драматический», «эффект сцены»: – *Завязка есть! – закричал я в восхищении <…> – об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится об том, чтоб мне не было скучно* [Там же, с. 371]. Печорин постоянно рассказывает о своих «постановках», комментируя их сам или рассказывая о впечатлении других героев, например, Вернера: *Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. <…> Я дал 40 рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический* [Там же, с. 375].

Одним из типологических приемов в произведениях М.Ю. Лермонтова является прием альтернативного построения сюжета, характерно-

го для стиля барокко: «Непрерывные колебания от счастья к несчастью составляют основу многих сюжетов драмы эпохи барокко, – пишет М.Н. Лобанова. – Неожиданность превращений, мгновенный переход в свою противоположность интересовали драматургов прежде всего. Колесо фортуны то возносит ввысь, то низводит в прах» [4, с. 56–57]. В «Маскараде» наиболее явно такое построение сюжета. Арбенин выстраивает свою версию событий, в понимании Нины сюжет имеет абсолютно противоположное развитие. Есть сторонники каждой из версий, а внутри спирально закрученного сюжета (интрига вокруг браслета, постоянные возвращения к теме браслета) разворачивается ряд дополнительных, альтернативных сюжетов, связанных с действиями каждого из героев (князя Звездича, баронессы, Казарина, Шприха и др.). Развитие понимания событий Ниной и Арбениным разнонаправленно, как и разнонаправленными, перепутанными, суетными являются действия других персонажей. Случай в драме (потеря браслета) приобретает роковые последствия.

Одним из символов, репрезентирующих театральность произведений М.Ю. Лермонтова, близость их к живописным произведениям, является символ занавеса, с изображением которого мы встречаемся, например, в поэме «Измаил-Бей» (1832): *В вечерний час дождливых облаков / Я наблюдал разодранный покров…* Занавес – атрибут многих произведений, написанных в стиле барокко. Мы видим сам занавес или его имитацию в произведениях Эль Греко («Портрет кардинала», «Святой апостол Варфоломей»), Диего Веласкеса («Портрет Филиппа IV», «Инфанта Маргарита в трепетном возрасте», «Принц Фелисе Просперо», «Венера перед зеркалом»), Яна Вермеера и др. У Рембрандта, стилистику которого разрабатывал М.Ю. Лермонтов, занавес играет важную роль в работах «Даная», «Автопортрет с Саскией на коленях», «Саския в костюме Флоры», «Ослепление Самсона», «Молодая женщина в постели», «Благословление Иакова» и др.

Занавес присутствует и обыгрывается во многих сценах «Героя нашего времени». Печорин подглядывает за княжной Мери, и «внутренность» комнаты раскрывается перед нами, как фрагмент театрального действа, при этом занавес – один из главных атрибутов этого действа, напоминающего нам живые картины Рембрандта. Например, в портрете Рембрандта «Молодая женщина в постели» (1645) изображается фигура женщины, выглядывающей из-за полога, она полна неудержимой жизненности. Мери же неподвижна, ее глаза полны «неизъяснимой грусти», но это не делает эту картину менее жизненной, тем более что действие происходит ночью, в темноте, а окно княжны освещает внутренний свет, характер-

ный для живописи Рембрандта: *У княжны еще горел огонь. <…> Занавесь был не совсем задернут, и я мог бросить любопытный взгляд во внутренность комнаты. Мери сидела на своей постели, скрестив на коленах руки…* [2, т. 4, с. 430–431].

Вот еще одна зарисовка – интерьер, который формируется с помощью окна как рампы, которая декорируется «пологом парчевым», «занавесом». Здесь уже освещение связано с обратным ходом художника: на темном фоне окна возникает световое пятно – «глядит луна»:

Всё, всё как прежде: лютня у окна,
И вкруг нее обвитая струна;
И две одежды женские лежат
На мягком ложе, будто бы назад
Тому лишь день, как дева стран чужих
Сюда небрежно положила их.
И, раздувая полог парчевой,
Скользит по ним прохладный ветр ночной,
Когда сквозь тонкий занавес окна
Глядит луна – нескромная луна!

(Литвинка. 1832)

Напряженное театральное действо со свойственными барокко аффектами имеет место в произведении «Ашик-Кериб». Приведем пример описания, которое представляет собой многофигурную жанровую композицию: *В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделать<ся> женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой* (занавесом. – *К.Ш., Д.П.*) *с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал…* [Там же, с. 272].

Слово-образ «занавес» употребляется и в условном смысле. Его роль выполняет чувство ненависти в «Вадиме»: *одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнув высшей своей степени, загородило весь мир, и душа поневоле смотрела сквозь этот черный занавес* [Там же, с. 75].

Интересно используется образ занавеса в романе «Княгиня Лиговская». Это слово-образ употребляется в прямом смысле для описания театрального действа, на котором присутствует Печорин: *Занавес взвился, – и в эту минуту застучали стулья в пустой ложе…* [Там же, с. 177]. В авторском повествовании далее сталкиваются два значения этого слова: прямое – *занавес Александрийского театра* – и переносное – *подыму свой занавес*, т.е. начну вести повествование, по-видимому, в другом русле: *Почтенные читатели, вы все видели сто раз Фенеллу, вы все с громом вызывали Новицкую и Голланда, и поэтому я перескочу через остальные 3 акта и подыму свой занавес в ту самую минуту, как опустился занавес*

Александрийского театра, замечу только, что Печорин мало занимался пьесою, был рассеян и забыл даже об интересной ложе, на которую он дал себе слово не смотреть [2, т. 4, с. 184].

Знаменательно, что и сюжетные события отмечаются автором поднятием занавеса, как это бывает в театральных действах. Под таким углом зрения театральным выглядит весь роман «Княгиня Лиговская». Во второй главе идет параллельное развитие событий в спектакле «Фенелла» и в романе. В романе имеют место «домашние сцены», описывается сцена на старинной картине, сценическая постановка в театре. Некоторые события и герои сравниваются с героями театральных произведений: *Тут могли бы вы также встретить несколько молодых и розовых юношей, военных с тупеями, штатских, причесанных á la russe, скромных подобно наперсникам классической трагедии, недавно представленных высшему обществу каким-нибудь знатным родственником…* [Там же, с. 250].

Где есть театр, там есть и зрители. В романе «Княгиня Лиговская» встречаемся с прямым и переносным употреблением слова «зрители». Часто оно употребляется по отношению к тем эпизодам романа, которые М.Ю. Лермонтов представляет как имеющие театральный характер: ... *не успев познакомиться с большею частию дам, и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или мазурку, встретить один из тех ледяных ужасных взглядов, от которых переворачивается сердце как у больного при виде черной микстуры, – они робкою толпою зрителей окружали блестящие кадрили и ели мороженое – ужасно ели мороженое* [Там же, с. 250]; *На балах Печорин с своею невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей…* [Там же, с. 176]; *Родители ее, более проницательные в качестве беспристрастных зрителей, стали ее укорять…* [Там же, с. 196–197].

Одна из черт театральности, присущей барокко, – это антитеза «правды» и «маски». В «высокой» литературе барокко тема «Vanitas» отражает душевную потрясенность и бессилие разрешить жизненные конфликты. Страх смерти уживается с иступленной жаждой жизни и, наоборот, с отчаянием. Вечная погоня за ускользающим земным счастьем и сознание его непрочности, сочетание греха и раскаяния, чувственности и аскезы, мятежа и смирения находят свое выражение в экстремизме барокко. Человек чувствует себя гостем на пиру жизни, участником всеобщего маскарада. Мир предстает как театр или сновидение [5, с. 120].

В одном из наиболее значимых для эстетики произведений М.Ю. Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен…» (1840) образ маскарада, маски способствует выражению мысли художника об отчуждении лирического героя от общества и общества от него:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, –
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

В стихотворении, написанном с присущей М.Ю. Лермонтову рефлексией, позволяющей видеть и себя, и других со стороны, художник достигает высокого обобщения посредством абстрагированных образов, в которых налицо приметы барокко: кружение *пестрой толпы*, иллюзорность жизни – жизнь как сон, динамичность, движение, хаос – *шум музыки и пляски*, остраненность, аффективность – *дикий шепот*. Контрастно по отношению к людям и людскому, но как присущее им – *приличьем стянутые маски*, *бестрепетные руки*.

Маска – один из атрибутов бренности и тщетности бытия, имеющий вещественное выражение. Маска – это и символ таинственности, иллюзорности, сокрытости. У М.Ю. Лермонтова маски часто получают структурную выделенность, эмблематичность, приобретают обобщенные названия: «нарядная маска» света, «маска привязанности», маска священника. В стихотворении «Как луч зари, как розы Леля…» (1832) есть обобщенный образ нарядной маски света. Этот коллективный образ несет у М.Ю. Лермонтова разрушительную, уничтожающую душу человека агрессию:

Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

В драме «Menschen und Leidenschaften» (1830) герой разоблачает другого, при этом он пытается «сорвать» «маску привязанности», с помощью которой герой безнаказанно действовал в обществе, «вооружая одного против другого»: *Ты можешь так бесстыдно лгать, лицемер...*

ты, который своими низкими сплетнями увеличил нашу ссору, который, надев маску привязанности, являлся к каждому и вооружал одного против другого… [2, т. 3, с. 241].

В драме «Испанцы» (1830) появляется другая маска – священник-иезуит патер Соррини:

Идет прелестная! пусть бережется; если
Заронит искру пламя в эту грудь,
Оледеневшую от лет... то не легко
Она избегнет рук моих – мне трудно
Носить поныне маску – и что ж делать?
Того уж требует мой сан. – Ха! ха! ха! ха!..

Здесь интересно проследить состояние человека, которому присуще играть определенную роль. Он носит маску, но мысли его, чувства противятся этому. «Оледеневшая» грудь готова пробудиться от «искры пламени». М.Н. Лобанова отмечает: «В передаче страстей – а человек виделся прежде всего существом аффективным, страдающим, подверженным пафосу, – и теория, и практика ориентировались на экстремальные состояния. <…> Одновременно эта передача страстей была предельно рационализирована, подчинялась строгому репрезентативному канону, предписаниям риторики, теории остроумия и других разделов барочной поэтики» [4, с. 33]. Барокко хочет увлечь всей силой страсти – непосредственно и непобедимо. Но оно не дает счастливого бытия (Sien), его тема – бытие возникающее (Werden), преходящее, не дарующее успокоения, не знающее покоя. «Настроение не разрешается, а переходит в состояние страстного напряжения» [1, с. 85].

В этом отношении интересны образы маски, которые используются в романе «Княгиня Лиговская». «Страшный» блеск глаз ограничен в своем проявлении маской – подлинной или иллюзорной: *Глаза, устремленные вперед, блистали тем страшным блеском, которым иногда блещут живые глаза сквозь прорези черной маски…* [2, т. 4, с. 172]; *Рот его, лишенный губ, походил на отверстие, прорезанное перочинным ножичком в картонной маске…* [Там же, с. 228]. Автор сравнивает черты человеческого лица с маской, что соответствует представлению о жизни как всеобщем маскараде, в котором участвуют люди, что характерно для барокко.

Собирает весь мир масок драма «Маскарад», М.Ю. Лермонтов оперирует здесь образами предельной обобщенности. В описании действующих лиц и в процессе развертывания драмы они называются «масками»: «1-я маска», «2-я маска» и т.д. Живая душа Нины убита светом, и парадоксальнее всего, что «орудием казни» становится тот, кто больше всех

любит ее. В этом находит выражение поэтика странностей, неожиданностей, парадоксального, присущего барокко.

М.Ю. Лермонтов не устает анализировать с разных сторон разными способами одни и те же объекты, осуществляя многомерную критику того, что не приемлет. Разоблачение масок происходит и в стихотворениях, и в поэмах, и в драмах, и в романах. Тема маски постоянно возобновляется, но она имеет как типологические способы воплощения, так и вариативно реализуется в различных произведениях через взаимодействие жанровых систем, иллюзии, «причудливой гармонии антитез». Сама стилевая система художника репрезентирует культуру барокко в целом.

Известно, что чем более художник связан со своей национальной культурой, тем в большей степени он включен в общемировые процессы в ней, т.к. в основе многообразных культур лежат общие глубинные модели, которые наиболее ярко реализуются через большие культурные стили, объединяющие искусство человечества. М.Ю. Лермонтов создал произведения, которые несут в себе черты барокко, свойственные русской культуре, но они органично вписываются в общемировые тенденции развития и возобновления этого величественного стиля. С М.Ю. Лермонтовым мы приобщаемся к осмыслению не только наших вечных вопросов, но и проблем мировой значимости – в философии, литературе и культуре. Загадка М.Ю. Лермонтова в том, что за свою очень короткую жизнь он привел нас к пониманию «сложного смысла искусства» через полифонию стилей, и в частности актуализацию барокко – искусства вечного, искусства животрепещущих проблем современности.

Библиографический список

1. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. СПб., 2004.
2. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1958–1959. Т. 3, 4.
3. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
4. Лобанова М.Н. Западноевропейское музыкальное барокко: Проблемы эстетики и поэтики. М., 1994.
5. Морозов А.А. Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 111–126.
6. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Лермонтов и барокко. Ставрополь, 2006.

П.М. Аркадьев

Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония[1]

Показано, что среди балтийских языков литовский демонстрирует наиболее развитую систему конструкций аккузативного vs. дативного маркирования субъекта в качестве единственного средства выражения различия между сентенциальными актантами и сирконстантами, а также связанное с дихотомией односубъектных и разносубъектных конструкций противопоставление согласуемых и несогласуемых причастий с использованием причастий разных времен, способных сочетаться с широким спектром матричных предикатов. Кроме того, демонстрируется, что литовские причастные конструкции естественным образом допускают анализ в терминах «подчинительного» падежного маркирования, выделенного ранее применительно к австралийским языкам. С диахронической точки зрения литовские причастные конструкции с дативным и аккузативным маркированием субъекта демонстрируют конверегентное морфосинтаксическое развитие структур, восходящих к различным источникам.

Ключевые слова: причастия, падежное маркирование, полипредикативные конструкции, литовский язык, балтийские языки, финно-угорские языки, австралийские языки, типология.

1. Введение

В данной работе рассматривается «неканоническое» падежное оформление субъекта в причастных предикациях литовского языка. В конструкциях с причастным оборотом в функции актанта его субъект вы-

[1] Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ «Типология морфосинтасических параметров» № 11-04-00282а и № 12-34-01345 «Синтаксис нефинитной глагольной предикации». Настоящая статья опирается на доклад автора на конференции «Типология морфосинтаксических параметров» (МГГУ им. М.А. Шолохова, декабрь 2011 г.). Я благодарю Н.В. Сердобольскую за ценные замечания к первому варианту текста.

ражается аккузативом (пример 1), а при сирконстантных причастиях субъект оформлен дативом (пример 2). При этом в обоих случаях причастие выступает в одной и той же несогласуемой форме (традиционно неудачно называемой «деепричастием»).

(1) *Vidurnakt-į* *pajut-au*
полночь-ACC.SG[1] почувствовать-PST.1SG
[***kažk-ą*** ***mieg-a-nt*** *mano* *lov-oje*]...
кто-то-ACC спать-PST-PA мой кровать-LOC.SG
'В полночь я почувствовал, что кто-то спит в моей кровати...' (LKT[2])

(2) *Kodėl* *ne-padar-ei* *savo* *darb-o* [***man***
почему NEG-сделать-PST.2SG свой работа-GEN.SG я:DAT
mieg-a-nt]?
спать-PRS-PA
'Почему ты не сделал свою работу, пока я спал?' (LKT)

Данное явление, хорошо известное балтистам, до сих пор не получило адекватной теоретической и типологической интерпретации. В настоящей статье литовские факты будут рассматриваться как в сопоставлении с аналогичными конструкциями родственных и географически близких языков – балтийских и прибалтийско-финских, так и в сравнении с данными языков, казалось бы, очень далеких, – австралийских. Я покажу, что такое сопоставление может оказаться весьма плодотворным для понимания представленных в литовском языке механизмов падежного маркирования и для построения общей типологии функционирования падежа в нефинитной предикации. Кроме того, литовские конструкции с «неканоническим» маркированием субъекта будут рассмотрены в диах-

---

[1] Сокращения: ABS – абсолютив, ABL – аблатив, ACC – аккузатив, ACT – актуальность, ADE – адэссив, AGR – согласование, ALL – аллатив, AOR – аорист, ART – артикль, AUX – вспомогательный глагол, CDAT – подчинительный датив, CERG – подчинительный эргатив, CNV – конверб, COBL – подчинительный обликвус, COM – комитатив, DAT – датив, DEB – дебитив, DEF – определенность, DS – разносуъектность, ELAT – элатив, ERG – эргатив, ESS – эссив, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, ILL – иллатив, IMMED – иммедиатив, IMP – императив, IMPL – импликативная форма, INC – инклюзивность, INE – инэссив, INF – инфинитив, INS – инструменталис, LOC – локатив, M – мужской род, MLOC – модальный локатив, MPROP – модальный проприетив, N – средний род, NEG – отрицание, NOM – номинатив, OBL – обликвус, PA – активное причастие, PASS – пассив, PL – множественное число, POT – потенциалис, PP – пассивное причастие, PRF – перфект, PRIOR – предшествование, PRIV – приватив, PROP – проприетив, PRS – настоящее время, PRT – причастие, PRV – преверб, PST – прошедшее время, PTV – партитив, REL – релятивизация, RFL – рефлексив, SG – единственное число, TRANS – транслатив, 1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо.

[2] Корпус литовского языка (tekstynas.vdu.lt).

ронической перспективе, поскольку их эволюция представляется весьма показательной с историко-типологической точки зрения.

2. Причастные актанты и сирконстанты в литовском языке

Причастия в литовском языке – многофункциональные глагольные формы, совмещающие глагольные и адъективные свойства [9, p. 326–372; 28; 47] и употребляющиеся в целом ряде различных конструкций. Из глагольных категорий причастия выражают в первую очередь время (настоящее, прошедшее, хабитуальное прошедшее и будущее), а из именных – согласование по роду, числу и падежу. Глагольная категория залога в литовском языке имеется только у причастий, при этом как активные, так и пассивные причастия образуются, в принципе, от любых глаголов, независимо от синтаксической переходности. В таблице 1 представлена парадигма причастий от глагола *sakyti* ‘сказать’.

Таблица 1

Парадигма причастий в литовском языке

	актив		**пассив**
	согласуемые	**несогласуемые**	
презенс	*sakąs* (m), *sakanti* (f)	*sakant*	*sakomas*
претерит	*sakęs* (m), *sakiusi* (f)	*sakius*	*sakytas*
хабитуалис	*sakydavęs* (m), *sakydavusi* (f)	*sakydavus*	–
будущее	*sakysiąs* (m), *sakysianti* (f)	*sakysiant*	*sakysimas*

Причастия в литовском языке могут употребляться: 1) атрибутивно, как определение к имени или вершина относительной клаузы; 2) в качестве конвербов, т.е. вершин сентенциальных сирконстантов [33, p. 105, 113], в этой функции к причастиям примыкает специализированный согласуемый конверб одновременности с суффиксом *-dam-* [6; 21]; 3) в качестве вершин сентенциальных актантов при предикатах восприятия, речи, мнения и знания [2; 10; 22]; 4) в составе различных аналитических форм – пассива, перфекта, авертива, сослагательного наклонения [3, с. 98–112; 19; 40], и, наконец, 4) в качестве независимых предикатов в эвиденциальном значении [5].

Ниже речь пойдет только о причастных конструкциях, выступающих в функции сентенциальных актантов и сирконстантов, в которых и наблюдаются интересующие нас нетривиальные модели падежного оформления субъекта. Эти конструкции характеризуются тем, что признак «наличие/отсутствие согласования» функционирует в них как своего рода механизм «переключения референции» (switch-reference [23]): согласование присутствует лишь тогда, когда (обязательно нулевой) субъект причастия кореферентен номинативному подлежащему главной

клаузы [33, p. 113], ср. примеры 3 и 4 (кореферентные субъекты отмечены подстрочной коиндексацией), в противном случае используются несогласуемые причастия. При этом основное поверхностное различие между причастными актантами и сирконстантами состоит в падежном оформлении их субъектов: у актантов субъект выражен аккузативом, ср. примеры 1 и 5, а у сирконстантов – дативом, ср. примеры 2, 6.

Сентенциальный актант, кореферентность субъектов:

(3) *Pat-s* *Erazm-as*$_i$ *sak-ė-si* [Ø$_i$
сам-NOM.SG.M Эразм-NOM.SG сказать-PST(3)-RFL
pa-raš-ęs *od-ę* *toki-ą*
PRV-писать-PST.PA.NOM.SG.M ода-ACC.SG такой-ACC.SG.F
paprast-ą]...
простой-ACC.SG.F
'Сам Эразм говорил, что написал оду такой простой...' (LKT)

Сентенциальный сирконстант, кореферентность субъектов:

(4) *O* *aš*$_i$ *pajut-au* *didel-į*
а я:NOM почувствовать-PST.1SG большой-ACC.SG.M
palengvėjim-ą [Ø$_i$ ***pa-raš-ęs*** *šit-ą*
облегчение-ACC.SG PRV-писать-PST.PA.NOM.SG.M этот-ACC.SG
laišk-ą].
письмо-ACC.SG
'А я испытал большое облегчение, написав это письмо.' (LKT)

Сентенциальный актант, некореферентность субъектов:

(5) *Aš* *spėj-u,* *kad* *direktor-ė*
я:NOM полагать-PRS.1SG что директор(F)-NOM.SG
įtar-ė [***Violet-ą*** ***pa-raš-ius*** *t-ą*
подозревать-PST(3) Виолета-ACC.SG PRV-писать-PST.PA тот-ACC.SG
skund-ą].
жалоба-ACC.SG
'Я полагаю, что директор заподозрила, что Виолета написала эту жалобу.' (LKT)

Сентенциальный сирконстант, некореферентность субъектов:

(6) *Deja,* [***vien-am*** ***pa-raš-ius*** *įstatym-ą*],
жаль один-DAT.SG.M PRV-писать-PST.PA закон-ACC.SG
kit-as *skub-a* *j-į* *niekin-ti* …
другой-NOM.SG.M спешить-prs(3) 3-ACC.SG.M ругать-INF
'К сожалению, когда один [депутат] напишет закон, другой спешит его ругать...' (LKT)

Для наглядности морфосинтаксические свойства причастных конструкций суммированы в таблице 2.

Таблица 2

Признаки актантных и обстоятельственных причастных конструкций

		согласование	**оформление субъекта**
односубъектные	актантные	+	Ø
	обстоятельственные	+	Ø
разносубъектные	актантные	–	ACC
	обстоятельственные	–	DAT

Если причастия прошедшего времени, выражающие таксис предшествования, демонстрируют полностью симметричное поведение в односубъектных и разносубъектных актантных и сирконстантных конструкциях, то в односубъектных сирконстантных конструкциях с таксисом одновременности вместо согласованных причастий настоящего времени выступает специализированный конверб с суффиксом *-dam-* [4], согласующийся по роду и числу с номинативным субъектом матричной клаузы, ср. примеры 7 и 8.

Сентенциальный актант с таксисом одновременности:

(7) *Pedagog-ė*$_i$ *pasakoj-o* [Ø$_i$ *dabar*
педагог(F)-NOM.SG рассказать-PST(3) теперь
raš-a-nt-i *disertacij-ą* ...]
писать-PRS-PA-NOM.SG.F диссертация-ACC.SG
'Педагог рассказала, что сейчас пишет диссертацию...' (LKT)

Сентенциальный сирконстант с таксисом одновременности:

(8) [Ø$_i$ ***Rašy-dam-a*** *apie* *Lietuv-ą*] *M.Gimbutien-ė*$_i$
писать-CNV-SG.F о Литва-ACC.SG М.Гимбутас-NOM.SG
rėm-ė-si *mūs-ų* *tautosak-a* *bei* *archeolog-ų*
опирать-PST(3)-RFL мы-GEN фольклор-INS.SG и археолог-GEN.PL
darb-ais.
работа-INS.PL
'Пиша о Литве, Мария Гимбутас опиралась на наш фольклор и работы археологов.' (LKT)

Важно отметить, что имеются многочисленные признаки [2; 10] того, что при большинстве матричных предикатов, подчиняющих разносубъектные причастные актанты, аккузативная именная группа (ИГ) входит в состав причастной клаузы и получает свой падеж в ней, а не от матричного глагола. Об этом свидетельствует, например, допустимость примеров типа 9, где обстоятельство, семантически относящееся к вложенной предикации, расположено левее аккузативного субъекта причастия, и пример 10, где аккузативный субъект занимает в причастном обороте конечную (рематическую) позицию.

(9) *Sak-iau* [*rytoj* *Jurg-į* *atvyk-si-ant*].
сказать-PST.1SG завтра Юргис-ACC.SG приехать-FUT-PA
'Я сказал, что завтра приедет Юргис.' [2, с. 63]

(10) ***...ir*** *mat-o* **[***nuo* *mišk-o* *atein-a-nt* *kareiv-į* ***...]***
и видеть-PRS(3) от лес-GEN.SG прийти-PRS-PA солдат-ACC.SG
'...и видит, что со стороны леса идет солдат...' [2, с. 64]

Таким образом, можно констатировать, что на синхронном уровне между актантными и обстоятельственными причастными клаузами в литовском имеются черты сходства по следующим признакам: 1) корреляция переключения референции и признака [± согласование]; 2) наличие синтаксической позиции для подлежащего; 3) неноминативное маркирование референциально независимого подлежащего; 4) временна́я парадигма, используемая для выражения таксисных значений.

3. Сходные конструкции в балтийских и прибалтийско-финских языках

В языках восточно-балтийского ареала представлены нефинитные конструкции, сходные с литовскими причастными актантами и сирконстантами, однако при более пристальном рассмотрении их свойства оказываются отличными.

Начнем с балтийских языков. В латышском языке[1] имеются причастные актанты с субъектом в аккузативе [16] (пример 12) и причастные сирконстанты с субъектом в дативе (пример 11); в обоих типах конструкций, как и в литовском, используются несогласуемые причастия.

Латышский, сентенциальный актант, некореферентность субъектов:

(11) *Iedomāj-o-s* [***Solvīt-u*** ***brien-am***]
вообразить:PST-1SG-RFL Солвита-ACC.SG брести-PRS.PRT
'Я вообразил Солвиту бредущей.' [17, p. 43]

(12) [***Pēdēj-am*** ***es-ot*** *atvaļinājum-ā*],
последний-DAT.SG.M быть-PRS.PA отпуск-LOC.SG
viņ-a *darb-u* *veic-a* *Cvinger-s.*
3-GEN.SG.M работа-ACC.SG делать-PST.3 Цвингерс-NOM.SG
'Поскольку последний был в отпуске, его работу выполнял Цвингерс.' [16, p. 54]

При кореферентности субъектов в актантных конструкциях используются согласуемые причастия, ср. пример 13.

Латышский, сентенциальный актант, кореферентность субъектов:

(13) *Pēkšņi* *jut-o-s* [*lidz* *nespēk-am*
внезапно чувствовать:PST-1SG-RFL до бессилие-DAT.SG

[1] Я благодарю за помощь с латышским материалом Н.В. Перкову и ряд латышских коллег, откликнувшихся на мои запросы в рассылке baltistica.

nogur-us-i].
устать-PST.PA-NOM.SG.F
‘Внезапно я почувствовала себя до изнеможения уставшей’.
[16, p. 48]

В сирконстантных же конструкциях противопоставление согласуемых и несогласуемых причастий в латышском не соблюдается: если при разносубъектности (пример 12) допускаются лишь несогласуемые причастия, то в односубъектных конструкциях наряду с согласуемыми причастием (пример 14) и конвербом (пример 15) возможно и употребление несогласуемого причастия (пример 16).

Латышский, сентенциальные сирконстанты, кореферентность субъектов:

(14) [***Paņēm-is*** *Klint-u* *pie* *rok-as*],
взять-PST.PA.NOM.SG.M Клинта-ACC.SG за рука-GEN.SG
Olav-s *ved* *t-o* *pie* *liel-ā*
Олавс-NOM.SG вести:PRS.3 тот-ACC.SG к большой-GEN.SG.M.DEF
spoguļ-a.
зеркало-GEN.SG
‘Взяв Клинту за руку, Олавс ведет ее к большому зеркалу.’
[16, p. 53]

(15) *Vien-s* *iet* *pa priekšu*, [***spēlē-dam-s***
один-NOM.SG.M идти:PRS:3 впереди играть-CNV-SG.M
tād-u *maz-u* *akordeoniņ-u*].
такой-ACC.SG маленький-ACC.SG аккордеончик-ACC.SG
‘Один идет впереди, играя на таком маленьком аккордеончике.’
[31, p. 45]

(16) *Mēs*$_i$ *vienkārši* *tā* *vienmēr* *priecāj-am-ies*
мы:NOM попросту так всегда радоваться-PRS.1PL-RFL
[Ø$_i$ ***ienāk-ot*** *iekšā*].
войти-PRS.PA внутрь
‘Мы попросту всегда так радуемся, входя внутрь.’ [31, p. 45]

Помимо менее строгого противопоставления согласуемых и несогласуемых причастий, латышский отличается от литовского продуктивностью использования причастий в актантных и сирконстантных функциях. Если в литовском в разносубъектных актантных конструкциях допускаются причастия любых времен [2, с. 47–48], а в сирконстантных конструкциях различаются по крайней мере таксис одновременности и предшествования, то в латышском набор форм, допустимых в разносубъектных конструкциях, крайне ограничен. В сирконстантных причастных клаузах используется фактически лишь причастие настоящего времени на *-ot*, а в актантных – только утратившее залоговую ориентацию пас-

сивное причастие настоящего времени на *-am*. Кроме того, латышские причастные актанты сочетаются лишь с весьма ограниченным кругом матричных предикатов (преимущественно с глаголами восприятия), в отличие от литовского, где множество предикатов, способных подчинять причастные актанты, практически неограничено [10, p. 291–295]. Аналоги литовских причастных актантов с глаголами речи вроде примера 9 в латышском неграмматичны (пример 17a) и вместо них используются финитные зависимые клаузы (пример 17b).

Латышский, сентенциальный актант с глаголом речи:

(17) a. **Tu* *teic-i* ***sav-u*** ***mās-u*** *rīt*
ты:NOM сказать-PRS.2SG свой-ACC.SG сестра-ACC.SG завтра
atbrauc-am.
приехать-PRS.PRT

b. *Tu* *teic-i,* *ka* *tav-a* *mās-a*
ты:NOM сказать-PRS.2SG что твой-NOM.SG.F сестра-NOM.SG
atbrauk-s *rīt.*
приехать-FUT(3) завтра
‘Ты говоришь, что твоя сестра завтра приедет.’

Кроме того, синтаксические тесты показывают, что аккузативная ИГ в примерах типа 11 скорее принадлежит главной, нежели зависимой клаузе. Об этом свидетельствует, во-первых, запрет на помещение наречия, модифицирующего причастие, перед аккузативной ИГ.

Латышский:

(18) a. **Es* *redz-ēj-u* ***lēni*** ***Kārl-i***
я:NOM видеть-PST-1SG медленно Карлис-ACC.SG
pārej-am *pāri* *iel-ai*.
перейти-PRS.PRT через улица-DAT.SG

b. *Es* *redz-ēj-u* ***Kārl-i*** ***lēni***
я:NOM видеть-PST-1SG Карлис-ACC.SG медленно
pārej-am *pāri* *iel-ai*.
перейти-PRS.PRT через улица-DAT.SG
‘Я видел, как Карлис медленно переходил улицу.’

Во-вторых, аккузативный «логический субъект» причастных актантов обычно меняет свое падежное оформление на номинатив при дебитивной форме матричного предиката [24, p. 9–62; 31, p. 39–40], как и обычный прямой объект.

Латышский:

(19) a. *Man* *bij-a* *jā-dzird* ***Jān-is***.
я:DAT AUX.PST-3 DEB-слышать Янис-NOM.SG
‘Я должен был слышать Яниса.’

b. *Man* *bij-a* *jā-dzird* ***Jān-is***/?***Jān-i***
я:DAT AUX.PST-3 DEB-слышать Янис-NOM.SG/Янис-ACC.SG
dzied-am.
петь-PRS.PRT
'Я должен был слышать, как Янис пел.'

Таким образом, в латышском конструкции с актантными причастиями не только гораздо менее продуктивны, чем в литовском, но и имеют иную (как будет показано в разделе 5, более архаичную) синтаксическую структуру, ср. схематическое представление:

(20) a. литовский: V [NP_{ACC} $V_{PRT[-AGR]}$]
b. латышский: V NP_{ACCi} [$Ø_i$ $V_{PRT[-AGR]}$]

Ситуация в латгальском в целом совпадает с латышской [32, p. 93–94]. В разносубъектных причастных актантах используются исторически пассивные формы на *-am* (пример 21), хотя в более архаичных текстах встречаются несогласуемые активные презентные причастия (пример 22). Оба типа конструкций используются при глаголах восприятия и, по всей видимости, синтаксически устроены по модели 20b.

Латгальский, сентенциальный актант, некореферентность субъектов:

(21) *Na-jiut-u* ***t-ū*** ***"blog-u"***
NEG-чувствоваться-PRS.1SG этот-ACC.SG.M блог-ACC.SG
as-am *dzeiv-u.*
быть-PRS.PRT живой-ACC.SG
'Я не чувствую, что этот блог жив.' [32, p. 94]

(22) *Atrod-a* *ti* [***barn-u,*** ***pujszkinieni-u,***
найти:PST-3 там ребёнок-ACC.SG мальчонка-ACC.SG
ziam-ia ***gul-ejt'***].
земля-LOC.SG лежать-PRS.PA
'Они обнаружили, что там на земле лежал ребенок, мальчонка.'[1]
[32, p. 93]

Причастные сирконстанты в латгальском совпадают с латышскими, в частности, в том, что в односубъектных конструкциях допускаются несогласуемые причастия, ср. примеры 23 и 24.[2]

---

[1] Трактовка этого примера как содержащего именной, а не сентенциальный актант, а причастной клаузы, соответственно, как модификатора имени (*нашли* [*ребенка*, [*лежащего на земле*]]), невозможна, поскольку в такой структуре причастие было бы согласовано с именем по роду, числу и падежу.

[2] Примеров разносубъектных конструкций с дативным оформлением субъекта в доступных мне источниках обнаружить не удалось. По-видимому, конструкции dativus cum participio в латгальском практически вышли из употребления, что подтверждает и Н. Нау (личное сообщение).

Латгальский, сентенциальные сирконстанты, кореферентность субъектов:

(23) [*Upīt-ē* ***vuicei-dam-īs***] *suok-u* *sacerē-t*
Упите-LOC.SG учиться-CNV-SG.M начать:PRS-1SG сочинять-INF
eilen-is…
стихи-ACC.PL
‘Учась в Упите, я начинаю сочинять стихи...’ [32, p. 95]

(24) ...[***atbolst-ūt*** *latgalisk-ū* *Latvej-u*],
поддержать-PRS.PA латгальский-ACC.SG.DEF Латвия-ACC.SG
mes *nūturē-si-m* *i* *saglobuo-si-m*
мы:NOM поддержать-FUT-1PL и сохранить-FUT-1PL
latvysk-u *Latgol-u.*
латвийский-ACC.SG Латгалия-ACC.SG
‘... поддерживая латгальскую Латвию, мы поддержим и сохраним латвийскую Латгалию.’ [32, p. 95]

Таким образом, несмотря на то, что причастные конструкции в современных балтийских языках обладают сходными поверхностными характеристиками: 1) использование противопоставления согласуемых и несогласуемых форм для «переключения референции» (с оговоркой о частичном размывании этого противопоставления в латышском и латгальском); 2) использование аккузативного vs. дативного оформления субъекта причастия для разграничения актантов и сирконстантов, – они различаются, во-первых, степенью продуктивности выражения таксисных отношений и, во-вторых, синтаксической структурой причастных актантов (лишь в литовском аккузативная ИГ при актантных причастиях однозначно относится к зависимой клаузе). Литовская система выделяется на фоне других балтийских 1) наиболее развитым и последовательным использованием в причастных конструкциях морфологической категории времени; 2) наиболее строгим разграничением односубъектных и разносубъектных конструкций; 3) наибольшей функциональной нагрузкой противопоставления аккузатива и датива (поскольку, в отличие от латышского и латгальского, все литовские несогласуемые причастия используются и как актанты, и как сирконстанты) и 4) максимальным параллелизмом синтаксической структуры сирконстантных и актантных причастных клауз.

Перейдем теперь к прибалтийско-финским языкам, нефинитные конструкции в которых обсуждаются в исследованиях [30, 46]. В эстонском[1] [17, p. 120, 122–123] противопоставление односубъектных и разносубъектных конструкций не морфологизовано, зато в позиции актантов и сир-

[1] Я благодарю П.А. Оскольскую и А. Карьюса за помощь в работе с эстонским материалом.

константов выступают разные глагольные формы: презентные причастия в форме партитива в актантных конструкциях (примеры 25, 26) и конвербы одновременности (примеры 27, 28) или перфектные причастия (пример 29) в сирконстантных конструкциях. Собственный субъект причастия выражается генитивом в обоих типах причастных клауз, однако в актантных конструкциях возможно также его оформление партитивом [42], ср. пример 26. Синтаксические свойства генитивной или партитивной ИГ при актантных причастиях требуют отдельного изучения, однако можно отметить, что такие конструкции в эстонском сочетаются с более широким кругом глаголов, нежели латышские, в частности, они допустимы при глаголах речи [17, p. 120].

Эстонский, сентенциальный актант, кореферентность субъектов:

(25) *Heli*$_i$ *tundu-s* [Ø$_i$ ***tule-va-t***
звук:NOM.SG казаться-PST.3SG прийти-PRS.PA-PTV.SG
koopa-st.]
пещера-ELAT
'Звук казался идущим из пещеры.' [43, p. 390]

Эстонский, сентенциальный актант, некореферентность субъектов:

(26) *Mari* *arva-s* [***Tooma***/***Toomas-t*** *raamatu-t*
Мари:NOM.SG думать-PST.3SG Томас:GEN.SG/PTV.SG книга-PTV.SG
kirjuta-va-t].
писать-PRS.PA-PTV.SG
'Мари думала, что Томас пишет книгу.' [42, p. 1]

Эстонский, сентенциальный сирконстант, кореферентность субъектов:

(27) *Õhtu-l* [Ø$_i$ *toa-s* ***istu-des***] *mõlte-s*
вечер-ADE.SG комната-INE.SG сидеть-CNV.PRS думать-PST.3SG
ta$_i$ *sellete* *kaua.*
3SG.NOM это.ALL.SG долго
'Вечером, сидя в комнате, он долго думал об этом.' [17, p. 122]

Эстонский, сентенциальный сирконстант, некореферентность субъектов:

(28) [***Päikese*** ***looju-des***] *läk-s* *ilm*
солнце:GEN.SG зайти-CNV.PRS идти-PST.3SG погода:NOM.SG
jaheda-ks.
прохладный-TRANS.SG
'При заходе солнца стало прохладнее.' [17, с. 123]

(29) [*Telegrammi* *läbi* ***luge-nud***] *läk-s-id* *ta-l*
телеграмма:GEN.SG через читать-PRF.PA идти-PST-3PL 3SG-ADE
jalad *nõrg-aks*.
нога:NOM.PL слабый-TRANS
'Когда он прочел телеграмму, у него подкосились ноги.' [46, с. 4]

Стоит отметить, что несмотря на способность нефинитных форм в эстонских сирконстантных конструкциях различать время, ср. формы таксиса одновременности в примерах 27–28 и предшествования в примере 29, лишь конверб одновременности на *-des* допускает выраженный субъект в генитиве.

В финском [25, p. 186–187, 202], подобно литовскому, различие между односубъектными и разносубъектными конструкциями выражается с помощью согласования нефинитной формы, однако не по падежу, а по лицу и числу с помощью посессивных суффиксов (примеры 30a и 31a). Тем не менее, этот параллелизм неполный, поскольку посессивное согласование используется в финском также в тех случаях, когда собственный субъект нефинитной (сирконстантной, но не актантной) клаузы, выраженный генитивом, является местоимением, ср. пример 32. Актантные и сирконстантные предикации различаются глагольными формами – в обстоятельственных конструкциях выступает инфинитив в форме инэссива (пример 30), а в актантных – причастие (пример 31), в случае разносубъектности маркированное генитивом. Выраженный субъект вложенной предикации оформляется генитивом в обоих случаях (примеры 30b и 31b).

Финский, сентенциальные сирконстанты:

(30) a. [$Ø_i$ ***Herät-e-ssä-än***] *Pekka*$_i$ *oli* *sairas*.
проснуться-INF-INE-3 Пекка(NOM.SG) быть:PST.3SG больной
‘Когда Пекка проснулся, он был болен.’ [25, p. 186]

b. [***Peka-n*** ***herät-e-ssä***] *Liisa*
Пекка-GEN.SG проснуться-INF-INE Лиса(NOM.SG)
lähtee *tö-i-hin.*
идти:PRS.3SG работа-PL-ILL
‘Когда Пекка просыпается, Лиса идет на работу.’ [25, p. 187]

Финский, сентенциальные актанты:

(31) a. *Tiedä-n*$_i$ [$Ø_i$ ***ole-va-ni*** *vanha*].
знать.PRS-1SG быть-PRS.PA-1SG старый
‘Я знаю, что я старый.’ [25, p. 202]

b. *Kuulutus* *kertoi* [***juna-n***
объявление(NOM.SG) сказать:PST.3SG поезд-GEN.SG
saapu-va-n *Tikkurilaan*.
прибыть-PRS.PA-GEN.SG Тиккурила:ILL.SG
‘Объявили, что поезд прибывает в Тиккурилу.’ (http://www.vr.fi/attachments/6IWGlYrDX/matkaan_8_2013_novelliliite_painoon.pdf)

Финский, сентенциальный сирконстант, некореферентность субъектов:

(32) *Muu-t* *nukku-i-vat* [***häne-n*** ***herat-e-ssä-än***].
другой-NOM.PL спать-PST-3PL 3SG-GEN проснуться-INF-INE-3SG

‘Другие спали, когда она проснулась.’ [25, p. 187]

Наконец, ливский демонстрирует наиболее близкую к латышскому ситуацию [46, p. 4–5]: в односубъектных конструкциях ливские причастия согласуются по числу и падежу (пример 33), а в разносубъектных причастных сирконстантах субъект маркируется дативом (пример 34). Обе модели очевидным образом возникли под контактным влиянием латышского.

Ливский, сентенциальный сирконстант, кореферентность субъектов:

(33) *Je’dõviedāji* *brūt’õks* *tu’ļtõ* [*kä’d*
дружка:NOM.SG невеста:COM.SG прийти:PST.3PL рука:GEN.SG
ak:õn-d]...
держать:PRF.PA-NOM.PL
‘Дружка с невестой шли, держась за руки...’ [46, p. 5]

Ливский, сентенциальный сирконстант, некореферентность субъектов:

(34) [***Tä’m-õn*** ***kᵘo’dõ*** ***sil:*** ***lä:’dsõ***] *ne* *so’gd-õd*
3.SG-DAT дом-GEN.SG в идти-CNV.ESS эти слепой-NOM.PL
tu’ļtõ *tä’m* *jū’r.*
прийти.PST.3PL 3SG.GEN к
‘Когда Он вошел в дом, слепые подошли к Нему.’ [39, p. 137]

Нефинитные актантные конструкции в ливском, насколько можно судить по описаниям [30, p. 21; 39, p. 142, 147–148], сходны с эстонским (пример 35). Синтаксический статус партитивного «логического субъекта» причастия не может быть установлен точно из-за недостаточности данных.

Ливский, сентенциальный актант, некореферентность субъектов:

(35) *Ja* *nä:bõd* ***Rišting*** ***Puoigõ*** ***tul-m***.
и видеть:PRS.3PL человек:GEN.SG сын:PTV.SG прийти-INF.ILL
‘И увидят Сына Человеческого грядущего.’
(Ūz Testament 1942, Мф. 24:30 [цит. по: 30, p. 21])

Сравнение балтийских и прибалтийско-финских языков показывает, что хотя основные параметры нефинитных зависимых клауз (противопоставление актантных vs. сирконстантных и односубъектных vs. разносубъектных конструкций) являются для них общими, их формальное выражение существенно отличается. В частности, лишь балтийские языки систематически используют падежное маркирование субъекта причастия для разграничения актантных и сирконстантных причастных клауз, причем лишь в литовском падежное оформление является, по сути, единственным средством выражения данного синтаксического противопоставления.

4. Типологическая параллель: «подчиняющий» падеж в языках Австралии

Типологические параллели к балтийским конструкциям с причастными актантами и сирконстантами обнаруживаются в самых разных языках мира, поскольку «неканоническое» оформление субъекта нефинитной предикации в принципе довольно распространено [8; 11, p. 80–81; 29; 38]. Тем не менее, для понимания наблюдаемых в литовском механизмов падежного маркирования особенно полезным представляется рассмотрение данных ряда австралийских языков. Сопоставление их с литовским, несмотря на, казалось бы, очень существенные поверхностные различия, по моему мнению, позволяет выявить более глубинные параллели.

В классической статье А. Денча и Н. Эванса [14] о падежном маркировании в языках Австралии выделяются следующие функции падежей: реляционная (relational, выражение семантико-синтаксической роли ИГ в предикации); приименная (adnominal, выражение зависимости ИГ от другого имени); референциальная (referential, выражение отношения между вторичным или адвербиальным предикатом и ИГ, к которой он относится); подчинительная (complementizing, см. подробнее ниже); ассоциирующая (associating, см. подробнее ниже); модальная (modal, выражение на ИГ категорий предиката).

Детальное обсуждение предложенной А. Денчем и Н. Эвансом типологии падежных функций в рамках данной статьи невозможно, отмечу лишь, что эта система понятий применима не только к языкам Австралии и может быть использована для описания самых различных падежных систем. Здесь меня интересуют в первую очередь подчинительная и ассоциирующая функции.

Подчинительный падеж маркирует зависимую клаузу (нефинитную или финитную) и может выражаться на тех или иных (иногда на всех) ее составляющих. Так, в языке паньтима подчинительным локативом оформлены как номинализованный предикат, так и субъект вложенной сирконстантной клаузы (пример 36), а подчинительным аккузативом – все составляющие актантной клаузы (пример 37).

Паньтима (семья пама-ньюнга, западная Австралия), сентенциальный сирконстант:

(36) *nyiya jilya panti-ku minyma*, [***kutiya-la jilya-ngka***
этот ребенок сидеть-PRS тихо другой-LOC ребенок-LOC
katama-nnguli-jangu-la *marlpa-ngku*].
бить-PASS-REL-LOC мужчина-INS
‘Этот ребенок сидит тихо, пока другого ребенка бьет мужчина [букв. «пока другой ребенок избиваем мужчиной»].’ [14, p. 23]

Паньтима, сентенциальный актант:

(37) *Ngatha yana-ku panti-rta kumpa-ku* [*kangkuru-**ku***
я:NOM идти-PRS сидеть-FUT ждать-PRS кенгуру-ACC
*paka-rnu-**ku** murrka-karta-**ku***].
прийти-REL-ACC болото-ALL-ACC
'Я буду ждать, пока кенгуру не придет к болоту.' [13, p. 85]

Не может не обратить на себя внимание сходство локативного подчинительного падежа в паньтима с хорошо известными «абсолютными» конструкциями в классических индоевропейских языках [26; 36], в частности, с «абсолютным локативом» в древнеиндийских языках, ср. пример 38 из языка пали, а подчинительного аккузатива – с конструкциями accusativus cum participio, представленными, например, в древнегреческом языке (пример 39). Кажется вполне разумным предположение, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же явлением.

Пали (индо-арийские), сентенциальный сирконстант:

(38) [***t-esu vivad-a-nt-esu***] *bodhisatt-o cintesi*.
3-LOC.PL спорить-PRS-PA-LOC.PL бодхисатва-NOM.SG подумал
'Пока они спорили, бодхисатва подумал.' [15, p. 160]

Древнегреческий, сентенциальный актант:

(39) *καὶ ἡ γυνὴ ἑπορᾷ **μιν ἐξιόντα***
*kai h-ē gyn-ē e-por-āi **min***
и ART-NOM.SG.F женщина-NOM.SG PST-видеть:AOR-3SG 3:ACC.SG
eksi-o-nt-a.
выйти-PRS-PA-ACC.SG
'И женщина видела его выходящим.'
(Геродот, История I 10:6 [цит. по: 12, p. 576])

Рассмотрим более подробно систему подчинительного падежного маркирования в языках тангкской семьи [18] (см. также не использующий понятия падежа анализ данных каядилта [35]), где, во-первых, подчинительный падеж маркирует все составляющие зависимой клаузы, включая субъект и предикат, и, во-вторых, показатели подчинительного падежа могут присоединяться «поверх» показателей других падежных функций (например, реляционной или активно представленной в этих языках «модальной», ср. явления Suffixaufnahme [34]). При этом, как и в балтийских языках, подчинительный падеж появляется в случае некореферентности субъектов вложенной и матричной предикаций [18, p. 489–490, 503]. Так, в языке каядилт при кореферентности субъектов зависимая клауза не имеет никакого специального маркирования (пример 40), а при разносубъектности используется подчинительный обликвус, причем как

в актантных (пример 41), так и в сирконстантных (пример 42) зависимых клаузах.

Каядилт (тангкская семья, северная Австралия), кореферентность субъектов:

(40) *ki-l-da*$_i$ *karna-ja* *minal-i*, [Ø$_i$ *karn-marri-wu*
3-PL-NOM жечь-ACT кустарник-MLOC трава-PRIV-MPROP
rajurri-ju]
идти-POT
'Они жгут кустарник, чтобы не ходить в траве.' [18, p. 489]

Каядилт, некореферентность субъектов:

(41) *nyingka* *mungurr-wa* [*ngumban-**inja*** *kajakaja-**ntha*** *buka-**nth***]
ты:NOM знать-NOM твой-COBL папа-COBL мертвый-COBL
'Ты знаешь, что твой отец умер?' [18, p. 512]

(42) *dii-ja* *ngakul-da* *yulaa-j*, [*yarangkarr-**inja***
сесть-ACT мы:INC-NOM бояться-ACT звезда-COBL
*barji-**jurrk***]
падать-IMMED:COBL
'Мы сели и боялись, пока падала звезда.' [18, p. 521]

Более сложная система подчинительного падежного маркирования представлена в родственном языке юкулта, где противопоставление односубъектных и разносубъектных предикаций следует не номинативно-аккузативной (S/A), как в каядилте, а эргативно-абсолютивной (S/P) модели [18, p. 543]. Так, в примере 43 субъект (A) вложенной клаузы кореферентен абсолютивному актанту (P) матричной, и поэтому подчинительный падеж не используется. Подчинительный падеж появляется как при некореферентности субъекта вложенной предикации какому-либо актанту главной, так и при кореферентности его эргативному субъекту (A). В первом случае используется подчинительный датив, исторически соответствующий обликвусу в каядилте [18, p. 543, p. 544–547] (пример 44), а во втором случае – подчинительный эргатив (пример 45).

Юкулта (тангкская семья, северная Австралия), абсолютивный контроль:

(43) *dangka-ya=kanda* *kurri-ja* *maku*$_i$,
мужчина-ERG=PST:3>3 видеть-ACT женщина(ABS)
[Ø$_i$ *kunawuna-naba* *jambila-tharrba*].
ребёнок-ABL ударить-PRIOR
'Мужчина увидел, как женщина ударила ребенка.' (букв. «мужчина увидел женщину, ударившую ребенка») [18, p. 543]

Юкулта, несовпадение субъектов:

(44) *dangka-ya=kanda* *kurri-ja* *maku*,
мужчина-ERG=PST:3>3 видеть-ACT женщина(ABS)

[*kunawuna-**ntha*** *jambila-tharrba-**ntha***].
ребёнок-CDAT ударить-PRIOR-CDAT
‘Мужчина видел женщину, когда ребенок ударил ее.’ [18, p. 545]

Юкулта, эргативный контроль:

(45) *dangka-ya*$_i$*=karri* *ngida* *karna-ja*
мужчина-ERG=PRS:3>3 дерево(ABS) зажечь-ACT
[Ø$_i$ *makurrarra-wurlu-**ya*** *karna-jurlu-**ya***].
валлаби-PROP-CERG зажечь-IMPL-CERG
‘Мужчина разжег огонь, чтобы приготовить валлаби.’ [18, p. 543]

Представленная в каядилте и юкулта система подчинительного падежа сходна с индоевропейскими абсолютными причастными конструкциями в том, что и предикат (причастие в индоевропейских языках и финитная форма в тангкских), и какие-либо его зависимые (субъект в индоевропейских и все зависимые в тангкских) маркируются специальным падежом, указывающим на зависимый статус предикации. Главное отличие индоевропейских конструкций от тангкских, настолько бросающееся в глаза, что способное скрыть от исследователя глубинное сходство грамматических механизмов, состоит в морфологических свойствах падежных систем. Если во многих австралийских языках имя может одновременно нести несколько падежных показателей, более или менее прозрачным образом соответствующих разным падежным функциям [14], то в индоевропейских языках, где в составе словоформы допускается единственный падежный показатель, на выражение подчинительного падежа накладываются строгие ограничения (в обычном случае подчинительный падеж может «вытеснять» лишь номинатив). Тем не менее, четкое разграничение синтаксических механизмов падежного маркирования и морфологического выражения падежа (ср. противопоставление синтаксического и морфологического падежа [41]) позволяет убедиться в том, что параллели между австралийскими и индоевропейскими системами столь же значительны, сколь и различия между ними.

В отличие от подчинительного падежа, функция которого – маркировать зависимую предикацию, ассоциирующий падеж выступает на актантах номинализованного предиката вместо «канонического» маркирования, представленного в финитных контекстах. Основное «поверхностное» различие между подчинительной и ассоциирующей разновидностями падежного маркирования состоит в том, что если подчинительный падеж приписывается клаузе целиком и может в принципе выражаться на ее вершине, как в приведенных выше примерах, ассоциирующий падеж приписывается внутри номинализованной конструкции и никогда не выступает на самом предикате. Ср. пример 46 из языка даландьи, где аккузатив на

номинализованном предикате относительной клаузы выполняет подчинительную функцию, согласовывая предикат с его именной вершиной, а на прямом объекте относительной клаузы выступает ассоциирующий датив.

Даландьи (семья пама-ньюнга, западная Австралия):

(46) *ngatha nhaku-nha* [*kanyara-nha* [***murla-ku***
я:NOM видеть-PST мужчина-ACC мясо-DAT
warni-lkitha-nha]].
резать-REL.DS-ACC
'Я видел мужчину, режущего мясо.' [14, p. 31]

Несмотря на то, что на первый взгляд в литовских конструкциях с несогласованными причастиями и аккузативным или дативным маркированием субъекта скорее выступает ассоциирующий падеж (на это вроде бы указывает отсутствие согласования причастия с субъектом), тем не менее, есть основания считать эти конструкции случаем именно подчинительного падежа. Во-первых, аккузатив и датив в литовском используются в качестве показателей синтаксического типа клаузы в целом (см. формальное описание [2, с. 70–71; 10, p. 326–328]), что характерно именно для подчинительного падежа. Во-вторых, как будет показано в следующем разделе, литовские причастные клаузы исторически восходят к конструкциям с согласованием причастий с субъектом по падежу, т.е. опять же к типичным случаям подчинительного падежного маркирования. Ассоциирующий же падеж представлен в другом типе литовских причастных клауз – в конструкциях с пассивными причастиями, где субъект оформляется генитивом, ср. пример 47, параллельный по своей структуре примеру 46.

Литовский, пассивное причастие с выраженным субъектом:

(47) *...kuri-as yra mač-ius-i* [*t-uo*
который-ACC.PL.F AUX.PRS.3 видеть-PST.PA-NOM.SG.F тот-INS.SG.M
met-u ***j-os*** ***skait-o-m-uose***] *žurnal-uose...*
время-INS.SG 3-GEN.SG.F читать-PRS-PP-LOC.PL.M журнал-LOC.PL
'которые она видела в читаемых ею в то время журналах...' (LKT)

Заключая обсуждение типологических параллелей, можно сделать вывод, что литовские причастные конструкции являют собою редкую комбинацию засвидетельствованных и в других языках морфосинтаксических признаков: 1) использование полифункциональных нефинитных форм и в актантных, и в сирконстантных предикациях; 2) подчинительное падежное маркирование, причем разное в сирконстантных и в актантных клаузах (мы видели, что прямые параллели этому относительно распространенному в древних индоевропейских языках типу есть в Австралии); 3) разграничение односубъектных и разносубъектных предикаций при

помощи противопоставления, соответственно, согласования и подчинительного падежа. В следующем разделе мы рассмотрим исторические процессы, приведшие к наблюдаемой в современном литовском языке ситуации.

5. Диахроническая перспектива

Историческое развитие литовских причастных конструкций нетривиально в первую очередь тем, что оно демонстрирует процесс конвергенции изначально весьма различных синтаксических структур. Дальнейшее изложение фактов основывается в первую очередь на книге В. Амбразаса [1].

Сентенциальные сирконстанты с дативным субъектом восходят к классическому индоевропейскому типу dativus absolutus, в котором причастие согласовывалось по роду, числу и падежу с субъектом. Абсолютные конструкции с дативом были представлены, в частности, в древних славянских языках [7; 45, p. 213] (ср. древнерусский пример 48), и в готском (пример 49).

Древнерусский, dativus absolutus:

(48) *К вечеру же ѡдолѣ Ѣрославъ. а Сто̃полкъ бѣжа. и* [***бѣжащю ему***] *нападе на нь бѣсъ.*
‘К вечеру победил Ярослав, а Святополк бежал. И пока он бежал, на него напал бес.’
(Повесть временных лет, стб. 144–145 [цит.: по 7, с. 15])

Готский, dativus absolutus:

(49) [*þata* ***imma*** ***rodj-and-in***] *manag-ai*
это 3SG.DAT.M говорить-PRS.PRT-DAT.SG.M много-NOM.PL.M
galaubi-ded-un imma.
верить-PST-3PL 3SG.DAT.M
‘Когда Он говорил это, многие уверовали в Него.’
(Codex argenteus, Ин. 8:30 [цит. по: 28, p. 5])

В старолитовских текстах сирконстантные причастные обороты с согласованными причастиями были весьма употребительны [1, с. 163–179; 22], ср. примеры 50 и 51.

Старолитовский, dativus absolutus с согласуемыми причастиями:

(50) [*Bet* ***Petr-ui*** ***atai-us-iam*** *ing Antiochi-a*],
но Пётр-DAT.SG прийти-PST.PA-DAT.SG.M в Антиохия-ACC.SG
passisteng-iau esch ing ak-is.
предстать-PST.1SG я:NOM в глаз-ACC.PL
‘Когда же Пётр пришёл в Антиохию, то я предстал перед ним.’
(Bretkūno Biblija 1579–1590, Гал. 2:11 [цит. по: 1, с. 164])

(51) [*Ir* ***reg-i-nt-iemus*** ***an-iemus***] *gh-is-sai*
и видеть-PRS-PA-DAT.PL.M 3-DAT.PL.M 3-NOM.SG.M-DEF
usseng-e *dang-un-a*.
взойти-PST(3) небо-ACC-ALL
'И пока они смотрели, Он поднялся на небо.'
(Bretkūno Postilė 1591, II:1023 [цит. по: 1, с. 169])

Тем не менее, уже в старолитовских текстах XVI в. встречаются сирконстантные конструкции с несогласуемыми причастиями, подобные современным (пример 52). К XIX в. конструкции с согласуемыми причастиями полностью вышли из употребления [1, с. 171].

Старолитовский, dativus absolutus с несогласуемым причастием:

(52) [*Ir* ***an-iemus*** ***iei-us*** *karali-aus-pi*], *biloi-a*
и 3-DAT.PL.M войти-PST.PA царь-GEN.SG-ADE сказать-PST(3)
iemus *karali-us*.
3:DAT.PL.M царь-NOM.SG
'И когда они вошли к царю, сказал им царь.'
(Bretkūno Biblija 1579–1590, III Цар. 1:32–33 [цит. по: 1, с. 166])

Актантные причастные обороты с аккузативным субъектом также восходят к структурам с согласованными причастиями, однако в ходе своего развития они претерпели более значительные изменения. Исходно причастие было согласованным аппозитивным определением к прямому объекту глагола восприятия или ментального отношения [1, с. 141–163; 37, p. 86–98; 44] (ср. обсуждавшиеся выше латышские и латгальские конструкции, а также древнегреческий пример 39), см. примеры 53 и 54.

Старолитовский, согласуемые актантные причастия:

(53) *Reg-i-m* ***mald-a*** *daug* ***gal-i-ncz-e***.
видеть-PRS-1SG молитва-ACC.SG много мочь-PRS-PA-ACC.SG.F
'Мы видим, что молитва многое может.'
(Bretkūno Postilė, II 99 [цит. по: 1, с. 143])

(54) *Atmin-k* ***man-e*** *gerai* ***giwen-us-i*** ... *ir*
помнить-IMP я-ACC хорошо жить-PST.PA-ACC.SG.M и
dar-ius-i *k-as* *taw* *intjkk-a.*
делать-PST.PA-ACC.SG.M что-NOM.SG ты:DAT нравиться-PST(3)
'Помни, что я хорошо жил ... и делал, что тебе нравилось.'
(Bretkūno Postilė, II 426, [цит. по: 1, с. 143])

В свою очередь такие причастные конструкции восходят к аппозитивным структурам с предикативными именами (существительными, прилагательными и причастиями), широко представленными и в старолитовском (пример 55), и в современном языке (пример 56) [21].

Старолитовский, аппозитивные предикатные имена:

(55) a. *Ischwid-a* ***i-ůs*** *ne* ***linksm-us***.
увидеть-PST(3) 3-ACC.PL.M NEG счастливый-ACC.PL.M
'[Иосиф] увидел, что они невеселы.'
(Bretkūno Biblija, Быт. 40:6 [цит. по: 1, с. 146])

b. *Szinn-a* ***an-us*** ***ne-giw-us***.
знать-PRS(3) тот-ACC.PL.M NEG-ЖИВОЙ-ACC.SG.M
'Они знают, что те мертвы.'
(Bretkūno Biblija, Вар. 6:41 [цит. по: 1, с. 146])

Современный литовский, аппозитивные предикатные имена

(56) a. *Vien-ą* *ryt-ą* *tėv-ai* *Malvin-os*
один-ACC.SG утро-ACC.SG отец-NOM.PL Мальвина-GEN.SG
kambar-į *rad-o* ***tušči-ą***.
комната-ACC.SG найти-PST(3) пустой-ACC.SG
'Однажды утром родители обнаружили комнату Мальвины пустой.' (LKT)

b. *Kaip šiandien j-is* *mat-ė* ***sav-e*** ***student-ą***.
как сегодня 3-NOM.SG.M видеть-PST себя-ACC студент-ACC.SG
'Как сегодня, он видел себя студентом.' [20, p. 49]

Развитие конструкции «аккузатив с причастием» состояло в двух отдельных процессах: во-первых, в расширении множества допускающих конструкцию предикатов и в реинтерпретации аккузативного прямого объекта матричного глагола как субъекта причастной клаузы [1, с. 150–151], ср. схему 57a; во-вторых, в вытеснении согласуемых причастий несогласуемыми по аналогии с сирконстантными конструкциями, ср. схему 57b.

(57) a. $V\ NP_{ACCi}\ [Ø_i\ V_{PRT[+AGR]}] \rightarrow V\ [NP_{ACC}\ V_{PRT[+AGR]}]$
b. $V\ [NP_{ACC}\ V_{PRT[+AGR]}] \rightarrow V\ [NP_{ACC}\ V_{PRT[-AGR]}]$

В терминах типологии падежных функций из работы А. Денча и Н. Эванса [15, p. 28], при синтаксическом переразложении конструкций «аккузатив с причастием» произошел переход от одной разновидности подчинительного падежа, которую можно назвать «согласуемой» (C-complementizing case, появляющийся при падежном «согласовании» зависимой клаузы с составляющей матричного предложения, к которой она относится), к другой – «независимому» подчинительному падежу (T-complementizing case), не связанному ни с какой ИГ в главной предикации.

Хронологически процесс расширения и переразложения конструкций с актантными причастиями, скорее всего, предшествовал морфологической перестройке самой причастной формы. Об этом говорит, во-первых,

то, что уже в старолитовском конструкции с согласуемыми актантными причастиями были допустимы при матричных глаголах речи (пример 58), что свидетельствует о довольно продвинутой стадии их функционального расширения.

Старолитовский, согласуемое актантное причастие при глаголе речи:

(58) ***T-ůs*** *sak-o-me* *nůg* *ischganim-a*
тот-ACC.PL.M сказать-PRS-1PL от спасение-GEN.SG
amszin-oia ***atpůl-us-ius***.
вечный-GEN.SG.M.DEF отпасть-PST.PA-ACC.PL.M
'О них мы говорим, что они отлучились от вечного спасения.'
(Margarita Theologica 1600, Praef. 6:4 [цит. по: 1, с. 143])

Во-вторых, употребление согласованных причастий до сих пор допускается в литературном литовском языке при аппозитивной модификации прямого объекта глаголов восприятия и особенно глагола *rasti* 'найти', ср. пример 59, параллельный примеру 56а.

Современный литовский, согласуемое аппозитивное причастие:

(59) ... ***mokytoj-ą*** *rad-au* ***susiruoš-usi-ą***
учитель(F)-ACC.SG найти-PST.1SG приготовиться-PST.PA-ACC.SG.F
išvažiuo-ti.
уехать-INF
'Я обнаружил учительницу приготовившейся уехать.' (LKT)

Тем не менее, поскольку, как мы видели, в латышском конструкции с актантными причастиями сохраняют более раннюю синтаксическую структуру, в которой аккузативная ИГ демонстрирует свойства прямого объекта матричного предиката, но причастия при этом утратили согласование, морфологическую перестройку причастий и синтаксическое переразложение стоит скорее считать независимыми процессами.

Тот факт, что актантные причастия утратили согласование по аналогии с сирконстантными, подтверждается, в частности, старолатышскими данными: если в старолатышских текстах согласуемые актантные причастия употреблялись довольно активно, ср. пример 60, то в обстоятельственных конструкциях уже в самых старых текстах выступали лишь несогласуемые причастия [1, с. 171], ср. пример 61.

Старолатышский, согласуемое актантное причастие:

(60) *t-e* *zinna-ia* ***wini-û*** ***esse-t-u***
тот-NOM.PL.M знать-PST(3) 3-ACC.SG.M быть:PRS-PA-ACC.SG.M
Christ-um.
Христос-ACC.SG
'... они знали, что Он был Христос.'
(Elgers Evangelium 1671, Лк. 4:41 [цит. по: 1, с. 143])

Старолатышский, несогласуемое сирконстантное причастие:

(61) [*Un* ***wiņņ-am*** *us Semm-es* ***iseij-oht***]
и 3-DAT.SG.M в земля-GEN.SG выйти-PST.PA
sastapp-a t-am ween-s Wihr-s.
встретить-PST(3) тот-DAT.SG.M один-NOM.SG.M мужчина-NOM.SG
'И когда Он выходил на берег, встретил Его один человек.'
(Glücks Bibel, 1685–1689, Лук. 8:27 [цит. по: 1, с. 166])

Таким образом, мы видели, что в развитии литовских актантных и обстоятельственных причастных конструкций взаимодействовали несколько процессов, проходивших неодновременно и в немалой степени независимо друг от друга: 1) на уровне морфологии – возникновение несогласуемого причастия; 2) на уровне синтаксиса и семантики – функциональное расширение и реинтерпретация конструкции «аккузатив с причастием», при котором ИГ, первоначально входившая в состав матричной клаузы, стала субъектом вложенной, а сама причастная конструкция из модификатора имени превратилась в составляющую целого предложения; 3) аналогическое распространение несогласуемых причастий с сирконстантных клауз на актантные. Все эти исторические тенденции привели к тому, что исходно различные причастные конструкции приобрели значительную степень структурного изоморфизма, и к возникновению новой категории переключения референции, выражающейся наличием vs. отсутствием согласования у причастия.

6. Заключение

В данной статье были рассмотрены морфосинтаксические особенности литовских сентенциальных актантов и сирконстантов, возглавляемых причастиями, их типологические параллели и историческое развитие. Основными особенностями литовских конструкций является использование противопоставления согласуемых и несогласуемых причастий для кодирования, соответственно, тождества и различия субъектов матричной и вложенной предикаций, и маркирование синтаксического статуса причастной клаузы при помощи падежного оформления ее субъекта: субъект актантных причастий выступает в аккузативе, а сирконстантных – в дативе.

Несмотря на то, что сходные конструкции встречаются как в других языках Восточной Балтии (балтийских и прибалтийско-финских) и в ряде древних индоевропейских языков, так и в других ареалах, в частности, в Австралии, литовские причастные конструкции нетривиальны тем, что падежное маркирование субъекта является фактически единственным формальным средством, указывающим на синтаксический статус (актантный vs. сирконстантный) клаузы. При этом, хотя в родственных литов-

скому латышском и латгальском представлены поверхностно сходные конструкции, более внимательное их изучение показывает, во-первых, что в этих языках они более ограничены как с точки зрения допустимых в их составе нефинитных форм, так и в круге допускающих их матричных предикатов (последнее касается лишь актантных причастных конструкций), а, во-вторых, что лишь в литовском аккузативная ИГ, выступающая в конструкциях с причастными актантами, синтаксичеки входит в состав вложенной клаузы, а не является объектом матричного глагола.

С исторической точки зрения эволюция литовских причастных конструкций интересна в первую очередь тем, что происходившие в ее ходе изменения на разных уровнях языка – морфологии (утрата согласовательного словоизменения), синтаксиса (переразложение конструкций «аккузатив с причастием») и семантики (функциональное расширение конструкций «аккузатив с причастием») – привели к грамматической конвергенции изначально весьма различавшихся структур, которые на синхронном уровне демонстрируют высокую степень параллелизма.

Сопоставление литовских (и, шире, индоевропейских) причастных конструкций с материалом австралийских языков показывает, что в этих, казалось бы, совершенно разных случаях можно усмотреть один и тот же механизм падежного маркирования, который я предлагаю, вслед за А. Денчем и Н. Эвансом [14], называть «подчинительным падежом». Представляется, что использование разработанной применительно к языкам Австралии таксономии падежных функций может оказаться чрезвычайно продуктивным при анализе самых разных падежных систем.

Библиографический список

1. Амбразас В. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Vilnius, 1990.
2. Аркадьев П.М. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44–75.
3. Аркадьев П.М. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Под ред. В.А. Плунгяна. (Acta Linguistica Petropolitana. Т. VIII. Ч. 2). СПб., 2012. С. 45–121.
4. Вимер Б. Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Под ред. В.С. Храковского, А.Л. Мальчукова, С.Ю. Дмитренко. М., 2004. С. 53–73.
5. Вимер Б. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Под ред. В.С. Храковского. СПб., 2007. С. 197–240.
6. Вимер Б. Таксис в литовском языке // Типология таксисных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. М., 2009. С. 161–216.

7. Живов В.М. Референтная структура и порядок слов: дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 5–56.
8. Сердобольская Н.В. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2005.
9. Lithuanian Grammar / Ed. by V. Ambrazas. Vilnius, 1997.
10. Arkadiev P.M. Participial complementation in Lithuanian // Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective: Data-Driven Approaches to Cross-Clausal Syntax / Ed. by V. Gast, H. Diessel. Berlin, NY, 2012. P. 285–334.
11. Cristofaro S. Subordination. Oxford, 2003.
12. Cristofaro S. A constructionist approach to complementation: Evidence from Ancient Greek // Linguistics. V. 46. 2008. № 3. P. 571–606.
13. Dench A. Case marking strategies in subordinate clauses in Pilbara languages – some diachronic speculations // Australian Journal of Linguistics. V. 26. 2006. № 1. P. 81–105.
14. Dench A., Evans N. Multiple case-marking in Australian languages // Australian Journal of Linguistics. V. 8. 1988. № 1. P. 1–47.
15. Duroiselle Ch. Practical Grammar of the Pāli Language. 3rd ed. Buddha Dharma Education Association, 1997.
16. Eiche A. Latvian Declinable and Indeclinable Participles. Their Syntactic Function, Frequency and Modality. Stockholm, 1983.
17. Estonian Language / Ed. by M. Erelt. Tallinn, 2003.
18. Evans N. A Grammar of Kayardild with Comparative Notes on Tangkic. Berlin, NY, 1995.
19. Geniušienė E., Nedjalkov V.P. Resultative, passive and perfect in Lithuanian // Typology of Resultative Constructions / Ed. by V.P. Nedjalkov. Amsterdam, Philadelphia, 1988. P. 369–386.
20. Giparaitė J. Non-verbal Small Clauses in English and Lithuanian. Newcastle upon Tyne, 2010.
21. Greenberg G.R., Lavine J.E. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // Studies in Slavic Linguistics and Folklore / Ed. by R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend. Bloomington (IN), 2006. P. 143–170.
22. Gronemeyer C., Usonienė A. Complementation in Lithuanian // Laying the Boundaries of Syntax: Studies in the Interfaces between Syntax, Semantics and Lexicon / Ed. by C. Gronemeyer. Lund, 2001. P. 105–135.
23. Switch-reference in Grammar and Discourse / Ed. by J. Haiman, P. Munro. Amsterdam, Philadelphia, 1983.
24. Holvoet A. Studies in the Latvian Verb. Kraków, 2001.
25. Karlsson F. Finnish: An Essential Grammar. 2nd ed. London, NY, 1999.
26. Keydana G. Absolute Konstruktionen in altindogermanischen Sprachen. Göttingen, 1997.
27. Kim Dewey T., Syed Y. Case variation in Gothic absolute constructions // The Role of Semantic, Pragmatic, and Discourse Factors in the Development of Case / Ed. by J. Barðdal, Sh.L. Chelliah. Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 3–21.
28. Klimas A. The Lithuanian participles: Their system and functions // Lituanus. V. 33. 1987. № 1. P. 38–73.
29. Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. London, NY, 1993.

30. Lees A. Non-finite verbs and their objects in Finnic // Selected Papers from the 2009 Conference of the Australian Linguistic Society / Ed. by Y. Treis, R. de Busser, 2010. URL: http://www.als.asn.au/proceedings/als2009/lees.pdf (дата обращения: 12.12.2013).
31. Nau N. Latvian. München, Newcastle, 1998.
32. Nau N. A Short Grammar of Latgalian. München, Newcastle, 2011.
33. Nedjalkov V.P. Some typological parameters of converbs // Converbs in Cross-Linguistic Perspective / Ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin, NY, 1995. P. 97–136.
34. Double Case. Agreement by Suffixaufnahme / Ed. by F. Plank. NY, Oxford, 1995.
35. Round E. Kayardild Morphology and Syntax. Oxford, 2013.
36. Ruppel A. Absolute Constructions in Early Indo-European. Cambridge, 2013.
37. Schmalstieg W.R. A Lithuanian Historical Syntax. Columbus (OH), 1987.
38. Serdobolskaya N.V. Towards the typology of raising: A functional approach // New Challenges for Typology / Ed. by A. Arkhipov, P. Epps. Berlin, NY, 2009. P. 245–270.
39. Sjögren J.A. Livische Grammatik nebst Sprachproben. (Gesammelte Schriften. Bd. II. Th. I.) St. Petersburg, 1861.
40. Sližienė N. The tense system of Lithuanian // The Tense Systems in European Languages. V. II / Ed. by R. Thieroff. Tübingen, 1995. P. 215–232.
41. Spencer A. Syntactic vs. morphological case: implications for morphosyntax // Case, Valency and Transitiity / Ed. by L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart. Amsterdam, Philadelphia, 2006. P. 3–22.
42. Tamm A. Partitive morphosemantics across Estonian grammatical categories, and case variation with Equi and Raising // Proceedings of the LFG08 Conference. Stanford, 2008. URL: http://cslipublications.stanford.edu/LFG/13/papers/lfg08tamm.pdf (дата обращения: 12.12.2013).
43. Tamm A. The Estonian partitive evidential. Some notes on the semantic parallels between aspect and evidential categories // Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality / Ed. by L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov. Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 365–401.
44. Tangl E. Der Accusativus und Nominativus cum Participio im Altlitauischen: Doctoral Dissertation. Berlin, 1928.
45. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. V. La syntaxe. Paris, 1977.
46. Wälchli B. Konverbien (Gerundien) in baltischen und ostseefinnischen Sprachen und Dialekten. Handout of the talk at “Starptautiskā konference Martas Rudzītes piemiņai”, Riga, November 2004.
47. Wiemer B. Partizipien zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik: Ein Überblick zu aspektuellen, diathesebezogenen und diskursrelevanten Eigenschaften im modernen Litauischen // Sprachbeschreibung und Typologie / Hrsg. von B. Wälchli, F. Zúñiga. Bern, 2001. S. 65–81.

А.А. Лебедева

Константность и вариативность как свойства языковой системы

В статье рассматриваются некоторые аспекты трактовки терминов «константность» и «вариативность» языка применительно к фонетическим исследованиям. В работе также анализируется интерпретация разными авторами близких по тематике терминов.

Ключевые слова: константность, вариативность, трактовка лингвистических терминов, фонетические исследования.

Различная интерпретация авторами одних и тех же терминов, используемых для характеристики лингвистических явлений, часто вызывает теоретические трудности при проведении исследований, например, трактовка терминов «интонационный центр», «логическое ударение», «фразовое ударение» [1], «дискурс» и др. Остановимся в рамках данной статьи на трактовке терминов «константность» и «вариативность» применительно к фонетическии исследованиям.

В исследованиях территориальных и социовариантов языка опорой обычно служат принципы константности и вариативности. При этом идея константности имплицитно подразумевает, что составляющие основной корпус языка стабильные элементы различных стандартов литературной произносительной нормы являются общими для всех этих стандартов и подтверждают тем самым их генетическое родство.

Онтологическая оппозиция константность/вариативность отражает движение языка во времени и его дисперсию в пространстве. Вариативность отражает изменчивый, диалектический характер языка как системы и обозначает свойства подвижности единиц языка. К проблематике вариативности обычно обращаются, сравнивая, например, различные реализации фонем в речи или территориальные, в том числе национальные, варианты литературного языка. Константность, напротив, отражает тождественность системы как самотождественной сущности. Тенденция к вариативности уравновешивается тенденцией к целостности языка в различных его проявлениях.

Изучая фонетическую систему языка, Г.П. Торсуев дает очень точное обоснование вариативности в этой области. Он выделяет четыре аспекта фонетической вариативности: 1) органо-генетический, обусловленный пневматико-механической деятельностью органов речи как основой про-

изводства всех звуковых единиц и самого процесса речи; 2) структурный, обусловленный системными взаимоотношениями звуковых единиц, их местоположением в структурах слов и предложений; 3) стилистический, определяемый необходимостью дифференцировать различные стили и жанры речи; 4) диалектный, обусловленный наличием местных и социальных различий в фонетической системе языка. При этом в каждом из этих четырех аспектов вариативности противостоит константность, обеспечивающая функциональную тождественность артикуляторно-фонетически варьирующихся единиц и структур, обусловленную тождеством значимых единиц и необходимостью в непрерывности и преемственности в функционировании и развитии языка [3, с. 4].

Явления устойчивости и изменчивости лингвистических единиц и их употребления наблюдаются во всех сферах языка, однако степень активности этих явлений в той или иной области носит различный характер. Иначе говоря, скорость изменения параметров языковой системы неодинакова. Разговорная лексика и фразеология, например, гораздо более изменчивы, чем фонетические и грамматические стороны. Таким образом, с точки зрения диахронии, в системе любого языка предполагается наличие разновременных отложений.

Необходимо отметить, что многие ученые отождествляют понятия вариантность и вариативность (Н.Н. Семенюк, Г.С. Клычков; Г.П. Торсуев, Л.А. Вербицкая, Ц.А. Гвенцадзе, М.М. Гухман, В.Н. Ярцева, Л.Э. Калнынь, Л.И. Масленникова, Т.А. Расторгуева). Термины «varieties» и «variations of English» в англо-американской литературе обычно также используются в качестве синонимов (L.M. Myers, G.W. Turner, P. Trudgill, R.I.Jr. McDavid, P. Trudgill, J. Hannah, D. Crystal). Однако Д.А. Шахбагова разграничивает онтологические оппозиции константность/вариативность и целостность/вариантность. Она придает термину «вариантность» более широкое значение, используя его при сравнении национальных вариантов литературного языка. В понимании Д.А. Шахбаговой вариантные признаки – это специфические признаки, наиболее присущие отдельно взятому национальному варианту английского языка. Термину «вариативность» исследователь оставляет область свойств подвижности единиц языка, считая его употребление уместным, например, при сравнении различных реализаций фонем в речи. Таким образом, вариативные признаки свойственны системе в целом и стоят над вариантными различиями. По мнению ученого, вариативность подготавливает почву для развития вариантности, а действие тенденций к сохранению целостности языка в его национальных вариантах служит стимулом усиления тенденций к константности внутри каждого национального варианта и в языке в целом [5, с. 10–20, 198].

Нельзя не согласиться с общими характеристиками варьирования языковой системы, данными Д.А. Шахбаговой, однако разграничение терминов «вариантность» и «вариативность» нам представляется излишним, хотя, возможно, оно и оправдано конкретно в работах Д.А. Шахбаговой, принимая во внимание направленность ее исследований, посвященных описанию различий между национальными территориальными вариантами английского языка в синхронии и диахронии. На наш взгляд, вполне логично и достаточно рассматривать вариативность (вариантность) языковых единиц просто на разных уровнях языковой системы – на уровне территориальных (национальных, региональных) и социовариантов языка, на сегментном и супрасегментном уровнях фонетической системы и т.п.

Отметим также, что в качестве синонима дихотомии константность/вариативность иногда употребляют дихотомию стабильность/изменчивость, подчеркивающую понимание языка как динамического явления во временном пространстве. Именно такую терминологию использует, например, А. Мартине при описании своей концепции принципа экономии в фонетических изменениях. При этом стабильной, или «экономичной», фонологической системой для А. Мартине является такая система, в которой неизбежные отклонения не приводят к слиянию фонем [2, с. 127].

Наиболее точным, на наш взгляд, является понимание языка как динамической системы, движущейся во времени и в пространстве. Онтологическая оппозиция константность/вариативность (также как и дихотомия стабильность/изменчивость) очень точно отражает пространственно-временную дисперсию языка.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что, если при исследовании фразовой акцентуации современных нам языков мы можем опираться на многочисленные факты реализации высказываний разной коммуникативной направленности и структуры в речи, то в плане диахронии крайне трудно восстановить эволюцию интонации в каждом конкретном языке, также как и определить, как интонация могла воздействовать на развитие других элементов. Мы ведь не располагаем никакими точными данными, касающимися интонации на прежних этапах языкового развития. До нас дошло лишь небольшое количество письменных памятников древних языков. Как указывает В.А. Успенский, древнекитайский язык вэньянь, например, уже в первом тысячелетии н.э. разошелся с языком устного общения и стал непонятным на слух. Этот письменный язык использовался в качестве литературного языка до XX в., претерпев в течение времени значительные изменения [4, с. 654]. Даже старославянский язык есть язык закрытого перечня письменных памятников, ни один из которых, строго говоря, до нас не дошел.

Многочисленные исследования, проведенные лингвистами разных стран за долгие годы развития исторического языкознания, позволяют нам с некоторой степенью вероятности определить характерные особенности древних языков и проследить путь их развития до современного состояния, хотя, несмотря на это, о произношении древних текстов мы можем судить лишь предположительно. Соответственно, только на принципе «лингвистической вероятности» и может базироваться историко-типологический анализ развития, например, английского и русского языков.

Библиографический список

1. Лебедева А.А. Различия в местоположении интонационных центров в англ. и рус. фразах (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1999.
2. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960.
3. Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе (на материале англ. языка). М., 1977.
4. Успенский В.А. Невтон-Ньютон-Ньютон, или сколько сторон имеет языковой знак? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1996. С. 598–659.
5. Шахбагова Д.А. Фонетическая система англ. языка в диахронии и синхронии (на материале брит., австрал., канад. вариантов англ. языка). М., 1992.

Е.А. Лютикова

Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка[1]

В статье обсуждается вариативное падежное маркирование объекта в двух идиомах мишарского диалекта татарского языка. Показано, что характеристики падежного варьирования таковы, что они не могут получить объяснения ни в

[1] Работа над статьей велась в рамках проектов РФФИ № 11-06-00489-а, РГНФ № 12-04-00327а и РНФ № 14-18-03270. Автор выражает искреннюю признательность П.В. Гращенкову, Я.Г. Тестельцу и А.В. Циммерлингу, а также участникам конференции «Типология морфосинтаксических параметров – 2012» за содержательное и заинтересованное обсуждение ряда аспектов данной статьи, а П.М. Аркадьеву – за неоценимую помощь в подготовке статьи к печати.

семантических терминах (специфичность, одушевленность и т.п.), ни в терминах позиционной альтернативны (внутри vs. вне глагольной группы). В качестве лицензора падежного варьирования выступают структурные характеристики объектной именной группы: группы полной структуры (DP) получают винительный падеж, а группы неполной структуры (QP, NP) остаются беспадежными.

Ключевые слова: вариативное маркирование объекта, падеж, именная группа, DP-гипотеза, татарский язык.

Падежная проблематика в свете вариативного маркирования объекта

Вариативное маркирование объекта (differential object marking, DOM [12]) – широко распространенный в языках мира феномен, когда выбор морфосинтаксического оформления объекта определяется значением одного или нескольких признаков объектной именной группы или глагольной группы в целом. В качестве характерных примеров можно указать парадигмы (примеры 1–2, адаптированы из работ О. Четиноглу, М. Батт и М. Энч [14; 15]): в примере 1 оформление объекта определяется его специфичностью, в примере 2 – партитивностью.

(1) а. *Ali* ***kitab-ı*** *al-dı*.
Али книга-ACC[1] покупать-PST
Али купил (конкретную) книгу.

б. *Ali* ***kitap*** *al-d*.
Али книга покупать-PST
Али купил книгу/книги.

(2) а. *Ali* ***su-yu*** *iç-ti*.
Али вода-ACC пить-PST
Али выпил воду.

б. *Ali* ***su-dan*** *iç-ti*.
Али вода-ABL пить-PST
Али выпил воды.

Типологические исследования DOM (см., например, обобщающую работу К. фон Хойсингера, У. Кляйна и П. де Сварта [17]) выявили целый ряд факторов, в одиночку или в совокупности лицензирующих вариативное падежное маркирование, например, видовременные и акциональные характеристики предиката, полярность, наклонение, одушевленность, определенность, референтность объекта.

[1] Условные обозначения: 1 – 1-е лицо; 3 – 3-е лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ATR – атрибутивизатор; CONV – конверб; DAT – датив; EMPH – эмфатическая частица; GEN – генитив; INF – инфинитив; NEG – отрицание; OBL – косвенная основа; PART – причастие; PL – множественное число; PRON – местоимение; PST – прошедшее время; SG – единственное число.

Важнейшей характеристикой DOM в конкретном языке является дихотомия симметричного/асимметричного вариативного маркирования объекта [18]. В турецком примере 2 мы наблюдаем варьирование двух падежей в объектной позиции, т.е. симметричное маркирование. Напротив, в примере 1 выбор происходит между маркированной (падежный показатель) и немаркированной формой.

В литературе отмечаются значимые корреляции между рассмотренными параметрами. А. Мальчуков и П. де Сварт [21] указывают, что системы с асимметричным вариативным маркированием объекта обычно ориентированы на признаки самого объекта (одушевленность, определенность, референтность), что соответствует параметру индивидуации пациенса в работе П. Хоппера и С. Томпсон [19], в то время как системы с симметричным вариативным маркированием объекта опираются на более широкий круг признаков, не обязательно определенных собственно на объекте, таких как вид (аспект), фактивность, утверждение/отрицание и т.п.

Симметричный и асимметричный DOM создают как общие, так и специфические проблемы для теории падежа. Оба типа DOM обладают общим свойством: варьирование падежного оформления всегда происходит с одним из грамматических (в терминологии Е. Куриловича [6]), или структурных (в терминологии генеративной грамматики) падежей, т.е. таких падежей, выбор которых зависит не от индивидуальных свойств управляющего слова, а от его принадлежности к максимально широкому синтаксическому классу, например, к переходным или непереходным глаголам. Соответственно, для обоих типов DOM встает вопрос о специфике структурных падежей, позволяющей им, в отличие от лексических, варьировать с другими падежами или оставаться невыраженными.

В случае симметричного DOM на первый план выходят проблемы поиска лицензора падежа, варьирующего со структурным, и объяснение механизма выбора одного из падежей (в качестве примера можно привести многолетнюю дискуссию о русском генитиве под отрицанием, варьирующем с аккузативом и номинативом). При этом именно структурный падеж является «падежом по умолчанию», который объектная именная группа (ИГ) получила бы при отсутствии лицензора DOM (в приведенном русском примере – сентенциального отрицания).

Асимметричный DOM устроен по-другому: наличие лицензора (например, положительное значение признака «специфичность» в примере 1а) вызывает оформление объекта структурным падежом, а в отсутствие лицензора объект остается неоформленным. Соответственно, возникает вопрос, каков падежный статус неоформленного объекта.

В данной статье мы обсудим вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка на материале двух идиомов – говора с. Кутлушкино (Яуширмә) Чистопольского района Республики Татарстан (идиом 1) и говора с. Рыбушкино (Рбишчә) Краснооктябрьского района Нижегородской области (идиом 2). В обоих идиомах представлен асимметричный DOM, демонстрируемый в примере 3:

(3) а. *Марат* ***машина-ны*** *сат-ып* *ал-ды*.
Марат машина-ACC продавать-CONV брать-PST
Марат купил <the> машину.

б. *Марат* ***машина*** *сат-ып* *ал-ды*.
Марат машина продавать-CONV брать-PST
Марат купил <a> машину.

Предполагается показать, что падежное варьирование в позиции объекта коррелирует со степенью структурной сложности ИГ, понимаемой как количество функциональных проекций, или «оболочек», группы лексического существительного. Таким образом, в качестве фактора-лицензора DOM в мишарском диалекте татарского языка будет предложен такой параметр, как структурный тип ИГ.

Вопрос о падежном статусе немаркированного прямого дополнения будет решен по-разному в двух исследованных идиомах. Мы предполагаем показать, что отсутствие падежного маркирования может быть связано как с отсутствием у ИГ синтаксического падежа, так и с нулевой морфологической реализацией приписанного синтаксического падежа.

DOM в мишарском диалекте татарского языка

Грамматические описания и специальные работы, посвященные вариативному падежному оформлению объекта в литературном татарском языке, указывают в качестве фактора-лицензора DOM такую семантическую характеристику, как определенность объекта: «Если прямое дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, оно обязательно принимает аффикс винительного падежа. <...> Если прямое дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса...» [4, с. 119]; «Основной падеж обозначает прямой объект и выступает дополнением... Значение прямого объекта характерно и для винительного падежа. Однако в отличие от объекта винительного падежа объект основного имеет оттенок неопределенности» [8, с. 46]; «Когда первое дополнение оформляется морфологически выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределен-

ном, неконкретном предмете» [1, с. 39]. Таким образом, дистрибуция DOM объясняется семантическими причинами и предполагается, что ИГ любых структурных типов способны демонстрировать вариативное падежное оформление в позиции дополнения, связанное с категорией определенности / неопределенности.

В мишарском диалекте, однако, дистрибуция DOM оказывается ограниченной. Так, существует целый ряд типов ИГ, с необходимостью получающих падежное маркирование в позиции прямого дополнения. К таким ИГ относятся:

– все местоимения-существительные (личные, анафорические, возвратные, вопросительные, неопределенные, отрицательно-полярные) (пример 4);

– личные имена;

– именные группы, содержащие «исчерпывающие» кванторы (*һәр* ‘каждый’, *ике дә* ‘оба’);

– именные группы, содержащие указательные местоимения *бу* ‘этот’, *шул* ‘тот’;

– именные группы, содержащие генитивный посессор и согласованные с ним по категории лица и числа (изафетная конструкция 3, ИК3), (пример 5);

– расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные группы с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным (пример 6).

(4) *Марат а-лар-*(ны) күр-де.*
Марат он-PL-ACC видеть-PST
Марат их увидел.

(5) *Марат Рамил-нең машина-сы-*(н) ал-ды.*
Марат Рамиль-GEN машина-3-ACC брать-PST
Марат купил машину Рамиля.

(6) *Ул китап-лар-ның ике-се-*(н) укы-ды.*
он книга-PL-GEN два-3-ACC читать-PST
Из книг он прочитал две.

На первый взгляд, кажется возможным объяснить запрет на опущение аккузативного показателя влиянием факторов, релевантных для DOM. Действительно, если считать референциальные характеристики ИГ «ответственными» за выбор между маркированной и немаркированной формой прямого дополнения, удается объяснить, почему личные местоимения, личные имена, ИГ с универсальными кванторами и ИГ с указательными местоимениями требуют аккузативного показателя в контексте прямого дополнения: такие ИГ всегда определенные. Если удастся пока-

зать, что ИГ с изафетной конструкцией 3 и расщепленные группы также всегда являются определенными, то запрет на опущение показателя аккузатива для всех классов ИГ можно будет объяснить действием факторов, вызывающих DOM.

Однако обнаруживается, что такие ИГ не только не являются всегда определенными, но и могут быть нереферентными. Так, в примере 7 ИГ *два стихотворения Тукая* может иметь как широкую (соответствующую определенному или неопределенному референтному референциальному статусу) сферу действия по отношению к универсальному квантору, так и узкую сферу действия, при которой выбор двух стихотворений варьирует по ученикам; определенные же ИГ всегда демонстрируют широкую сферу действия по отношению к другим кванторам. В примере 8 ИГ *Алсуның бер фотографиясен* ‘одна фотография Алсу’ может иметь как широкую, так и узкую сферу действия относительно сентенциального отрицания; в последнем случае она является нереферентной (имеет экзистенциальный денотативный статус, согласно классификации Е.В. Падучевой [7]). Наконец, в примере 9 демонстрируется расщепленная количественная группа в позиции прямого дополнения; перевод показывает, что такая группа может иметь как широкую (*две конкретные книги*), так и узкую (*любые две книги*) сферу действия относительно модального предиката. При этом, однако, опущение аккузативного показателя в примерах 7–9 недопустимо ни при одной из интерпретаций.

(7) *Һәр укучы Тукай-ның ике шигыр-е-*(н)*
каждый ученик Тукай-GEN два стихотворение-3-ACC
укы-ды.
читать-PST
Каждый ученик прочитал два стихотворения Тукая.
2 > ∀ (= определенные 2 стихотворения прочитал каждый)
∀ > 2 (= каждый прочитал какие-то 2 стихотворения)

(8) *Марат Алсу-ның бер фотография-се-*(н) дә*
Марат Алсу-GEN один фотография-3-ACC EMPH
күр-ме-де.
видеть-NEG-PST
Марат не видел (ни) одной фотографии Алсу.
Neg > ∃ (= не видел ни одной фотографии Алсу)
∃ > Neg (= только одну фотографию Алсу Марат не видел)

(9) *Бу китап-лар-ның ике-се-*(н) укы-рга кирәк*.
этот книга-PL-GEN два-3-ACC читать-INF нужно
Из этих книг нужно прочитать две (конкретные // любые).

две > нужно
нужно > две

Таким образом, обнаруживаются такие структурные типы ИГ, обязательное маркирование которых в контексте прямого дополнения не может быть объяснено действием тех же факторов, которые регулируют выбор падежного оформления для других типов ИГ. Иными словами, ИГ с изафетной конструкцией 3 и расщепленные группы не являются субъектом семантических правил, регулирующих DOM, но должны получать показатель аккузатива согласно правилам другой природы.

Обратимся теперь к неоформленным (не маркированным падежным показателем) прямым дополнениям в мишарском диалекте и попытаемся выявить их семантические и синтаксические свойства.

Неоформленные прямые дополнения в идиоме 1 и идиоме 2 обладают как общими свойствами, так и определенной спецификой (таблица 1).

Таблица 1

Свойства неоформленных прямых дополнений

Свойства	Идиом 1	Идиом 2
Ветвление	да	да
Сочинение с оформленными (аккузативными) прямыми дополнениями	нет	нет
Нейтрализация числового противопоставления	да	да
Линейная позиция	только предглагольная	любая
Сфера действия по отношению к другим кванторам и операторам	только узкая	узкая и широкая

В обоих идиомах ИГ-неоформленные прямые дополнения допускают ветвление, т.е. включение в состав ИГ разного рода модификаторов, таких как прилагательные, числительные, разного рода атрибутивные группы. Следовательно, неоформленные объекты являются не именными вершинами, а полноценными именными группами.

Неоформленные прямые дополнения не допускают сочинения с аккузативными (ср. пример 10), что предположительно говорит о том, что неоформленные и оформленные дополнения соответствуют именным составляющим различной природы (таблица 1).

(10) *Марат китап-ны һәм ниндидер газет-*(ны) ал-ды.*
Марат книга-ACC и какой-то газета-ACC брать-PST
Марат купил книгу и какую-то газету.

Важным свойством неоформленных прямых дополнений в обоих идиомах является нейтрализация числового противопоставления: форма

единственного числа (без числового показателя -*лар*) может интерпретироваться как отсылающая к единичному или множественному объекту (пример 11а). Важно отметить, что оформленные прямые дополнения без показателя множественного числа однозначно интерпретируются как единичные (пример 11в).

(11) а. *Марат кызыл алма аша-ды.*
Марат красный яблоко есть-PST
Марат съел красное яблоко / красные яблоки.

б. *Марат кызыл алма-лар аша-ды.*
Марат красный яблоко-PL есть-PST
Марат съел *красное яблоко / красные яблоки.

в. *Марат кызыл алма-ны аша-ды.*
Марат красный яблоко-ACC есть-PST
Марат съел красное яблоко / *красные яблоки.

Последние два параметра различают исследованные идиомы. Так, в идиоме 1 неоформленное прямое дополнение может занимать только предглагольную позицию, в то время как в идиоме 2 оно допускается в тех же позициях, что и маркированное аккузативным показателем; например, оно может отделяться от глагола наречием образа действия, косвенным дополнением или подлежащим. Наконец, в то время как в идиоме 1 неоформленные дополнения демонстрируют исключительно узкую сферу действия по отношению к другим кванторам и операторам, в идиоме 2 оказываются возможны интерпретации как с узкой, так и с широкой сферой действия. Показателен в этом отношении пример 12, грамматичный в обоих идиомах, но допускающий только интерпретацию а в идиоме 1 и обе интерпретации (а и б) в идиоме 2:

(12) *Һәр укучы ике бирем эшлә-де.*
каждый ученик два задача делать-PST
Каждый ученик решил две задачи.
(а) $\forall > 2$ (Каждый ученик решил по две задачи)
(б) $2 > \forall$ (Есть две задачи, которые решил каждый ученик).

Оставляя пока в стороне отличия идиомов, можно предположить, что свойства неоформленных прямых дополнений, так же как и обязательное падежное маркирование ИГ, связаны с их структурным типом. Наша гипотеза состоит в том, что немаркированные прямые дополнения представляют собой ИГ «малой структуры» (small nominals [23]). В отличие от «полноценных» ИГ, обладающих всеми функциональными проекциями, характерными для именных групп, ИГ малой структуры не получают падежа. Таким образом, вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте обусловлено структурными характеристиками ИГ. Свойства

оформленных и неоформленных прямых дополнений в таком случае следуют, во-первых, из их структурного типа, и во-вторых, из их (бес)падежного статуса.

Итак, далее в этой статье мы будем развивать такой анализ DOM, который опирается на корреляции структурных альтернатив ИГ и их падежного оформления. Чтобы обосновать подобный анализ, необходимо показать, что различные структурные типы ИГ в мишарском диалекте обнаруживаются не только в контексте прямого дополнения, но и обладают различной синтаксической дистрибуцией вне его. Именно этому посвящен следующий раздел.

Структурные типы именной группы

Линейная структура мишарской именной группы подробно описана в работах П.В. Гращенкова [2; 3]. Порядок следования модификаторов в ИГ определяется следующей иерархией (13): ближе всех к вершине располагается существительное – компонент изафетной конструкции 1 (ИК1), затем зависимое существительное в изафетной конструкции 2 (ИК2), затем неветвящиеся адъективные зависимые – непроизводные прилагательные, производные прилагательные и одиночные причастия. Следующий от вершины слот включает числительные, кванторы и указательные местоимения. Далее располагаются ветвящиеся зависимые – атрибутивные группы и относительные предложения. «Замыкают» левую границу именной группы генитивные зависимые вершины (ИК3) [2]:

(13) {N_{GEN} REL ATT} {DET QUANT} {PART ADJ_D ADJ_{ND} N_2 N_1} HEAD_NOUN

(14) *Марат-ның* *Казан-дан* *килдер-гән* *ике*
Марат-GEN Казань-ABL привозить-PART два
кызык-лы *яңа* *китаб-ы*
интерес-ATR новый книга-3
‘две привезенные из Казани интересные новые книги Марата’

Именная словоформа в мишарском диалекте татарского языка демонстрирует следующий порядок суффиксов (пример 15): ближе всего к основе располагается показатель числа, далее показатель согласования с посессором, далее падежный показатель.

(15) N-Num-Poss-Case
бала-лар-ы-ның
ребенок-PL-3-GEN
‘его детей’

Мы полагаем, что порядок следования аффиксов отражает, в соответствии с принципом зеркальности (Mirror principle, [9]), порядок следования

функциональных проекций в мишарской именной группе. В таком случае в первом приближении мишарская ИГ может выглядеть следующим образом:

(16) а. [PossP [NumP [NP N]]]
б. [PossP -*ы* [NumP -*лар* [NP N *бала*-]]]

Структура составляющих 16б предполагает, что лексическая именная вершина (N) возглавляет проекцию NP, включающую модификаторы именной вершины, такие как, например, прилагательные или атрибутивные обороты. Над проекцией лексического существительного располагается проекция грамматического числа, отвечающая, в частности, за числовые характеристики именной группы. Наконец, максимальной именной проекции соответствует ИГ с генитивным зависимым (ИК3), обозначенная в структуре 16 как PossP (посессивная группа). В дальнейшем изложении мы идентифицируем посессивную группу с универсальной максимальной именной проекцией – DP.

Обоснованием для выделения указанных типов именных проекций могут служить селективные ограничения ряда синтаксических конструкций.

Именная вершина (N) выступает в качестве именного компонента сложных предикатов, а также как зависимый компонент в ИК1. Так, например, зависимое существительное в ИК1 не допускает ветвление (пример 17б) и не может содержать показатель множественного числа (пример 18б); местоимения в ИК1 также недопустимы.

(17) а. *алтын йезек*
золото кольцо
‘золотое кольцо’
б. **чын алтын йезек*
истинный золото кольцо
‘кольцо чистого золота’

(18) а. *таш йырт*
камень дом
‘каменный дом’
б. **таш-лар йырт*
камень-PL дом
‘дом из камней’

Следующая по размеру именная составляющая – именная группа в узком смысле (NP), или проекция лексического существительного. Она может содержать различные модификаторы имени (но не генитивное зависимое) и является нейтральной в отношении числа (не может содержать числовой показатель и интерпретируется вне числовой оппозиции).

Примером контекста, в котором встречается NP, может служить дополнение атрибутивизатора *-лы*. В примере 19 демонстрируются возможности ветвления ИГ-комплемента атрибутивизатора *-лы*; в примере 20 показано, что такая ИГ не может содержать показатель числа, генитивное зависимое, быть проформой. Особо отметим числовую нейтральность NP: так, пример 20а допускает две интерпретации – ‘чашка с синим цветком’ и ‘чашка с синими цветами’.

(19) а. [*биек табан*]-***ны*** *туфли-лар*
высокий подошва-ATR туфель-PL
‘туфли на высоком каблуке’

б. [*биш тәрәз*]-***ле*** *йырт*
пять окно-ATR дом
‘дом с пятью окнами’

в. [*бетен бул-ачак недостатка*]-***лы*** *кеше*
весь быть-PART недостаток-ATR человек
‘человек со всеми возможными недостатками’

(20) а. [*күк чәчәк*-(**лар*)]-***ле*** *чашка*
синий цветок-*PL-ATR чашка
‘чашка с синим цветком / чашка с синими цветами’

б. *[*Тукай-ның рәсем*-(*е*)]-***ле*** *китап*
Тукай-GEN рисунок-(3)-ATR книга
‘книга с портретом Тукая’

в. **мин*-***ле*** *фотография*
я-ATR фотография
‘фотография со мной’ (с моим изображением)

В отличие от NP, следующая по размеру именная проекция – NumP – охарактеризована по числу. Примером контекста, в котором встречается NumP, может служить зависимое в изафетной конструкции 2 (ИК2). В примере 21 демонстрируется зависимая ИГ в форме множественного числа; примеры 22а–б показывают, что как наличие, так и отсутствие морфемы числа на зависимом в ИК2 является смыслоразличительным (иными словами, *сугыш* ‘война’ является формой единственного числа, а не формой «без числа»). Примеры 23–24 демонстрируют ограничения на зависимое в ИК2, вытекающие из его фразовой категории: оно не может соответствовать посессивной группе с генитивным зависимым (ИК3) и личному местоимению.

(21) [*кырсак-лы хатын-нар*] *кием-е*
живот-ATR женщина-PL одежда-3
‘одежда (для) беременных женщин’

(22) а. *сугыш дәвер-е-н-дә*
война период-3-OBL-LOC
‘во время войны’
б. *сугыш-**лар** дәвер-е-н-дә*
война-PL период-3-OBL-LOC
‘в период войн’

(23) а. [[ИК2] ИК2]
[[*укучы дәфтәр-ләр-е*] *папка-сы*]
ученик тетрадь-PL-3 папка-3
‘папка для ученических тетрадей’
б. [[ИК3] ИК3]
[[*укучы-ның дәфтәр-ләр-е-нең*] *папка-сы*]
ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
‘папка для тетрадей ученика / с тетрадями ученика’
в. *[[ИК3] ИК2]
*[[*укучы-ның дәфтәр-ләр-е*] *папка-сы*]
ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
‘папка для тетрадей ученика’

(24) **мин дәфтәр-ем* (ок: *минем дәфтәр-ем*)
я тетрадь-1SG я.GEN тетрадь-1SG
‘моя тетрадь’

Наконец, максимальная именная проекция – DP (группа определителя, в частности, ИГ с ИК3 или местоимение) – способна занимать любые аргументные позиции, в том числе и позиции генитивного зависимого в самой ИК3 (ср. пример 23б). При этом существуют также атрибутивизаторы, способные принимать в качестве комплемента DP, это, например, атрибутивизаторы *-дагы* и *-ныкы*, демонстрируемые в примерах 25а–б.

(25) а. *Химия дәрес-е-н-дә* [*Менделеев-нең таблица-сы-н*]-***дагы***
химия урок-3-OBL-LOC Менделеев-GEN таблица-3-OBL-ATR
химик элемент-лар-ны эйрән-ә-ләр.
химический элемент-PL-ACC изучать-PRS-PL
На уроке химии изучают химические элементы в таблице Менделеева.
б. *Бу китап кем-**неке**?*
этот книга кто-ATR
Чья эта книга?

Таким образом, выделенные нами структурные типы ИГ являются грамматически релевантными в мишарском диалекте татарского языка: в терминах соответствующих фразовых категорий формулируются син-

таксические селективные ограничения различных вершин и конструкций. На основании синтаксической дистрибуции выявляются следующие типы именных составляющих: N (вершина) – неветвящееся существительное, выступающее в качестве именного компонента в ИК1 и в сложных предикатах; NP (собственно именная группа) – существительное с разнообразными модификаторами, кроме генитивного посессора, группа, нейтральная в отношении числового противопоставления, выступающая в качестве комплемента атрибутивизатора -*лы*; NumP (группа числа) – NP, в которой фиксировано значение категории числа, выступающая в качестве именного зависимого в ИК2; DP (максимальная именная составляющая) – существительное с любыми модификаторами, в т.ч. с генитивным зависимым, а также проформы, выступающие в любых аргументных позициях, в т.ч. в позиции генитивного зависимого в ИГ.

Мы располагаем следующими структурными диагностиками типа именной составляющей:

– не допускающее ветвления существительное: N;

– существительное с любым модификатором: минимум NP, максимум DP;

– существительное с любым модификатором без показателя числа, демонстрирующее числовую нейтральность: NP;

– существительное с показателем числа либо без показателя числа, не допускающее нейтрализации числа при интерпретации: минимум NumP, максимум DP;

– существительное с генитивным зависимым, проформа: DP.

Последнее замечание, которое мы сделаем в этом разделе, касается структурного статуса расщепленных конструкций с субстантивированным числительным / квантором [5] / прилагательным, демонстрируемых в примере 26 (см. также примеры 6 и 9 выше):

(26) *Кыз-лар-ның* *ике-се* / *бетен-есе* / *зур-лар-ы*
девочка-PL-GEN два-3 / весь-3 / большой-PL-3
кил-де.
приходить-PST
Из девочек пришли две / все / большие.

В работах П.В. Гращенкова [2; 3; 16] убедительно аргументирован анализ, согласно которому такого рода конструкции представляют собой ИГ со структурой ИК3, в которой генитивное зависимое вызывает согласование на местоименной вершине, как это показано в примере 27 (= [16, пример 23c]):

(27) $[_{DP}$ $[_{DP}$ *бәрән-нәр-нең*$]_{+def}$ *бетен* $[_{nP}$ *-е*] *-се*]
баран-PL-GEN весь-PRON-3
‘все из баранов’

Если этот анализ верен, то еще один структурный тип ИГ, соответствующий максимальной именной проекции (DP), – это расщепленные количественные / кванторные / атрибутивные конструкции.

Итак, в этом разделе мы показали, что мишарская именная группа имеет иерархическую структуру, и выделили, на основе синтаксической дистрибуции и структурных свойств, три класса именных проекций: NP, NumP и DP. В следующем разделе мы предложим анализ вариативного маркирования объекта в исследованных идиомах мишарского диалекта татарского языка, опирающийся на структурные альтернативы ИГ.

Анализ

Влияние факторов-лицензоров вариативного маркирования объекта на приписывание падежа может быть по-разному имплементировано в падежную теорию. Можно выделить два базовых подхода к вариативному приписыванию аккузатива – структурный и позиционный. Структурная альтернатива состоит в том, что маркированные падежом и немаркированные ИГ принадлежат различным фразовым категориям (XP и YP в примере 28а), и при этом XP, но не YP является носителем падежного признака. Позиционная альтернатива предполагает, что маркированные и немаркированные падежом ИГ располагаются в различных структурных позициях, при том что с аккузативным падежным оформлением связана только одна из этих позиций (позиция вне VP в примере 28б).

(28) а. структурная альтернатива

$[_{vP}\ v \ldots \mathrm{XP}\ ]$ $\qquad$ $[_{vP}\ v \ldots \mathrm{YP}\ ]$

Acc $\qquad$ Acc

б. позиционная альтернатива

$[_{vP} \ldots \mathrm{XP}_i \ldots [_{VP} \ldots \cancel{\mathrm{XP}}_i \ldots]]$ $\qquad$ $[_{vP} \ldots [_{VP} \ldots \mathrm{XP} \ldots]]$

Acc $\qquad$ Ø

Оба подхода находят использование в формальной литературе, посвященной DOM. В рамках структурного подхода асимметричный DOM анализируется как дихотомия падежных VS беспадежных ИГ. Такая опция оказывается теоретически возможной, если предположить, что не все именные группы подлежат падежному фильтру. В таком случае обычно предполагается, что только ИГ полной структуры (DP) должны получить абстрактный падеж, в то время как ИГ меньшей структуры (small nominals [23], например, NP или количественные группы) не нуждаются в падеже. Допущение, что не все структурные типы ИГ подлежат падежному фильтру, находит подтверждение в исследованиях, посвященных различным языкам. Так, например, для венгерского языка аргументируется

гипотеза, что только DP, но не NP в позиции прямого дополнения вызывает согласование глагола с объектом [11; 24]. Дистрибуция DOM в иврите объясняется сходным образом: предлог, приписывающий абстрактный падеж, обязателен перед теми ИГ, которые со структурной точки зрения являются DP (ИГ с определенным артиклем), в то время как неопределенные ИГ анализируются как NP [13].

Примером позиционного подхода может служить гипотеза, что беспадежная ИГ – это ИГ в дефолтном морфологическом падеже (таком же, как, например, падеж подлежащего [22]). Для того чтобы прямому дополнению в морфонологическом компоненте был приписан дефолтный падеж, необходимо, чтобы в локальной области не было другой беспадежной ИГ, имеющей над прямым дополнением структурный приоритет, в противном случае будет приписан зависимый аккузатив. Эта идея эксплуатируется в работах М. Бейкера, Н. Винокуровой, Т. Левина и О. Премингера [10; 20] при анализе якутского DOM. Предполагается, что маркированные прямые дополнения располагаются вне глагольной группы и, таким образом, оказываются в одной локальной области с подлежащим. В этой конфигурации прямое дополнение получает зависимый падеж — морфологический аккузатив (29а). Если же прямое дополнение остается в глагольной группе, то отсутствуют структурные основания для приписывания зависимого падежа: в каждой из локальных областей (фаз) имеется только по одной лишенной падежа ИГ, и каждая из них в результате получает дефолтный именительный падеж (29б).

(29) а. $[_{TP}$ ИГ$_1$ ИГ$_2$ $[_{VP}$ ...]]
Nom Acc

б. $[_{TP}$ ИГ$_1$ $[_{VP}$ ИГ$_2$ ...]
Nom Nom

Обращаясь к мишарскому материалу, отметим, что структурная альтернатива DOM (ИГ разной структуры, возможно, в одной синтаксической позиции) делает лучшие предсказания, чем конфигурационная альтернатива DOM (ИГ в разных синтаксических позициях, возможно, одной структуры). Во-первых, среди ИГ, обязательно оформляемых аккузативом, имеются ИГ определенной синтаксической структуры, а именно – ИГ с посессивным показателем (ИК3, расщепленная количественная конструкция) и проформы. Во-вторых, беспадежные прямые дополнения не сочиняются с аккузативными, что предположительно свидетельствует о том, что они соответствуют составляющим разного типа. В-третьих, как показывает пример 30, аккузативные ИГ, как и беспадежные, могут располагаться *in situ* (контактно с глаголом, справа от

обстоятельств уровня глагольной группы) и не покидать пределов глагольной группы в синтаксисе.

(30) а. *Марат тиз китап-(ны) укы-ды.*
Марат быстро книга-ACC читать-PST
Марат быстро прочитал книгу.

б. [$_{vP}$ тиз [$_{VP}$ [$_{DP}$ китап-(ны)] [$_{V}$ укы]] *v*]

Таким образом, в дальнейшем мы будем развивать такой анализ DOM, который опирается на корреляции структурных альтернатив ИГ и их падежного оформления.

Анализ: идиом 1

Основываясь на результатах, полученных в предыдущем разделе, мы предполагаем, что DOM в идиоме 1 мишарского диалекта татарского языка опирается на оппозицию двух структурных типов ИГ – максимальных именных проекций (DP) и именных групп малой структуры (NP и NumP). В то время как DP должны получить синтаксический падеж (поскольку признак падежа определен на вершине D), ИГ малой структуры не нуждаются в падеже. Таким образом, оформленные прямые дополнения представляют собой DP (пример 31а), а неоформленные – NP или NumP (примеры 31б–в).

(31) а. *Марат* [$_{DP}$ *машина-ны*] *сат-ып* *ал-ды.*
Марат машина-ACC продавать-CONV брать-PST
Марат купил машину / *машины.

б. *Марат* [$_{NP\ /\ NumP}$ *машина*] *сат-ып* *ал-ды.*
Марат машина продавать-CONV брать-PST
Марат купил машину/машины.

в. *Марат* [$_{NumP}$ *машина-лар*] *сат-ып* *ал-ды.*
Марат машина-PL продавать-CONV брать-PST
Марат купил машины.

Отличия в синтаксическом поведении и интерпретации маркированных и немаркированных прямых дополнений следуют из предположения, что DP способны к открытому (скрэмблинг) и скрытому (подъем квантора) передвижению, в то время как лишенные падежа NP и NumP должны оставаться *in situ*. Соответственно, дополнения-DP могут занимать произвольную позицию в предложении, а линейная позиция NP и NumP ограничена предглагольной; по этой же причине NP/NumP демонстрируют узкую сферу действия по отношению к другим операторам и кванторам. NP в позиции прямого дополнения демонстрирует числовую нейтральность. Ограничения на сочинение маркированных и немаркированных прямых дополнений также следуют из их различного структурного статуса.

Анализ: идиом 2

Как видно из таблицы 1, между двумя идиомами обнаруживаются некоторые отличия в свойствах немаркированных прямых дополнений. Во-первых, в идиоме 2 неоформленные прямые дополнения могут располагаться неконтактно с глаголом (ср. пример 32, неграмматичный в идиоме 1):

(32) *Марат* ***китап*** *анарга* *тыш-ка* *цыг-ып*
Марат книга он.DAT улица-DAT выходить-CONV
бир-де.
давать-PST
Выйдя на улицу, Марат отдал ему книгу.

Во-вторых, в идиоме 2 неоформленные прямые дополнения могут иметь широкую сферу действия относительно других операторов. Так, пример 33 в идиоме 2 демонстрирует две интерпретации – с узкой (33i) и широкой (33ii) сферой действия неоформленного прямого дополнения, в то время как в идиоме 1 интерпретация варианта 33ii оказывается недоступной.

(33) *Марат* *Алсу-га* *бер* *китап* *та* *ал-ма-ды*.
Марат Алсу-DAT один книга EMPH брать-NEG-PST
(i) Марат не купил для Алсу ни одной книги. (Neg > ∃)
(ii) Марат только одну книгу для Алсу не купил. (∃ > Neg)

При этом между указанными параметрами обнаруживаются примечательные корреляции.

Во-первых, оторванные от глагола немаркированные прямые дополнения не обнаруживают числовой нейтральности. Сравним примеры 34а и 34б. В примере 34а ИГ *китап* ‘книга’ расположена в предглагольной позиции и демонстрирует нейтральность в отношении категории числа. В примере 34б немаркированное прямое дополнение, отделенное от глагола аргументной ИГ, может интерпретироваться только как единичный объект.

(34) а. *Марат* *анарга* ***китап*** *бир-де*.
Марат он.DAT книга давать-PST
Марат отдал ему книгу / книги.
б. *Марат* ***китап*** *анарга* *бир-де*.
Марат книга он.DAT давать-PST
Марат отдал ему книгу / *книги.

Во-вторых, нейтральные в отношении числа неоформленные прямые дополнения не могут иметь широкой сферы действия.

(35) а. *Һәр* *укучы* *авыр* *мәсәлә* *эшлә-де*.
каждый ученик трудный задача делать-PST

Каждый ученик решил трудную задачу / трудные задачи.
(i) ∀ > ∃, одна задача:
Каждый ученик решил по трудной задаче.
(ii) ∀ > ∀, несколько задач:
Каждый ученик решил по несколько трудных задач.
(iii) ∃ > ∀, одна задача:
(Одну) трудную задачу решил каждый ученик.
(iv) * ∃ > ∀, несколько задач:
*(Некие) трудные задачи решил каждый ученик.

Таким образом, в идиоме 2, в отличие от идиома 1, обнаруживается два класса неоформленных прямых дополнений. Неоформленные дополнения первого класса демонстрируют те же свойства, что и неоформленные дополнения в идиоме 1: они не отрываются от глагола, проявляют нейтральность в отношении числового противопоставления и не имеют широкой сферы действия по отношению к другим кванторам и операторам, содержащимся в предложении. Неоформленные прямые дополнения второго класса допускают скрэмблинг, могут иметь широкую сферу действия и обладают фиксированным грамматическим числом. Опираясь на интерпретацию числа, можно предположить, что различие между двумя классами является структурным: неоформленные дополнения первого класса являются NP, а прямые дополнения второго класса – NumP.

Если эта гипотеза верна, то неоформленная NumP в позиции прямого дополнения обладает всеми свойствами оформленных DP (способность к открытому и скрытому передвижению, фиксированное число), кроме одного – морфологически реализованного падежа. В свете предыдущего обсуждения очевидно, что, если наличие падежа у ИГ связано с ее способностью к скрэмблингу и получением широкой сферы действия, то NumP в позиции дополнения обладает абстрактным падежом. Специфика идиома 2 в таком случае состоит в том, что NumP, как и DP, получает синтаксический падеж, но синтаксический аккузатив по-разному реализуется на DP и на NumP: синтаксическому аккузативу соответствует морфологический аккузатив на DP и морфологический номинатив на NumP. Таким образом, парадигма примера 31 применительно к идиому 2 выглядит следующим образом:

(36) а. *Марат* [$_{DP}$ *машина-ны*] *сат-ып* *ал-ды*.
Марат машина-ACC продавать-CONV брать-PST
Марат купил машину / *машины.
[синтаксический падеж: Acc]; [морфологический падеж: ACC]

б. *Марат* [$_{NumP}$ *машина*] *сат-ып* *ал-ды*.
Марат машина продавать-CONV брать-PST

Марат купил машину / *машины.
[синтаксический падеж: Acc]; [морфологический падеж: NOM]

в. *Марат* [$_{NP}$ *машина*] *сат-ып* *ал-ды*.
Марат машина продавать-CONV брать-PST
Марат купил машину / машины.
[без падежного признака]

Такой анализ предсказывает, что ИГ «прямые дополнения» с показателем аккузатива в идиоме 2 являются DP и обладают теми же свойствами, что и DP идиома 1 (способность к передвижению, возможность широкой сферы действия в отношении других операторов и кванторов, отсутствие числовой нейтральности). Прямые дополнения без показателя аккузатива представлены двумя структурными типами. NP в позиции прямого дополнения лишена абстрактного падежа и демонстрирует неспособность к скрэмблингу, узкую сферу действия и числовую нейтральность. Прямое дополнение, представляющее собой NumP, обладает абстрактным падежом; отсюда следует корреляция между отсутствием числовой нейтральности и способностью к открытому (при скрэмблинге) или скрытому (при подъеме квантора) передвижению.

Выводы

В этой статье мы рассмотрели феномен вариативного маркирования объекта в двух говорах мишарского диалекта татарского языка. Было показано, что в обоих идиомах за вариативным кодированием дополнения стоят структурные альтернативы ИГ: ИГ аксимальной структуры (DP) получают аккузативное кодирование, в то время как ИГ неполной структуры (NP в обоих идиомах, NumP в идиоме 1) остаются немаркированными. Мы предположили, далее, что два содержательных класса неоформленных прямых дополнений в идиоме 2 также различаются по своим структурным свойствам: NP остаются беспадежными, а NumP получают абстрактный аккузатив, который морфологически реализуется как номинатив.

Если предложенный анализ верен, то он позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с грамматикой падежа.

Во-первых, предпринятое нами обсуждение намечает направление поисков ответа на вопрос о том, почему именно в позиции структурного (но не лексического) падежа наблюдается как симметричный, так и асимметричный DOM. Специфика структурного падежа состоит, по-видимому, в том, что он может остаться неприписанным, если составляющая в аргументной позиции не активна для взаимодействия с приписывателем падежа. Это может произойти в том случае, когда данная

составляющая лишена падежного признака (например, является PP, CP или NP) или уже получила падеж из другого источника (например, генитив отрицания, партитив и т.п.).

Во-вторых, данные идиома 2 показывают, что между абстрактным (синтаксическим) и морфологическим падежом не всегда существует взаимнооднозначное соответствие. Если падеж (и управление) является синтаксическим феноменом, то его морфологическая реализация может варьировать в зависимости от различных (и в том числе структурных) факторов. Следовательно, и сам поверхностно наблюдаемый феномен DOM может быть мотивирован на разных уровнях: и как падежное варьирование в синтаксисе (варьирование абстрактных падежей или наличие/отсутствие абстрактного падежа), и как падежное варьирование в морфологии (один и тот же абстрактный падеж, по-разному реализуемый морфологией для разных классов ИГ).

Библиографический список

1. Вильданова Н.Г., Гарипов Т.М. Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // Советская тюркология. 1988. № 4. С. 36–41.
2. Гращенков П.В. Именная группа в мишарском диалекте татарского языка. Рукопись, 2000.
3. Гращенков П.В. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Под ред. К.И. Казенина, Е.А. Лютиковой, В.Д. Соловьева, С.Г. Татевосова. Казань, 2007. С. 83–115.
4. Закиев М.З. Татарская грамматика. Т. 3. Синтаксис. Казань, 1995.
5. Коваль П.А. Плавающие кванторы и информационная структура в татарском языке // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 1. С. 46–62.
6. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 175–203.
7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 3-е, стереотип. М., 2002.
8. Татарская грамматика. Т. II. Морфология / Под ред. М.Ф. Закиева. Казань, 1993.
9. Baker M.C. The mirror principle and morphosyntactic explanation // Linguistic Iinquiry. V. 16. 1985. № 3. P. 373–415.
10. Baker M.C., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha // Natural Language and Linguistic Theory. V. 28. 2010. P. 593–642.
11. Bartos H. Object agreement in Hungarian – a case for minimalism // The Minimalist Parameter / Ed. by G.M. Alexandrova, O. Arnaudova. Amsterdam, Philadelphia, 2001. P. 311–324.
12. Bossong G. Differentielle Objektmarkierung in den Neuiranischen Sprachen. Tübingen, 1985.

13. Danon G. Caseless nominals and the projection of DP // Natural Language and Linguistic Theory. 2006. V. 24. P. 977–1008.
14. Enç M. The semantics of specificity // Linguistic Inquiry. 1991. V. 22. P. 1–26.
15. Çetinoğlu O., Butt M. Turkish non-canonucal objects // Proceedings of the LFG08 Conference / Ed. by M. Butt, T.H. King. Stanford, 2008. URL: http://csli-publications.stanford.edu/ (дата обращения: 08.01.2014).
16. Grashchenkov P.V. Floating quantifiers in Tatar // Proceeding from WAFL 3. MIT Working Papers in Linguistics. 2007. P. 193–205.
17. Heusinger von K., Klein U., de Swart P. Variation in differential object marking. Ms., University of Stuttgart, 2008.
18. Hoop de H., Malchukov A.L. On fluid differential case marking: A bidirectional OT approach // Lingua. 2007. V. 117. P. 1636–1656.
19. Hopper P., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // Language. V. 56. 1980. № 2. P. 251–299.
20. Levin Th., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? Ms., MIT, 2012.
21. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // The Oxford Handbook of Case / Ed. by A. Malchukov, A. Spencer. Oxford, 2009. P. 339–355.
22. Marantz A. Case and licensing // Proceedings of ESCOL 91, Cornell University / Ed. by G. Westphal, B. Ao, H.-R. Chae. Ithaca, NY, 1991. P. 234–253.
23. Pereltsvaig A. Small nominals // Natural Language and Linguistic Theory. V. 24. 2006. № 2. P. 433–500.
24. Szabolcsi A. The noun phrase // Syntax and Semantics. Vol. 27. The Syntactic Structure of Hungarian / Ed. by F. Kiefer, K.E. Kiss. San Diego, 1994. P. 179–274.

И.В. Николаева, Н.В. Жукова

К вопросу об обеспечении внутритекстовой синтаксической вариативности в современном французском языке

В статье рассматривается проблема внутритекстовой синтаксической вариативности в современном французском языке. Вводные и вставные конструкции отнесены большинством исследователей к речевому синтаксису. Их структурно-синтаксическая и функционально-семантическая специфика, исследуемая на базе когнитивно-дискурсивного подхода, обусловливает их роль в обеспечении, с одной стороны, целостности текста, с другой – его вариативности.

Ключевые слова: речевой синтаксис, когнитивно-дискурсивный анализ, целостность текста, интертекстуальность.

Антропоцентрический подход, на который ориентированы на современном этапе все дисциплины гуманитарного цикла, позволяет осмыслить разнообразие характеристик человека как представителя определенной социальной группы. Особый интерес представляют ментальный мир человека и языковая объективация этого мира в различных видах дискурса.

В теории языка существует две области знаний: одна относится к сфере знаний о языке, другая – к их употреблению в общественной языковой практике. В первом случае предметом изучения становятся лингвистические единицы, во втором – тексты как завершенное речевое произведение, так называемый продукт человеческой мыслительно-речевой и языковой деятельности. В социальной интеракции тексты представляют собой дискурс как когнитивное событие, связанное с передачей знаний или запросом о знаниях, с новой переработкой знаний.

Вариативность текстов, выявляемая на основе когнитивно-дискурсивного подхода (ориентированного на бытийный, деятельностный слой сознания), интерпретируется в терминах категорий реальной коммуникации. В отличие от социолингвистической, региональной и индивидуальной вариативности именно текстовая вариативность обеспечивает лингвистическую экспрессию дискурса сквозь субъективную призму (пространственную, временную, оценочную) автора/говорящего в рамках коммуникативно-прагматической системы произведения, где языковые единицы и структуры актуализируют свою коммуникативную значимость под влиянием различных факторов:

(1) *Elle ne regardait même pas l'appartement, ce qui était un peu bizarre, si l'on pensait qu'après tout , elle allait désormais y vivre, avec lui, et que cette décision , ils l'avaient prise ensemble, le lendemain de la soirée de Limoges, dans une sorte d'enthousiasme, de bonheur profond* ***(et sage)****. Gilles ignorait que le bonheur pût être teinté de cette sagesse implacable et tendre qui consiste à se résigner à faire ce qu'il faut faire.* [9, c. 114]

(1a) *Elle ne regardait même pas l'appartement, ce qui était un peu bizarre, si l'on pensait qu'après tout , elle allait désormais y vivre, avec lui, et que cette décision , ils l'avaient prise ensemble, le lendemain de la soirée de Limoges, dans une sorte d'enthousiasme, de bonheur profond* ***et sage****. Gilles ignorait que le bonheur pût être teinté de cette sagesse implacable et tendre qui consiste à se résigner à faire ce qu'il faut faire.*

(2) *Et ils débouchèrent d'un seul coup sur une antichambre gardée, elle aussi, par deux soldats baïonette au canon. Ils présentèrent leurs armes à von Briek avec leurs mimiques habituelles mais ne bronchèrent même pas devant Constantin. Leur mâchoire serrée, leurs yeux éteints, leur front lisse n'avaient vraiment rien d'humain, songea ce dernier, pendant que les soldats s'effaçaient mécaniquement devant von Briek et devant lui-même, qui entra enfin dans le saint des saints –* ***où son guide l'abandonna***. [10, c.83]

(2a) *Et ils débouchèrent d'un seul coup sur une antichambre gardée, elle aussi, par deux soldats baïonette au canon. Ils présentèrent leurs armes à von Briek avec leurs mimiques habituelles mais ne bronchèrent même pas devant Constantin. Leur mâchoire serrée, leurs yeux éteints, leur front lisse n'avaient vraiment rien d'humain, songea ce dernier, pendant que les soldats s'effaçaient mécaniquement devant von Briek et devant lui-même, qui entra enfin dans le saint des saints* ***où son guide l'abandonna.***

Анализ примеров 1 и 1а, 2 и 2а, где пунктуационное на письме и интонационное в устной речи выделение конструкций *et sage* в примере 1 и *où son guide l'abandonna* в примере 2 обеспечивает их восприятие как включенной (вводной/вставной) единицы, позволяет констатировать изменение коммуникативного статуса всего микротекста при сохранении семантико-синтаксических характеристик последнего. В примерах 1а и 2а *et sage* и *où son guide l'abandonna* становятся конструктивно более значимыми элементами всего построения, чем в примерах 1 и 2, куда их структурно-семантические аналоги привносят дополнительную информацию характера уточнения или добавления.

При этом «попытки любой ценой отыскать инвариант для реально существующих вариантов сведены, как правило, к решениям, носящим искусственный, умозрительный и, в конечном счете, насильственный над языком характер» [5, с. 67].

В процессе коммуникации лишь понятия, подобные инвариантной модели «автор–сообщение–адресат», оказываются релевантными при условии, что в дискурсе присутствует интенционально обусловленное варьирование со стороны коммуникантов, использующих текст для достижения определенных целей. В этом случае вариативность на текстовом уровне проявляется в виде таких присущих любому тексту характеристик, как целостность, связность текста и его смысл, а разнообразие текстов обеспечивается вариативными возможностями применяемых языковых средств.

Механизмы варьирования языка в конкретном тексте находят свое отражение в его синтаксической, семантической и прагматической спе-

цифике. Например, в основе жанровой дифференциации (басня, репортаж и т.п.) оказываются синтаксис и семантика, обеспечивающие конструктивные особенности текста (введение, экспликация, резюме), а для композиционно-речевых форм (описание, сообщение, рассуждение) в форме монолога, диалога, полилога как коммуникативных вариантов текстов важна прежде всего семантико-прагматическая составляющая: в поверхностном синтаксисе реализуются внутритекстовые связи как таковые, а так называемые содержательные функции находят свое отражение прежде всего в актуальном членении (семантическая функция) и в стилистически обусловленном порядке предложений и слов в предложении (прагматическая функция) [2, с. 29–31].

Наша цель – используя различные методы когнитивно-дискурсивного анализа, определить роль в обеспечении текстовой вариативности включенных (вводных/вставных) единиц, служащих по определению для создания структурно-синтаксической и функционально-семантической двуплановости сверхфразового единства и не являющихся конструктивно важными во включающем их построении.

Дискурс, как известно, – это когнитивное событие, имеющее дело с передачей знаний или с запросом о знаниях, с новой переработкой знаний. Весь этот комплекс вопросов когнитивного характера выражает своими средствами грамматика. Современные грамматики пополняются живым языковым материалом благодаря введению дискурсивных данных, что приводит к обогащению арсенала грамматических средств в различных типах дискурса. Категориальный спектр как «способ глобальной концептуализации определенных участков картины мира (события, оценки, характеристики)» [3, с. 170] расширяется за счет таких категорий, как, например, категория вводности.

По своей структуре включенные (вводные/вставные) единицы как элементы речевого синтаксиса представляют собой одну из форм усложнения сверхфразового единства в дискурсе. Они могут разрывать информационный поток, с одной стороны, и служить надстройкой над включающей их конструкцией – с другой, не нарушая целостности предметной информации и/или передавая характер ее понимания автором/говорящим:

(3) *Il s'arrêta, se jugea de bas en haut et vice versa d'un oeuil critique quoique paternel: ce grand corps avec tous ces cheveux, cette moustache, ces dents et ces ongles, cette grande carcasse osseuse, fidèle, solide et* ***(par une chance indispensable)*** *attirante pour autrui, c'était la sienne!* [10, с. 95]

(4) *Julie sauta sur le toit de tôle* ***(Peter riait)****. L'enfant et la jeune fille dévalèrent. L'appentis n'était pas très haut. Julie sauta, Peter dans*

les bras, manqua se tordre la cheville en atterrissant dans une cour flanquée d'étables. [8, с. 100]

(5) *Il n'était pas nécessaire d'ajouter à ce prodigieux ensemble une âme éternelle; la durée de notre corps instinctif et de cette petite boîte consciente lui paraissait tout à fait suffisante; la durée d'une existence humaine était la bonne, puisqu'elle semblait parfois* ***– et au corps comme à l'esprit –*** *trop lente ou trop rapide, trops longue ou trop courte mais toujours imaginable.* [10, с. 96]

В примерах 1–5 налицо соотнесенность включений с предметной ситуацией. Однако, в отличие от примеров 1–4, в примере 5 трансформация соответствующего микротекста путем изменения, например, его пунктуационного/интонационного оформления без ущерба для структурно-синтаксической правильности всей конструкции, невозможна:

(3a) *Il s'arrêta, se jugea de bas en haut et vice versa d'un oeuil critique quoique paternel: ce grand corps avec tous ces cheveux, cette moustache, ces dents et ces ongles, cette grande carcasse osseuse, fidèle, solide et,* ***par une chance indispensable****, attirante pour autrui, c'était la sienne!*

(4a) *Julie sauta sur le toit de tôle.* ***Peter riait****. L'enfant et la jeune fille dévalèrent. L'appentis n'était pas très haut. Julie sauta, Peter dans les bras, manqua se tordre la cheville en atterrissant dans une cour flanquée d'étables.*

(5a) **Il n'était pas nécessaire d'ajouter à ce prodigieux ensemble une âme éternelle; la durée de notre corps instinctif et de cette petite boîte consciente lui paraissait tout à fait suffisante; la durée d'une existence humaine était la bonne, puisqu'elle semblait parfois,* ***et au corps comme à l'esprit****, trop lente ou trop rapide, trop longue ou trop courte mais toujours imaginable.*

В синтагматической цепи любой элемент находится в так называемом состоянии ожидания, и присоединение к нему дополняющего члена является удовлетворением этой его потребности. Если для подлежащего и сказуемого как главных членов предложения эта сочетаемость выявляется на уровне предложения, то для второстепенных в их отношении к главным или к другим второстепенным членам предложения – на уровне словосочетания на основании их валентностных свойств. В примере 5 степень прогнозируемости именной части составного именного сказуемого *semblait trop lente ou trop rapide, trop longue ou trop courte mais toujours imaginable* очень высока. Составное именное сказуемое допускает обычно дистанцирование своих частей лишь путем внесения однословных обстоятельств или включений в виде вводных/вставных конструк-

ций, представляющих собой второй, дополнительный, план сообщения, описания, рассуждения.

Изменение пунктуационного/интонационного оформления включения ведет, как это было показано выше, к изменению его коммуникативного статуса в сверхфразовом единстве и, следовательно, к изменению дискурсивных характеристик всего микротекста. Когда перенос вводной/вставной единицы в другие срезы сверхфразового единства возможен, то он, как правило, не влияет на характер ее смысловой связанности с включающей структурой:

(6) *C'est,* ***il est vrai****, une corporation, qui ne compte pas cent membres.*

(6a) ***Il est vrai****, c'est une corporation qui ne compte pas cent membres.*

(6b) *C'est une corporation qui,* ***il est vrai****, ne compte pas cent membres.*

(6c) *C'est une corporation qui ne compte pas cent membres,* ***il est vrai****.*

Если в сложноподчиненном предложении главное предложение часто коммуникативно более важно, чем придаточное изъяснительное, то в построении с включенной единицей либо коммуникативная нагрузка ложится, в основном, на вводный/вставной элемент, либо она распределяется равномерно между включением и включающей структурой. *Il est vrai* функционирует не только в качестве модализатора основного сообщения, но и как эмфатическая часть реплики одного из коммуникантов, которая служит подтверждением соответствия действительности мыслей другого коммуниканта, оформленных вербально или паралингвистически.

Таким образом, основное назначение подобных вводных/вставных компонентов сверхфразового единства заключается в создании определенной субъективно-модальной окраски последнего, которая может накладываться на объективно-модальное значение действительности, возможности, необходимости. Изменение позиции включенного элемента в примере 6 не влечет за собой изменение его статуса и статуса включающей структуры, как в примерах 3а и 4а, хотя его роль в тема-рематическом членении сверхфразового единства изменяется.

Варианты перемещения некоторых вводных/вставных конструкций ограничены или вообще невозможны. Так, позиция включения *eût dit le poète* в начале построения (пример 7) невозможна, а в результате ее вклинивания перед *conjurer* или *le Déluge* изменяется смысловая соотнесенность: вся включенная единица оказывается переориентированной на следующую за ней часть сверхфразового единства *conjurer le Déluge*:

(7) *Du jour où j'ai décidé de vouer ma plume à ce bestiaire, c'était,* ***eût dit le poète****, vouloir suspendre le vol du temps, ou encore conjurer le Déluge.* [7, c. 52]

Невозможно изменение позиции вводной/вставной единицы, находящейся между союзом и ядром предложения: прогнозируемость дальнейшего развертывания включающей единицы наиболее вероятна, т.к. союз – служебное слово, которое соединяет предложения или их части и, следовательно, не может образовать даже односоставное или неполное предложение:

(8) *Il était intraitable, sûrement orphelin et évidemment au désespoir car – **bien qu'il le cachât** – sa vie qui avant la guerre n'était qu'une partie de cache-cache avec la misère, était devenue depuis une partie de cache-cache avec la mort et une partie qu'il était sûr de perdre quand il rencontra Constantin.* [10, c. 109]

В примере 6 вариативность перемещения *il est vrai* при сохранении общей смысловой отнесенности предопределена тем, что включенная единица связана с экстралингвистической реальностью опосредованно, через значение включающей структуры.

Опосредованность соотнесенности с предметной ситуацией характерна, как показал анализ, для так называемых субъективных модализаторов содержания включающей единицы, которые обладают ограниченной структурной вариативностью. Все построение при этом признается одноплановой модальной структурой. Это одна из наиболее прозрачных форм выражения субъективно-модальных отношений:

(9) *Sur ces entrefaites, il se mit à pleuvoir. Il était simple, **c'est sûr***, de *courir vers le bâtiment, s'y abriter de la pluie, s'y remettre aux mains de la police aux fortes cuisses.* [8, c. 80]

В примере 9 на объективно-модальное значение накладывается субъективно-модальное значение категорической достоверности (абсолютная уверенность автора/говорящего, т.е. субъекта модальной оценки, в соответствии содержания включающей структуры действительности). В роли модального субъекта здесь выступает персонаж, от лица которого ведется повествование: *c'est sûr = je suis sûr.*

В том случае, если субъект модальной оценки – не автор и не рассказчик, а один из героев литературного произведения, авторское присутствие ощущается благодаря различным дейктическим средствам, «привязывающим» содержание построения к ситуации общения, т.е. речевой ситуации. По целевой установке все включающие единицы относятся тогда к повествовательным, т.к. коммуникативная целенаправленность задается автором или рассказчиком, которые, следовательно, и являются субъектом модальной оценки, по определению уже присутствующей в той или иной форме в вопросе и побуждении. Наличие же в одноплановом модальном построении двух субъективно-модальных планов (субъ-

ективно-модальный план автора/рассказчика и субъективно-модальный план третьего лица, одного из актантов события) невозможно. Включенные единицы обоих типов как субъективные модализаторы включающей структуры свободно перемещаются в рамках сверхфразового единства, обеспечивая таким образом своеобразие текстовой вариативности.

Так называемые прагматические вводные/вставные элементы, ориентированные прежде всего на адресата, представлены чаще всего лексико-грамматическими клише: *je dis bien*, *je l'ai dit cent fois*, *j'ose dire*, *il est nécessaire de le dire*, *laisse-moi le dire*, *cela va sans dire*, *il faut vous l'avouer*, *je vous le rappelle*, *je vous l'assure*, *tu comprends* (*vous comprenez*), *tu sais* (*vous savez*), *tu vois* (*vous voyez*), *m'entendez-vous*, *écoutez*, *figure-toi* и др.

Включенные единицы данного типа специализируются на акцентировании позиции говорящего или его собеседника с целью более эффективного воздействия на последнего. Устанавливается тесная связь с позицией адресата/собеседника, которая отсутствует или сведена до минимума у вводных/вставных единиц, содержащих только субъективно-модальную оценку.

Включенные единицы воздействующей направленности не употребляются в построениях с вопросительным включающим компонентом, первичной функцией которого является, как известно, запрос информации.

Включенные единицы, служащие для поддержания контакта с собеседником, встречаются в построениях с повествовательным и, очень редко, побудительным включающим компонентом. В последнем случае они выполняют чисто строевую функцию и эквивалентны паузе нерешительности.

Включенные единицы, способствующие установлению контакта с собеседником, т.е. выполняющие контактоустанавливающую функцию, не встречаются в построениях с побудительным включающим компонентом, т.к. выражение побуждения к действию в разнообразных его проявлениях предполагает установление контакта с собеседником.

Различная коммуникативная целенаправленность включающего построения обусловливает частичное изменение функций вводных/вставных элементов, особенно при перемещении их в разные срезы сверхфразового единства, обеспечивая текстовую вариативность в рамках, в частности, изменения актуального членения:

(10) *Est-ce qu'elle est,* ***dites donc****, charmante?*

(10a) *Elle est –* ***dites donc!*** *– charmante.*

(10b) *Mais elle est charmante,* ***dites donc****!*

Построение «включающий элемент – включенный элемент», извлеченное из контекста, предполагает двоякое понимание включения, кото-

рое может быть ориентировано либо на говорящего (выражая значение удивления по поводу ситуации, обозначенной во включающем компоненте), либо на слушающего (прагматическая контактоустанавливающая включенная единица). Тот факт, что перенос вводного/вставного элемента в другие срезы сверхфразового единства с частично десемантизированным глаголом возможен в различных временных планах (прошедшем, настоящем, будущем), служит еще одним подтверждением того, что они обладают высокой текстообразующей активностью. Субъективно-модальные включенные единицы обогащают содержательную сторону текста, оформляя различные авторские отступления. В результате создается вторичная линия изложения, эксплицирующая позицию автора или рассказчика.

Включение непосредственно соотносимых с предметной ситуацией объективно-модальных вводных/вставных единиц ведет к экспликации позиции автора с точки зрения хорошо/плохо, а вынесенные за рамки включающие единицы несут чисто информативную нагрузку:

(11) *Ce n'était plus du désespoir qu'il y avait dans ses yeux , mais une colère olympienne qui donnait à son vieux visage une expression solennelle à la fois comique et émouvante.*
– Ne croyez pas, monsieur, que les auditeurs se sont lassés d'entendre la Sonate du Feu… J'ai là cinquante lettres, au moins, de directeurs et d'agences, qui m'offrent les contacts les plus avantageux. ***(Déjà il sortait d'une autre poche un portefeuille aussi volumineux que celui qui contenait les coupures de presse et en tirait des envelopes)***.
[7, с. 84]

Итак, вводные/вставные элементы, представляющие собой большую группу разнооформленных средств, играют, как показало проведенное исследование, определенную роль в обеспечении текстовой вариативности в дискурсе в результате, в частности, изменения при определенных условиях их интонационного оформления и позиции во включающей единице в рамках сверхфразового единства. Помимо этого, анализ речевого материала позволил прийти к выводу, что в связи с понятием текстовой вариативности, обеспечиваемой некоторыми включенными единицами, целесообразно говорить об одном из способов реализации так называемой интертекстуальности.

Так, экспликация позиции автора/рассказчика в построениях с непосредственно соотносимыми с предметной ситуацией объективно-модальными и субъективно-модальными вводными/вставными элементами способствует противопоставлению различных типов повествования в рамках сверхфразового единства, например: описание во включающей

единице – рассуждение во включенной единице, сообщение во включающей единице – описание во включенной единице как наиболее частотные оппозиции. Оценочный момент возникает в результате противопоставления фрагментов информации, ситуативно ориентированных (соотносимых с понятием «ситуация» в узком смысле слова, т.е. причисляемых к классу фактов, событий, состояний) и ситуативно не ориентированных (квалифицирующих, концептуально-оценочных). К последним можно отнести разнообразные способы осуществления интертекстуальности: цитаты, аллюзии, афоризмы, характерные для различных функциональных стилей и коммуникативных речевых форм, различные способы передачи речи автора/рассказчика/персонажа и т.п. Налицо своеобразный диалог нескольких текстов внутри текста. В каждом тексте возможны наложения других («текст в тексте»), ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл. Одним из ключевых понятий теории интертекстуальности выступает термин «интертекст» как фрагмент другого текста в структуре исследуемого текста. Интертекст позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли. Использование интертекста означает заимствование и перекомбинирование не только языковых операциональных единиц, но и ситуативных, концептуальных и композиционных инвариантов [1, с. 180]:

(12) *J'ai acheté un set-cuisine* ***(soixante-cinq pièces pour 399 francs, essoreuse et râpe à fromage comprises),*** *des bougies* ***(on ne sait jamais…)****, un plaid* ***(je ne sais pas , je trouvais que ça faisait chic d'acheter un plaid)****, une lampe* ***(bof),*** *un pailasson* ***(prévoyant)****, des étagères* ***(forcément),*** *une plante verte* ***(on verra bien…)*** *et mille autres bricoles* ***(c'est le magasin qui veut ça)****.* [6, с. 17]

Текст становится, кроме того, более обозримым, наглядным, легче воспринимаемым: «текст существует лишь в силу межтекстовых отношений – интертекстуальности» [4, с. 153], что подразумевает прежде всего его определенные отношение с предшествующими текстами и открывает возможности для порождения новых. Для субъекта восприятия текста это предполагает, в частности, обязательную и исчерпывающую подключенность к мировой культуре, что должно обеспечить адресату так называемую интертекстуальную компетенцию, лингвистический подход к которой предполагает изучение ассоциаций, возникающих у адресата в процессе узнавания в тексте следов других текстов.

Вводные/вставные единицы, в свою очередь, как одно из средств отражения интертекстуальности, могут служить своеобразными маркерами различных типов текста, ориентируя адресата на уже известные ему

факты, события и выполняя одновременно текстосвязующую и когнитивную функции.

Библиографический список

1. Баранов К.С. Интертекстуальность в рекламном дискурсе // Вестник МГЛУ. Сер. «Языкознание». Язык в мире дискурсов. 2009. Вып. 559. С. 180–191.
2. Брандес М.П. О текстовой вариативности // Вестник МГЛУ. Сер. «Языкознание». Дискурсивный потенциал грамматического компонента в различных сферах человеческого общения. 2004. Вып. 482. С. 23–31.
3. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М., 1981.
4. Санжарова И.Э. Интертекстуальность как параметр детективного дискурса // Вестник МГЛУ. Сер. «Языкознание». Язык в мире дискурсов. 2009. Вып. 559. С. 152–159.
5. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. М., 2005.
6. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part . Paris, 2009.
7. Genevoix M. Lorelei. Paris, 1998.
8. Manchette J.-P. O dingos, ô châteaux! Paris, 2004.
9. Sagan Fr. Un peu de soleil dans l'eau froide. M., 2003.
10. Sagan Fr. Un sang d'aquarelle. Paris, 2004.

М.А. Пахомова

Вопросы сопоставительного изучения поэтического словотворчества (Игорь Северянин – Леонид Мартынов)

В статье сопоставляются наиболее часто встречающиеся способы словообразования и словообразовательные модели в словотворчестве И. Северянина и Л. Мартынова, а также предлагается программа многопланового сопоставительного изучения поэтического словотворчества вообще.

Ключевые слова: окказионализм, индивидуально-авторское новообразование, словотворчество, футуризм, семантика.

Творческое наследие представителей Серебряного века в течение многих десятилетий вызывает большой интерес исследователей. Однако если в литературоведческом аспекте оно представляется довольно широко разработанным, то совсем иным является положение в области изуче-

ния языка поэтов-модернистов: существует лишь небольшое количество работ (преимущественно статей). Что же касается авторских новообразований, то, хотя они уже были предметом рассмотрения, остается неизученным, как соотносятся особенности их поэтической речи с литературными направлениями, к которым принадлежат данные авторы.

В историю русской литературы поэты-футуристы вошли как экспериментаторы, чье творчество ознаменовалось постоянным стремлением к новаторству в области стиля и лексики. Определение места и роли индивидуально-авторских новообразований в таком направлении, как футуризм, принципиально важно для изучения поэтического языка и индивидуального стиля авторов, поскольку отбор определенных моделей для создания индивидуально-авторских новообразований, их характер, причины, обусловившие их появление в конкретном тексте, функции, выполняемые ими, свидетельствуют об определенных тенденциях в литературе данной эпохи вообще и в творчестве И. Северянина и Л. Мартынова в частности, дают представление об особенностях их поэтического мышления.

Игорь Северянин (1887–1942) возглавлял группу эгофутуристов. Приобрел скандальную известность в 1910 г. после отрицательного отзыва Л.Н. Толстого, стал выступать на эстраде с поэзоконцертами, а в 1913 г. вышел один из его лучших сборников «Громокипящий кубок». Игорь Северянин стал кумиром публики. «Не думаем, чтобы надобно было доказывать, что Игорь Северянин – истинный поэт. Это почувствует каждый, способный понимать поэзию, кто прочтет “Громокипящий кубок”», – отзывался о его творчестве В. Брюсов. В «Открытом письме Игоря Северянина» (печатная листовка), датированном 23 октября 1912 г., говорилось: «Теперь, когда для меня миновала надобность в доктрине “я – в будущем”, и, находя миссию моего Эго-Футуризма выполненной, я желаю быть одиноким, считаю себя только поэтом, и этому я солнечно рад. Моя интуитивная школа “Вселенский Эго-Футуризм” – путь к самоутверждению. В этом смысле она – бессмертна. Но моего Эго-Футуризма больше нет: я себя утвердил. Смелые и сильные! От вас зависит стать Эго-Футуристами!».

Леонид Мартынов примкнул к группе футуристов позже, в 1920 г. Первые его стихотворения были напечатаны в сборнике «Футуристы», изданном в походной типографии агитпарохода «III Интернационал». Леонид Мартынов вошел в футуристическую литературно-художественную группу «Червонная тройка».

Стремление к новаторству заставляло футуристов искать новые, свежие средства выразительности, активно использовать словотворчест-

во. Стихотворения Северянина насыщены индивидуально-авторскими новообразованиями. Используя метод сплошной выборки, С.А. Хромова составила словарь из 849 окказионализмов [10]. Но отсутствие полного собрания сочинений создает сложности для изучения творчества И. Северянина. Используя его архивы, В.В. Никульцева насчитала более 3000 окказионализмов [5].

Мартынов прибегает к ним не так часто. Но и его окказиональные слова нуждаются в изучении и систематизации. Между тем обнаруживается поразительное сходство в словообразовании И. Северянина и Л. Мартынова, обусловленное, вероятнее всего, как влиянием творчества старшего футуриста, так и особенностями данного литературного направления. Футуристы остро чувствовали проблему несоответствия узуальных слов той «действительности», которую пытались выразить в лирике. Существующие в языке модели не удовлетворяли поэтов-модернистов. «Футуризм ориентировал читателя, в первую очередь, на переживание формы, иногда исключительно формы» [4, с. 11]. Если в творчестве символистов преобладают отадъективные существительные абстрактной семантики с суффиксом *-ость*, то диапазон используемых словообразовательных моделей у футуристов достаточно велик. Например, у И. Северянина С.А. Хромова выделила 64 языковые модели. Видимо, этот выбор зависит, в первую очередь, от пристрастий самого поэта, от его словообразовательной смелости и экспрессивности.

Сопоставительное изучение окказионализмов может проводиться на разных уровнях. В.В. Никульцева в диссертации «Лексические неологизмы Игоря Северянина: деривация, значение, употребление» сопоставляет идентичные окказионализмы И. Северянина и В.В. Маяковского. Анализируя тексты, в которых употреблены такие новообразования, она приходит к выводу о заимствованном характере большинства окказионализмов В.В. Маяковского [5]. Более обобщенно сопоставление представлено в диссертации С.А. Хромовой «Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому образовательному стандарту» [10]. Она сопоставляет новообразования К. Бальмонта и И. Северянина, т.к. оба поэта были активными творцами слова, склонными к экспериментам над языком. Оказалось, что большинство индивидуально-авторских новообразований как К. Бальмонта, так и И. Северянина полностью соответствуют языковому стандарту, что свидетельствует о том, что узус довлеет даже над яркой самобытной личностью. Новообразований, созданных по собственно окказиональным моделям, у Бальмонта всего 5, а у Северянина несколько больше – 43. Желательно провести более детализированное сопоставление индивидуально-авторских новообразований,

которое позволит обнаружить случайные или закономерные совпадения в словотворчестве поэтов, принадлежавших к одному модернистскому направлению.

Среди окказиональных слов, используемых Л. Мартыновым и И. Северяниным, обращают на себя внимание, прежде всего, сложные прилагательные, включающие сему цвета: *зеленопламенный* у Мартынова и *зеленобронзовый* у Северянина:

Когда
В лесу уже темно,
Бывает дерево одно
Зеленопламенным закатом
Оранжево озарено.
(Л. Мартынов. Закат)

И входит девушка. Вуаль
Подняв, очей своих эмаль
Вливает мне в глаза, и нити
Зеленобронзовых волос
Капризно тянутся из кос.
(И. Северянин. Колокола собора чувств)

Такие сложные прилагательные включают семы одновременно двух цветов. У Л. Мартынова – *зеленый* и *пламенный* (красного оттенка), который дополнительно подкреплен в тексте окказиональным наречием *оранжево*. Следует отметить, что автор связывает образование данного прилагательного со словосочетанием *зеленый пламень*, которое обусловило слитное написание окказионализма *зеленопламенный*. Это сложение с одновременной суффиксацией. У И. Северянина – *зеленый* и *бронзовый* (рыжеватый оттенок волос). Но написание слова указывает на мотивированность словосочетанием *зеленая бронза*. Таким образом, сходство наблюдается как в семантике, так и в способе словообразования. У Северянина имеется еще один сходный окказионализм: *зелено-журчн*ый. Обнаруживается некоторое сходство с *зеленопламенным* в стилистической сочетаемости. Оба прилагательных используются в контексте описания заката: *…И только ручейки остались – / Зелено-журчный лесной крюшон* (Закат при шторме).

Но у Северянина сема цвета в данном прилагательном сочетается с семой звука при подчеркнутой сочинительной связи между двумя признаками, т.е. этот окказионализм образовался от прилагательных *зеленый* и *журчный*. Второе прилагательное само по себе тоже окказионально и мотивировано глаголом *журчать*. Прилагательное *фосфорно-просфорный*, очевидно, имеет смысл, прежде всего, в качестве аллитерации: *...Где тонет византийской лик / В Босфоре фосфорно-просфорном* (Узел бурь).

Следует отметить также семантику, связанную с религиозной тематикой: *фосфорный* – излучающий свет, *просфорный* – от *просфора*. Среди неологизмов И. Северянина имеются и с подчеркнутой звуковой насыщенностью: *А ключи, пробудясь, неиссячные* – / *Неумолчные, звучные, звячные* (С озер незамерзших); *Не оттого ль так жутко-зорок* / *Мой взор, вонзенный в Божество?* (Не оттого ль?..).

Эти новообразования являются, в первую очередь, примером аллитерации. Интерес представляют и различные отглагольные формы (причастия и деепричастия), использованные Л. Мартыновым. Причастие *оледенивший* образовано от потенциального глагола *оледенить* в отличие от узуального *оледенеть*. Это глагол с префиксом *о-*, мотивированный существительным *лед*, со значением «окружить или наполнить тем, что названо мотивирующим словом»:

И лишь тогда,
Во время стужи,
Оледенившей нам уста,
Мы вспомнили…
(Л. Мартынов. Август)

Для И. Северянина такие словообразовательные модели достаточно типичны: *…газель оснеженная ты* (Поэза весенних трепетов); *Он весь осолнечнен, олунен* (Пять поэтов); *…безумным жестом* / *Остолблен кленоход…* (Фиолетовый транс); *…предгорье* окустено (Узор по канве).

Глаголы *оснежить*, *осолнечнить*, *олунить*, *остолбить*, *окустить* образованы по такой же словообразовательной модели. На этом основании, пожалуй, можно говорить о влиянии словотворчества И. Северянина на словотворчество Л. Мартынова. Мотивировано ли деепричастие *шарлатаня* существительным *шарлатан*? Поскольку деепричастие не допускает образования от имен существительных, то можно допустить образование данного окказионализма от редкоупотребимого, но все же зафиксированного в словаре глагола шарлатанить [7]:

Застыл он
У подножья зданья,
На архитектора похож,
Где, гикая и шарлатаня,
Толклась ночная молодежь.
(Л. Мартынов. Дедал)

У И. Северянина имеется целый ряд таких деепричастий: *…взором бархатя* («Один бы лепесток!); *Плывет туман от нижней Тормы*, / *Вуаля бледную звезду* (Веймарн); *…путь обратный* желобя (Озеро девьих слез); *…каблучком молоточа паркет* (Эксцессерка).

Базовые глаголы *бархатить*, *вуалить*, желобить, *молоточить* мотивированы существительными и созданы по узуальным моделям, т.е. являются потенциальными словами.

В текстах Л. Мартынова присутствуют и глаголы, мотивированные существительными: *шумствовать* (от *шум* + *-ствова-* или от окказионального *шумство* + *-ова-*), *владычить* (от *владыка*), наряду с редкоупотребимыми, но все же зафиксированными в «Словаре современного русского литературного языка» Академии наук СССР «*молнировать* (от *молния* + *-ирова-*), *телефонить* (от *телефон* + *-и-*): *Ищите меня, телефоньте, / Молнируйте волю судьбы!* (Путешественник)*; Царь лыж блуждал по снежным тропам. / Царь звезд владычил телескопом* (Царь природы)*; «Вам шумствовать хватит, собакины дети! – / Так Петр нам сказал. – Захотели вы плети?..*» (Пленный швед).

У И. Северянина подобных глаголов довольно много: *пикниковать* (от *пикник* + *-ова-*), *автомобилить* (от *автомобиль* + *-и-*), *астрить* (от *астры* + *-и-*), *звездить* (от *звезда* + *-и-*), *бычить* (от *бык* + *-и-*), *велосипедить* (от *велосипед* + *-и-*), *веслить* (от *весло* + *-и-*), *ветрить* (от *ветер* + *-и-*) и др.

Если для И. Северянина наличие окказиональных слов является краеугольным камнем идеостиля, то для Л. Мартынова это своеобразное соприкосновение с творчеством других футуристов и влияние, в первую очередь, именно И. Северянина. В 1973 г. появляется стихотворение Л. Мартынова «Северянин», в котором используется окказиональный глагол *започиваться*:

А ему писалось плохо, –
Как в былом, не получалось,
Будто целая эпоха
На глазах его кончалась,
А другая начиналась,
Но не все оттуда видел,
Где ему започивалось, –
Вот как он себя обидел!

(Л. Мартынов. Северянин)

Подобная глагольная форма есть и у Северянина: *Ледок на лужах, захрусталясь, / Сыпучим снегом запорошен…* (Закат при шторме). Глагол *захрусталиться*, как и глагол *започиваться*, с префиксом *за-* и постфиксом *-ся* имеет значение начала действия.

Таким образом, можно обнаружить большое сходство в моделях образования окказиональных слов, отметить определенную взаимосвязь творчества И. Северянина и Л. Мартынова и их стремление к новаторству в области словообразования, связанному с устремлением футуризма в будущее: «В ходу была теория “самовитого слова”, автономности поэти-

ческого языка. Слова обновлялись помимо возникновения новых реалий (поэтические неологизмы)» [3, с. 169].

В заключение подчеркнем, что более многоплановое сопоставительное изучение поэтического словотворчества вообще должно включать в себя, на наш взгляд, выявление сходств и различий как в излюбленных способах словообразования, словных моделях – узуальных или окказиональных, так и в частеречных предпочтениях не только производных, но и производящих слов.

Библиографический список

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.
2. Краткая литературная энциклопедия: В 8 т. М., 1975.
3. Лыков А.Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово. М., 1976.
4. Мильков Д.Э. Русский литературный авангард: поэтика жеста. СПб., 2000.
5. Никульцева В.В. Лексические неологизмы Игоря Северянина: деривация, значение, употребление. М., 2004.
6. Пахомова М.А. Окказиональные слова и словари окказионализмов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 3. С. 79–87.
7. Словарь современного русского литературного языка Академии наук СССР: В 17 т. М.-Л., 1963.
8. Словарь языка русской советской поэзии XX в. / Под ред. Григорьева В.П. М., 2010.
9. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 44–54.
10. Хромова С.А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому образовательному стандарту. Саратов, 2007.

А.Б. Шлуинский

К типологии морфосинтаксиса «соединения событий» в поливербальных конструкциях[1]

В статье рассматриваются морфосинтаксические конструкции, которые используются для выражения семантики «соединения событий», выражаемых различными глаголами, в единое (макро)событие. Показано, что различные

[1] Работа выполнена в рамках проекта МК-3991.2012.6 по гранту Президента РФ для молодых кандидатов наук и проекта РГНФ № 12-34-01255.

конструкции такого рода имеют общие функциональные свойства. Таксономически можно выделить пять морфосинтаксических типов рассматриваемых конструкций: бифинитный (финитные глаголы соположены), нулевой (один из глаголов является финитным, а прочие употребляются в виде чистой основы), деепричастный (один из глаголов является финитным, а другие употребляются в нефинитной форме), союзный (финитные глаголы соединены союзом), словослагающий (глагольные основы объединяются в единую словоформу). Перечисленные типы представляются собой функциональные экстремумы, между которыми обнаруживаются промежуточные случаи. Конструкции «соединения событий» могут быть противопоставлены как конструкциям с грамматикализованными вспомогательными глаголами, так и сочиненным и «цепочечным» конструкциям.
Ключевые слова: «соединение событий», структура события, сериальная конструкция, сложная глагольная конструкция, финитность, деепричастие, словосложение.

1. Сериальные конструкции и «соединение событий»

Распространено – как самое обобщенное – следующее представление о наиболее типичном выражении события в морфосинтаксисе: существует соответствие между единственным событием, которое выражается при помощи единственного глагола, который является синтаксической вершиной единственной клаузы. Отклонения от этого стандарта, предполагающие более сложное соотношение глагола, клаузы и события, не так уж редки – в их числе можно назвать, например, множественные однотипные ситуации (хабитуальные, реципрокальные, комитативные), каузативы, депиктивы. Во всех этих случаях интуиция исследователей, вне зависимости от их теоретических установок, усматривает либо комплексную структуру события, членящегося на подсобытия, либо, что в сущности то же, множество событий, объединяющихся в единое макрособытие. На материале рефлексивных и реципрокальных актантных дериваций еще в работе С. Кеммер [49, с. 112] показано, что два полюса – отдельные независимые события vs. единичное событие – имеют промежуточные случаи, и введено полезное понятие «отчленяемости событий».

В данной работе мы обратимся к сложным поливербальным конструкциям – тому из этих случаев, когда комплексность события получает наглядное отражение в том, что структура, в которой представлено более одного глагола, семантически претендует на выражение единого или единственного события, а синтаксически – на моноклаузальный статус[1].

[1] Оговорим, что речь не идет о конструкциях с (полностью) грамматикализованными вспомогательными глаголами (вроде английского *is singing* или русского *будет петь*), где также формально более одного глагола соответствуют одной клаузе и одному событию.

Для многих конструкций такого рода в литературе широко используется термин «сериальные (глагольные) конструкции». В характерных примерах 1 и 3 представлено по два полнозначных глагола, каждый из которых может быть самостоятельной вершиной независимой клаузы, в то же время в данном случае каждая пара описывает денотативно единственную ситуацию.

(1) бауле {< ква, Западная Африка}
ɔ̀ ***kpàn-ní*** ***srò-lí***
3SG[1] кричать-PST отвечать-PST
‘Он **прокричал** ответ’. [54]

(2) кантонский китайский {< сино-тибетские}
ngo^{5} ***kei***^{5} *hai*^{2} *mun*^{4}*hau*^{2} ***dang***^{2}
я стоять у дверной_проем ждать
‘Я **стоял и ждал** у двери’. [59, с. 82]

(3) акан {< ква, Западная Африка}
kofi ***tow-w*** *ɔson* *no* ***ku-u*** *no*
Кофи выстрелить-PST слон DEF убивать-PST 3SG.O
‘Кофи **застрелил** слона’. [60, с. 196]

В термин «сериальная конструкция» может вкладываться весьма различное содержание, во многом потому, что многочисленные попытки определить это явление делались при помощи определенных формальных признаков, которые бывают ориентированы на ограниченный материал. Так, например, в исследовании, где рассматривается материал эве {< ква, Западная Африка} предлагается следующее определение: «Сериальная конструкция представляет собой последовательность глаголов и их дополнений (если есть), имеющих одно и то же подлежащее и одно и то же значение категории времени, не разделенных никаким показателем

[1] Сокращения: 1 – 1-е лицо, 3 – 3-е лицо, ABS – абсолютив, ACC – аккузатив, ACT – активный залог, ADJ – адъективизатор, ATR – атрибутив, CAUS – каузатив, CL – показатель согласовательного класса, CLF – классификатор, CONJ – союз, CONS – консекутив, COP – копула, CVB – деепричастие, DAT – датив, DECL – декларатив, DEF – показатель определенности, DU – двойственное число, EQUAT – экватив, ERG – эргатив, F – женский род (класс), FAC – фактатив, FUT – будущее время, GEN – генитив, HAB – хабитуалис, IMM – иммедиатное будущее, IMP – императив, INDF – показатель неопределенности, INF – инфинитив, INFR – инференциалис, INV – инверсив, IO – косвенный объект, INFR – инференциалис, IPFV – имперфектив, IRR – ирреалис, LOC – локатив, M – мужской род (класс), N – средний род (класс), NEG – отрицание, NF – неженский род (класс), NOM – номинатив, O – объект, OBL – показатель косвенного падежа или основы, P – пациентив, PFV – перфектив, PL – множественное число, POSS – показатель посессивности, POT – потенциалис, PREF – глагольный префикс, PRF – перфект, PROG – прогрессив, PROSP – проспектив, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, RED – редупликация, REM – удаленное прошлое, RES – результатив, S – субъект, SBJV – конъюнктив, SG – единственное число.

сочинения или подчинения»[1]. Хотя общность видо-временного значения у глаголов в сериальной конструкции часто формулируется как один из ее определяющих признаков, даже в родственных эве языках обнаруживаются отклонения от него. Так, в примерах 4a и 5a данное требование соблюдено, а в прмерах 4b и 5b – нет; в то же время очевидно функциональное тождество примеров 4a и 4b и 5a и 5b соответственно, т.к. эти предложения различаются исключительно временнóй референцией; фактически в описательных работах для 4b и 5b также используется термин «сериальная конструкция».

(4) лелеми {< ква, Западная Африка}

a. ***lí-tì*** *ɔ̀sikà* ***lɛ́-kùlɔ̀*** *lìlù*
1SG.PST-брать нож 1SG.PST-резать ямс
'Я порезал ямс ножом'. [17, с. 392]

b. ***mùù-ti*** *ɔ̀sikà* ***tàa-kulɔ̀*** *lìlù*
1SG.PRS-брать нож HAB-резать ямс
'Я режу ямс ножом'. [17, с. 386]

(5) акан (диалект фанте) {< ква, Западная Африка}

a. *ama* ***tɔ-ɔ*** *m-paboa* ***kyɛ-ɛ*** *fiifi*
Ама покупать-PST PL-обувь дарить-PST Фифи
'Ама купила туфли для Фифи'. [62]

b. *ama* ***bɔ-tɔ*** *m-paboa* ***a-kyɛ*** *fiifi*
Ама FUT-покупать PL-обувь CONS-дарить Фифи
'Ама купит туфли для Фифи'. [62]

То, что под названием сериальных конструкций могут рассматриваться структурно различные объекты, было давно замечено; в общих/обзорных работах по глагольной сериализации представлены следующие подходы: во-первых, критика и отрицание самого понятия сериальной конструкции на основании разнородности материала [5; 74]; во-вторых, попытка разграничения разных морфосинтаксических типов сериально-подобных конструкций – так, в работе Ф. Амека [18] только на материале языков Западной Африки выделяется целый ряд различных глагольных конструкций; в-третьих, попытка классифицировать различные морфосинтаксические параметры сериальных конструкций, принимая как данность их некую общую сущность [16].

Поскольку речь идет о структурном разнообразии, общей сущностью такого рода может быть только функционально-семантическая: именно единая функция – соединение событий, каждое из которых имеет собст-

[1] "A serial verb construction is a succession of verbs and their complements (if any) with one subject and one tense value that are not separated by any overt marker of coordination or subordination" [31].

венное лексическое выражение, в единое (макро)событие – представляет собой естественное основание для сравнения служащих для этого морфосинтаксических структур. Последовательное применение этого основания, однако, обнаруживает, что, несмотря на разнородность того, что понимается под сериальными конструкциями, объем рассматриваемого материала должен быть даже расширен за счет конструкций, которые обычно не рассматриваются как сериальные. Рассмотрим ряд примеров из татарских (мишарский диалект) естественных текстов.

(6) татарский (мишарский диалект)[1] {< тюркские}

a. *at-nɤ* ***tuar-ɤp*** ***al-a*** *da,* *arba-nɤ*
лошадь-ACC распрягать-CVB брать-IPFV и телега-ACC
tart-ɤp ***čɤga-r-a*** ***…***
тянуть-CVB выходить-CAUS-IPFV
‘Он **распрягает** лошадь, **вытаскивает** телегу …’

b. *patša* *xeküмät-e…* *älege* *ʒir-lär-gä* *urɤs-lar-nɤ,*
царь правительство-3 этот земля-PL-DAT русский-PL-ACC
čuaš-lar-nɤ ***küče-r-ep*** ***utɤr-t-a***
чуваш-PL-ACC передвигаться-CAUS-CVB сидеть-CAUS-IPFV
‘Царское правительство … на этих же землях **селило** русских и чувашей’.

c. *mɤ-nɤŋ* *kul-ɤ-na* *ber* *jɤmgak* ***kil-ep***
этот-GEN рука-3-DAT один клубок прийти-CVB
teš-ä *dä* ***tägärä-p*** ***kit-ep*** ***bar-a***
падать-IPFV и катиться-CVB уйти-CVB идти-IPFV
‘Ей в руку **падает** клубок и **катится дальше**’.

d. *ä* *a-nɤŋ* *kaja* *kit-kän-e-n* *pränkä*
а он-GEN куда уходить-PRF-3-ACC Пряник
rafig-e ***kür-ep*** ***kal-a***
Рафик-3 видеть-CVB оставаться-IPFV
‘А Рафик Пряник **видел**, куда она пошла’.

В примере 6d и первой части примера 6a глаголы *al-* ‘брать’ и *kal-* ‘оставаться’ имеют высокую степень грамматикализации; тюркские бивербальные конструкции с (полу)вспомогательными глаголами широко известны [1; 20]. Однако прочие представленные в примере 6 конструкции функционально сходны с представленными в примерах 1–3: каждый глагол, входящий в мультивербальную конструкцию, полнозначен и сохраняет

[1] Примеры из мишарского диалекта татарского языка (6 и 52) взяты из массива естественных текстов, собранного в 1999–2000 гг. экспедициями филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова при участии автора.

свое лексическое значение, и в то же время два и более глагола описывают денотативно единственное действие (и образуют синтаксическую структуру, которая интуитивно кажется моноклаузальной). Поскольку конструкции, представленные в примере 6, не принято называть сериальными, мы говорим в целом о конструкциях «соединения событий»[1].

В разделе 2 предлагается обзорная таксономическая типология морфосинтаксических техник, использующихся для указания на тот факт, что события, выражаемые двумя или более полнозначными глаголами, образуют подсобытия некоего более общего единого события[2].

Следует оговорить, что мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что функциональный критерий единства события остается интуитивным и потому уязвимым для критики: то, что мы имеем дело с особо тесно связанными (под)событиями единого (макро)события, обычно находит косвенное отражение в синтаксическом поведении конструкции, но различное для разных конструкций в разных языках. С одной стороны, апелляция к концепту «единого события» устойчиво сопровождает литературу по сериальным и другими рассматриваемым конструкциям десятилетиями, начиная с ранних описательных формулировок [72, с. 95] и продолжая далее [16, с. 10–12; 30, с. 49; 38, с. 291; 55, с. 269]. С другой стороны, и критика единства события, основанного на субъективном восприятии исследователя, многократно звучала [5; 44; 69], приведем лишь одну цитату: «Денотат сериальной конструкции действительно признается единым потому, что ему обычно соответствует некая неделимая сущность; но это, в большинстве случаев, отнюдь не элементарная единица некоторого метаязыка, а обычная лексическая единица языка описания» [5, с. 108–109]. Очевидно, однако, что дело не в переводе рассматриваемых конструкций на английский (русский или иной) язык (уже по приводившимся примерам видно, что одной русской лексемы достаточно не всегда), а в том, что, как мы показали выше, часто речь идет действи-

---

[1] Возможная терминологическая альтернатива состояла бы в том, чтобы расширить термин «сериальная конструкция» на весь рассматриваемый нами материал. Мы воздерживаемся от этого, потому что, с одной стороны, в интерпретации этого термина уже достигнуто значительное разнообразие, а с другой стороны, у него все же есть устойчивая ассоциация прежде всего с конструкциями типа представленных в примерах 1–3.

[2] Оговоримся, что мы рассматриваем только те конструкции, в которых все элементы принадлежат к одному и тому же синтаксическому классу. В частности, за пределами нашей классификации остаются представленные в ряде языков Австралии конструкции с т. н. ковербами, лексемами с предикатной семантикой, которые могут быть употреблены только в сочетании с морфологически отличающимися от них собственно глаголами. Подробно такая система описана Е. Шультце-Берндт на материале языка джамиджунг [66], а сопоставление подобных систем в северноавстралийских языках представлено ею в другом исследовании [67].

тельно о денотативно едином событии. В то же время неверно, помимо буквально денотативно еди(нствен)ного события, есть и другие возможности; так, среди примеров на сериальные конструкции в языках ква распространены в литературе примеры типа 7.

(7) эве {< ква, Западная Африка}

e	***ku***	*tsi*	***no***
3SG	приносить	вода	пить

'Он **принес** воду **и выпил** ее'. [14, с. 120]

Таким образом, при обсуждаемом «соединении событий» каждое из них не теряет полностью свою автономию; более осторожно можно сказать, что в рассматриваемом круге конструкций связь между событиями, выражаемыми глаголами, много более тесная, чем в полипредикативных конструкциях или, тем более, в двух или более не связанных друг с другом предикациях. В работах Р.-М. Дешен [34] и Ч.-Й. Пи и О. Стюарда [64] предлагаются попытки формально-семантического моделирования данной тесной семантической связи.

Следует также оговорить, что в рамках «соединения событий» уместна внутренняя градация того, насколько тесна семантическая связь между событиями (что отчасти может коррелировать и с морфосинтаксисом соответствующих конструкций). Так, в некоторых работах [23; 42; 68] противопоставляются (в одном и том же языке или в разных языках) как семантически, так и синтаксически сериальные конструкции, предполагающие бóльшую или меньшую связь между (под)событиями и выражающими их глаголами, причем «водоразделы» проводятся между разными классами. Мы абстрагируемся от этих различий. Отметим также, что мы не обсуждаем синтаксическую структуру рассматриваемых конструкций, а анализируем только поверхностный морфосинтаксис.

2. Морфосинтаксические техники «соединения событий»

Материал позволяет выделить пять морфосинтаксических типов конструкций, использующихся для «соединения событий». Между некоторыми типами, как это часто бывает, возможны промежуточные случаи, которые рассматриваются отдельно.

I. Бифинитный тип: все глаголы в конструкции имеют идентичное или, реже, различное, но содержательное словоизменение, и между ними нет показателя синтаксической связи.

II. Нулевой тип: единственный глагол несет все грамматические характеристики, а прочие глаголы не маркированы морфологически.

III. Деепричастный тип: единственный глагол несет все грамматические характеристики, а прочие глаголы оформлены нефинитными формами.

IV. Союзный тип: все глаголы в конструкции имеют идентичное или, реже, различное, но содержательное словоизменение и соединены союзом.

V. Словослагающий тип: глагольные основы объединяются в единую словоформу.

Бифинитный тип соответствует сериальным конструкциям в исходном понимании этого термина. Мультивербальная конструкция с функцией «соединения событий» включает глаголы, каждый из которых может быть в той же форме употреблен в независимом предложении, и эти глаголы не соединены показателем сочинения (причем, как отмечено в исследовании Х. Штальке [70, с. 78] и во многих последующих работах, данный тип конструкций часто отчетливо противопоставлен сочинительным конструкциям в том же языке).

(8) акан {< ква, Западная Африка}
araba ***tɔ-ɔ*** *nam* ***kyew-w***
Араба покупать-PST мясо жарить-PST
‘Араба **купил** рыбу **и пожарил** ее’. [61, с. 17]

(9) дегема {< бенуэ-конго, Западная Африка}
Ohoso ***ọ-gbíyé-n*** *ẹ̄nám* *ọkíyé-n* *ọ́yi*
Охосо 3SG-убивать-FAC животное 3SG-давать-FAC 3SG
‘Охосо **убил для** него животное’. [48, с. 274]

(10) нумбами {< австронезийские, Папуа – Новая Гвинея}
na-ambi *wosa* ***na-wose*** *wangga*
1SG.IRR-держать весло 1SG.IRR-грести каноэ
‘Я **возьму** весло **и поведу** каноэ’. [29, с. 148]

Если широкое распространение таких конструкций в синтаксической системе является «привилегией» некоторых ареалов (в частности, Западной Африки), то в качестве относительно периферийной возможности бифинитный тип засвидетельствован в самых разнообразных языках (ср. примеры 11–13). К нему относятся и русские конструкции в примере 14; конструкции типа 14a–b с глаголами движения и позиции известны[1], но возможны и аналогичные конструкции с прочими глаголами (14c).

(11) багвалинский {< нахско-дагестанские}
ħur ***r-ukã*** ***r-uɬu***
дрова.PL N.PL-загораться N.PL-кончаться
‘Дрова **догорели**’. [11, с. 120]

[1] В частности, в работе В.П. Литвинова [4] в явном виде отмечено формальное сходство русских конструкций типа 14a–b с сериальными конструкциями в языках Западной Африки и Юго-Восточной Азии, а в исследовании Д. Вайсс [71] – с сериальными конструкциями в целом.

(12) алюторский {< чукотско-камчатские}

ənnan *ɣətu.ril* *sinin.kin*
один ребро.NOM.SG собственный.3SG
ɣa-prə-lin *inu-nu*
RES-снимать-RES.3SG.P продукты-EQUAT
ɣa-jəl-lin *keŋ-a*
RES-давать-RES.3SG.P медведь-ERG
‘Медведь одно свое ребро **дал** на питание’. [3, с. 286]

(13) библейский иврит

mahēr ***himmālēṭ*** *šāmmā*
спешить.IMP.M.SG бежать.IMP.M.SG туда
‘**Скорей беги** туда’. [8, с. 16]

(14) русский

a. ***Поеду проведаю*** *своих – узнаю, чем там они занимаются, пофоткаю.* (Наши дети: Подростки (2004), НКРЯ)

b. *Слушай, я тут как-то* ***сидел вспоминал****, как мы с тобой…* (Даша (2004), НКРЯ)

c. *Есть фотографии тех лет.* ***Найду*** *сканер* ***выложу****.* (личные данные)

Наиболее характерна – и типологически, и среди массива конструкций бифинитного типа в одном языке – идентичность грамматических характеристик входящих в них глаголов. Тем не менее, представлены и бифинитные конструкции, в которых финитные глаголы имеют различное грамматическое оформление.

(15) аттие {< ква, Западная Африка}

àdú ***nṵ̀*** *lātɔ̀ɔ̄* ***dzē***
Аду брать.PFV книга.IPFV идти
‘Аду **несет** книгу’. [52, с. 574]

(16) русский

Сидит развалился. [4, с. 59]

Нулевой тип, в котором все глаголы, кроме одного, выступают в виде чистой основы, также, как правило, относят к числу сериальных конструкций. Наиболее яркие его примеры известны по некоторым языкам Папуа – Новой Гвинеи (17–18), но к нему относятся, в частности, и китайские сериальные конструкции (пример 19), и некоторые западноафриканские (пример 20).

(17) калам {< трансновогвинейские, Папуа – Новая Гвинея}

b *mon* ***tb*** ***lak-sp-ay***
мужчина дерево резать разделять-PRS.PROG-3PL
‘Мужчины **пилят** бревна’. [53, с. 39]

(18) харуаи {< пиави, Папуа – Новая Гвинея}
an *absö* ***rag*** ***h-n-ŋ-a***
мы овощи нести приходить-FUT-1PL-DECL
‘Мы **принесем** овощи’. [32, с. 28]

(19) кантонский китайский {< сино-тибетские}
ngo^{5} ***gan***^{1}***-hoi***^{1} *keoi*^{5} ***hok***^{6} *jing*^{1}*man*^{2}
я следовать-HAB он учиться английский
‘Я регулярно **учусь у** него английскому’. [59, с. 70]

(20) логба {< ква, Западная Африка}
mɛ-ɛ́-gɔ *m-mua* ***dovu*** *e-tsi*
NEG-3PL-молоть CL-мука высыпать CL-земля
‘Муку **не мелют и не высыпают** ее на землю’. [36, с. 295]

Более специфическая и менее известная разновидность нулевого типа представлена в тех случаях, когда единственный глагол в мультивербальной конструкции несет все грамматические характеристики, а прочие глаголы выступают не в виде чистой основы, а маркированы только лично-числовым согласованием. Конструкции такого рода засвидетельствованы в языке тарьяна.

(21) тарьяна {< аравакские, Бразилия}
a. *wadu* ***di-asa*** ***di-musu***
птица.бучура 3SG.NF-лететь 3SG.NF-выходить
di-nu ***di-uka***
3SG.NF-приходить 3SG.NF-прибывать
di-hwas-pidana
3SG.NF-оставаться-REM.PST.INFR
‘Птица бучура **прилетела сюда (оттуда)**’. [15, с. 475]
b. ***nharitu*** ***na-inu-pidana*** *ɲapa*
3PL.ловить 3PL-убивать-REM.PST.INFR рыба.мади
‘Они **поймали** рыбу мади’. [15, с. 481]

Ряд конструкций попадают в своего рода «промежуток» между бифинитным и нулевым типами.

Первый случай связан с тем, что многие языки, в которых представлены сериальные конструкции, являются изолирующими, и словоизменение в них имеет маргинальный характер. Так, наиболее частотные примеры сериальных конструкций языка эве имеют вид, как в примере 22a: две немаркированных глагольных формы, из которых любая потенциально может быть проанализирована и как нулевая форма аориста, и как чистая глагольная основа; лишь много более редкие примеры типа 22b показывают, что мультивербальные конструкции в эве относятся к бифинитному типу. Показательно, что в близкородственном языке ген представлен

нулевой тип (пример 23). По многим языкам Юго-Восточной Азии, в которых встает сходная проблема, вовсе не доступны данные, которые, как редкие примеры 22b и 23, могли бы различить обсуждаемые морфосинтаксические типы. Например, в статье Н. Джерки [47], специально рассматривающей мультивербальные конструкции в белом хмонг, все примеры имеют вид типа 24, где невозможно отличить «чистую основу» глагола и глагол, имеющий словоизменение.

(22) эве {< ква, Западная Африка}

a. *wo* ***tsɔ*** *dɔnɔ* ***va*** *ho*
3PL брать больной идти Хо
'Больного **отнесли** в Хо'. [65, с. 107]

b. *wo* ***le*** *agba-wo* ***tsɔ-m*** ***le*** ***yiyi-m***
3PL COP груз-PL брать-PROG COP идти$_{RED}$-PROG
'Они **идут с** грузами'. [72, с. 95]

(23) ген {< ква, Западная Африка}
ɨyábá ***lě-sɔ́*** *děsízé* ***ɖó*** *zò-jí*
Айаба PROG-брать котелок ставить огонь-на
'Айаба **ставит** котелок на огонь'. [27, с. 158]

(24) белый хмонг {< мяо-яо, Китай}
tus *tsov* ***tom*** *liab* ***noj***
CLF тигр кусать обезьяна есть
'Тигр **пожрал** обезьян'. [47, с. 117]

Во-вторых, аналитические показатели часто употребляются в мультивербальной конструкции один раз и могут быть проанализированы и как относящиеся к ближайшему к ним глаголу, и как относящиеся к конструкции в целом. Такие примеры существуют как для тех случаев, когда собственно глагольная словоформа выступает в виде чистой основы (пример 25), так и для тех случаев, когда она имеет лично-числовое маркирование (пример 26).

(25) сранан {атлантический креол, Южная Америка}
yu ***e*** ***teki*** *den* *krosi* ***kibri***
ты IPFV брать DEF.PL одежда прятать
'Ты **прячешь** одежду'. [68, с. 60]

(26) таба {< австронезийские, Индонезия}
n-sopang ***n-mul*** ***te-su***
3SG-спускаться 3SG-возвращаться NEG-POT
'Он **еще не спустился обратно**'. [28, с. 343]

Деепричастный тип характеризуется тем, что все глаголы, кроме одного, употребляются в нефинитной форме, как правило, имеющей и другие употребления в полипредикативных конструкциях. Чаще всего

это деепричастия, т.е. нефинитные формы, использующиеся для оформления обстоятельственных предложений или сочиненных предикаций в конструкциях типа clause-chaining, как в примерах 27–29, но возможны и другие, так, например, в бамана в данной функции употребляется инфинитив (пример 30).

(27) чувашский {< тюркские}
kăjak ***věšʲ-se*** ***tăra-tʲ***
птица лететь-CVB стоять-PRS.3SG
'Птица **висит в воздухе**'. (личные данные)

(28) волаита {< афроазиатские, Эфиопия}
zalʔáncca-í *miiʃʃáa* ***ʔekk-í*** ***b-iisi***
торговец-M.NOM товары.ABS брать-CVB идти-PFV.3SG.M
'Торговец **унес** товары.' [19, с. 330]

(29) ория {< индоиранские, Индия}
Raajaa *maachha-Te* ***kiN-i*** ***keLaa-i***
Рааджа рыба-INDF покупать-CVB чистить-CVB
bhaaj-i ***khaa-il-aa***
жарить-CVB есть-PST-3SG
'Рааджа **купил, почистил, пожарил и съел** рыбу'. [25, с. 42]

(30) бамана {< манде, Западная Африка}
cɛ̀nin ***jìgin-na*** ***kà*** ***bɔ́*** *à* *ká* *dálan*
мальчик спускаться-PFV INF выходить 3SG POSS кровать
sánfɛ
на
'Мальчик выполз из кровати'. [35, с. 62]

Существуют конструкции, имеющие промежуточный статус между деепричастным типом и бифинитным. Так, в ряде языков ква с ирреальной формой первого глагола сочетается конъюнктив, тогда как с реальной – аналогичная ей форма, ср. примеры 31a–b. Конъюнктив, как и нефинитные формы, употребляется для маркирования полипредикативной связи, но имеет и независимые употребления; выбор конъюнктива именно в сочетании с ирреальной формой может быть рассмотрен и как чисто синтаксически обусловленный, и как семантически нагруженный[1].

(31) акебу {< ква, Западная Африка}
a. ***nó-fú*** *kēērī-wə̀* ***nó-kūŋ̄*** *mə́*
1SG.PFV-покупать еда-CL 1SG.PFV-давать 1SG

[1] В акан будущее время в сериальной конструкции сочетается с формой, условно называемой консекутивом, которая, вероятно, восходит к аналогичному употреблению конъюнктива, но синхронно не употребляется в каких-либо еще контекстах, см. примеры 5a–b; пример 5b естественно признать частным случаем деепричастного типа.

à-ɲàrə̀-tə́-pə̂
PL-дом-ADJ-CL
‘Я **купил** еду **для** своей семьи’.

b. ***nóò-fú*** *kēērī-wə̀* ***ŋ́-kūī̄*** *mə́*
1SG.PROSP-покупать еда-CL 1SG.SBJV-давать 1SG
à-ɲàrə̀-tə́-pə̂
PL-дом-ADJ-CL
‘Я **куплю** еду **для** своей семьи’. (личные данные)

Есть и конструкции, имеющие промежуточное положение между деепричастным типом и нулевым. Глаголы, не выражающие грамматических значений, могут употребляться не в виде чистой основы, но и не со специализированно нефинитным (деепричастным и подобным) маркером, а быть маркированными определенным показателем, имеющим структурное значение. Интересный пример такого рода дает язык кхоэ, в котором есть обязательные в определенных позициях глагольной словоформы показатели активного залога, распределенные по глагольным формам; один из этих показателей употребляется в финитных формах перед показателем прошедшего времени, а также, уже будучи единственным показателем, – с глагольными словоформами в интересующей нас форме.

(32) кхоэ {< койсанские, Южная Африка}

a. *xàmá* ***té-é*** ***‖gàrà-á-tè*** *tháḿ̀* *à*
3SG.M стоять-ACT.II писать-ACT.I-PRS письмо O
‘Он **пишет** письмо **стоя**’. [50, с. 115]

b. *tí* ***ǂgì-é*** ***yaá-à-gòè***
1SG опаздывать-ACT.II приходить-ACT.I-FUT
‘Я **опоздаю**’. [50, с. 115]

Наиболее известные и в то же время наглядные примеры *союзного типа* представлены европейскими «псевдосочинительными» конструкциями, в которых финитные глаголы, один из которых имеет высокую степень грамматикализации, соединены сочинительным союзом. Широкий спектр таких конструкций представлен в скандинавских языках (примеры 33–34). Во многих языках Европы, включая русский, представлены конструкции с грамматикализацией глагола *брать* (пример 35) [9; 33; 39; 51]. Сходные конструкции с другими глаголами описаны в современном иврите (пример 36).

(33) датский

Peter ***sidder*** ***og*** ***synger*** *en* *sang*
Петер сидеть.PRS и петь.PRS INDF песня
‘Петер **поет** песню’. [26, с. 1]

(34) норвежский

Han	***tok***	***og***	***skrev***	*et*	*dikt*
он	брать.PST	и	писать.PST	INDF	стихи

‘Он **написал** стихотворение’. [55, с. 121]

(35) русский

Если он сочтет, что я недоработал, то мы просто ***возьмем и придем*** *к ней вместе.* (В. Белоусова (2000), НКРЯ)

(36) иврит

mihara	***ve-ratsa***	*lekhapes*	*’ota*
спешить.PST.3SG.F	и-бежать.PST.3SG.F	искать	она

‘Она **быстро побежала** ее искать’. [8, с. 16–17]

Широкое употребление союзных конструкций для связывания предикатов, описывающих разные стороны единого события, засвидетельствовано в языке мбула (37a–b). В гонджа представлены конструкции, функционально аналогичные сериальным конструкциям в других языках ква, но включающие специализированный союз (пример 38).

(37) мбула {< малайско-полинезийские, Папуа – Новая Гвинея}

a.

i-miili	***ma***	***i-mar***	*kar*
3SG-возвращаться	CONJ	3SG-приходить	деревня

‘Он **вернулся** в деревню’.

b.

ti-pun-i	*ma*	*i-meete*
3PL-ударять-3SG	CONJ	3SG-умирать

‘Они **убили** его’. [41, с. 87–88]

(38) гонджа {< ква, Западная Африка}

è	***tà***	*X̀-fìtílà*	*ńnà*	***ǹy***	***yílí***	*X̀-tébùl*	*só*
3SG	брать	SG-лампа	DEF	CONJ	ставить	SG-стол	на

‘Он **поставил** лампу на стол’. [63, с. 432]

Частично (и тем более сильно) грамматикализованные союзные конструкции «соединения событий» легко отличимы от обычных сочинительных конструкций, связывающих предикаты, обозначающие отдельные конструкции. Однако в работе Л. Хатчинсона [46] и, с опорой на ее данные, в исследовании М. Себба [68] анализируются английские примеры, в которых представлены глагольные конструкции с сочинительным союзом (типа 39a–b), имеющие семантико-синтаксические свойства, принципиально отличающиеся от свойств сочинительных конструкций: с одной стороны, они интуитивно анализируются как обозначающие единое действие, с другой – они нарушают известное ограничение сочинительной структуры, допуская частный вопрос к зависимым одного из глаголов (39c–d).

(39) английский

a. *She **ran and kissed** the man.*
‘Она подбежала и поцеловала мужчину’.

b. *She **loaded** the gun **and shot** him.*
‘Она зарядила ружье и застрелила его’.

c. *Who did she run and kiss?*
букв. ‘Кого она подбежала и поцеловала?’

d. *Who(m) did she load the gun and shoot?*
букв. ‘Кого она зарядила ружье и застрелила?’

[46, цит. по: 68, с. 99–100].

Словослагающий тип, в котором глагольные корни образуют морфологически единое сложное слово, сравнительно мало обсуждался в литературе [24; 41; 42; 57], но представлен в языках самых разных семей и ареалов (примеры 40–46а). Материал тех языков, в которых данный тип конструкций «соединения событий» описан детально, показывает, что они могут иметь разный уровень синхронной продуктивности. Так, в языке якима лишь часть примеров (как 44) включают два глагольных корня, синхронно способных к самостоятельному употреблению, чаще же одна из позиций сложного глагола занята морфологизовавшимся модификатором. В адыгейском языке к словосложению с другими глаголами, как в примере 45, способны четыре глагола движения. В игбо, напротив, образование сложного глагола является регулярным морфосинтаксическим средством, объединяющим глагольные корни и обозначаемые ими события, которые могут употребляться и независимо, ср. примеры 46а–с.

(40) яле-косарек {< трансновогвинейские, Индонезия}
kwaneng ***yob-ad**-ke-nun*
батат готовить-давать-ты-FUT.1SG
‘Я **приготовлю** тебе бататов’. [45, с. 155]

(41) сакао {< австронезийские, Вануату}
*me-**ke-lam***
3SG-брать-приходить
‘Он **принес** это’. [37, с. 10]

(42) йимас {< сепик, Папуа – Новая Гвинея}
nawn *ya-ŋa-**awa-ta**-n*
кто 3PL.S-1SG.IO-испражняться-класть-PRS
‘Кто **мочится на** меня?’ [40, с. 324]

(43) олотек {< михе-соке, Мексика}
*Ø-**jo?n-kay**-pa* *mixtun*
ABS-воровать-есть-IPFV кошка
‘Кошка **ест ворованное**’. [73, с. 280]

(44) якима {< пенути, США}
*pá-**ásh-twána**-na*
INV-входить-следовать_за-PST
‘Он **прошел за** ним внутрь’. [24, с. 124]

(45) адыгейский {< абхазо-адыгские}
къолэжъи-mIy-р *Iy-**быбы-кIы**-гъ*
ворона-два-ABS PREF-летать-отходить-PST
‘Две вороны **отлетели**’. [6, с. 285]

(46) игбо {< бенуэ-конго, Западная Африка}
a. *ọ́* ***tụ̀-fù**-rù* *ákwụ́wọ́*
3SG бросать-теряться-FAC бумага
‘Он **выбросил** бумагу’.
b. *ọ́* *tụ̀-rù* *ákwụ́wọ́*
3SG бросать-FAC бумага
‘Он бросил бумагу’.
c. *ákwụ́wọ́* *fù-rù*
бумага теряться-FAC
‘Бумага потерялась’. [57, с. 24–25]

Засвидетельствован специфический промежуточный случай между деепричастным типом и словослагающим. В языке йимас, помимо словослагающих конструкций, непосредственно соединяющих глагольные корни, как в примере 42, представлены словослагающие конструкции, в которых за левым глагольным корнем следует маркер деепричастия (пример 47a), который может быть использован и для образования отдельной нефинитной формы – в примере 47b мы видим полипредикативную конструкцию, описывающую последовательность отдельных событий.

(47) йимас {< сепик, Папуа – Новая Гвинея}
a. *arm-n* *kay* *i-ka-**ak-mpi-wul***
вода-OBL каноэ 3SG.O-1SG.S-толкать-CVB-спускать
‘Я **столкнул** каноэ на воду’.
b. *kay* *ak-mpi* *i-ka-wul* *arm-n*
каноэ толкать-CVB 3SG.O-1SG.S-спускать вода-OBL
‘Я толкнул каноэ и спустил его на воду’. [40, с. 326]

Представлен и промежуток между нулевым типом и словослагающим: известны случаи, когда глаголы (по крайней мере, по интуиции исследователя) образуют отдельные словоформы, но линейно неразрывны, причем морфологическое маркирование получает только один из них, а другой представляет собой чистую основу, как в мвотлап (пример 48). В языке дегема, наряду с бифинитными конструкциями (пример 9), представлены такие, в которых глагольные основы образуют отдельные сло-

воформы, но линейно неразрывны, причем префиксальные маркеры присоединяет левый глагол, а суффиксальные правый (пример 49).

(48) мвотлап {< австронезийские, Вануату}
kōyō ***ma-tatal*** ***kaka*** *le-mtehal*
3DU PRF-идти болтать LOC-дорога
‘Мы **разговаривали, идя** по дороге’. [43, с. 233]

(49) дегема {< бенуэ-конго, Западная Африка}
Ohoso ***o-yí*** ***kótú-n*** *ǫ́yi*
Охосо 3SG-приходить звать-FAC 3SG
‘Охосо **пришел и позвал** его’. [48, с. 273]

Наконец, есть и пограничный тип конструкций между словослагающим и бифинитным типами. Например, в некоторых уральских языках представлены так называемые «парные глаголы»[1] – просодически единые комплексы из двух глагольных словоформ, каждая из которых морфологически самостоятельна.

(50) удмуртский {< уральские}
си-о-ю-о
есть-PRS.3.PL-пить-PRS.3.PL
‘Они едят [букв. едят-пьют]’. (личные данные)

3. Границы «соединения событий»

Поскольку, обращаясь к сходству функции, мы объединили в качестве единого функционального класса формально весьма разнородные явления, следует ограничить этот класс – также с точки зрения функции. С одной стороны, представляется необходимым отделить «соединение событий» от семантико-синтаксически более слитных структур, т.е. таких, где один из элементов, диахронически связанный с глагольной лексемой, грамматикализуется и теряет статус полнозначного глагола. С другой стороны, конструкции, предполагающие «соединение событий», можно противопоставить сложным конструкциям, где представлено не единое событие, а множество событий, пусть и связанных друг с другом. В обоих случаях могут использоваться те же формальные структуры, что и для «соединения событий»; в обоих случаях нет жесткой границы с конструкциями, использующимися для «соединения событий», но есть различимые полюса континуумов.

Грамматикализация многократно отмечалась как сопутствующее сериальным конструкциям и некоторым другим рассмотренным структу-

[1] «Парные глаголы» являются частью более общего явления просодически единых «парных слов» других частей речи [13]. Неочевидно, что в данном случае работают те же семантические механизмы «соединения событий», что и у других рассмотренных конструкций.

рам явление [37, с. 3], также существуют специальные исследования по грамматикализации сложных глагольных конструкций [21; 58]. Грамматикализация имеет место далеко не всегда во всех рассмотренных случаях, но весьма часто: если соответствующая конструкция относительно периферийна в данном языке, то всегда по крайней мере один из слотов занят глаголом из закрытого списка частотных лексем, предрасположенных к превращению в грамматический показатель[1].

Мы не пытаемся провести границу между «соединением событий», в котором все глаголы полностью сохраняют свое лексическое значение, и конструкциями, где один из глаголов в незначительной или существенной мере грамматикализован, но, несомненно, синхронно соотносится с исходной лексемой. В то же время хотя бы оформившиеся результаты грамматикализации, семантика или/и морфологические свойства которых уже не соотносятся с источником, необходимо отделить от синхронных морфосинтаксических механизмов указания на событийную слитность.

Конструкции бифинитного и нулевого типов служат стабильным диахроническим источником для образования адлогов. Например, предлог *kple* ‘с’ в эве возводится к глаголу со значением ‘соединяться’ [22; 56], а конструкция с ним (пример 51) – к сериальной конструкции с этим глаголом, аналогичной в примерах 7 или 22; синхронно этого глагола не существует вовсе.

(51) эве {< ква, Западная Африка}
kofi *lã* *elã* ***kple*** *ehɛ*
Кофи резать мясо с нож
‘Кофи порезал мясо ножом’. (личные данные)

Конструкции деепричастного типа грамматикализуются в аналитические глагольные формы. Например, глагол *tur-* с исходным значением ‘стоять’ в карачаево-балкарском языке [10, с. 362–402] в сочетании с деепричастием смыслового глагола в конструкциях, исходно аналогичным примеру 6, имеет результативное или другое статальное значение и семантически не связан синхронно со своим лексическим значением.

(52) карачаево-балкарский {< тюркские}
qar *eri-p* ***tur-a-dɨ***
снег таять-CVB стоять-IPFV-3SG
‘Снег растаял («растая**вши**»)’. (личные данные)

[1] Ср. предложенную в работе У. Фоли и М. Олсона [42] иерархию глаголов, участвующих в сериальной конструкции: первыми допускаются нейтральные глаголы движения и позиции, типологически известные и как особо склонные к грамматикализации.

Сочинительная предикатная конструкция[1] используется для указания на более тесную семантическую связь между событиями, чем в случае простого соположения клауз. Так, предложение 53a с глагольным сочинением с очевидностью подразумевает, что события ‘жить’ и ‘спать’ связаны единством времени и некоторым общим контекстом; предложение 53b, где клаузы соположены, напротив, уместно только для описания независимых друг от друга событий, и преобразование соположения в сочинение дает результат на грани приемлемости (пример 53c). Ясно, таким образом, что сочинительная конструкция имеет сходную функциональную нагрузку с конструкциями, рассмотренными в разделе 2, но используется на другом уровне семантической слитности.

(53) русский

a. *Мы жили в гардеробе Дворца спорта и спали на раскладушках.*
(Н. Бестемьянова и др. (2000–2001), НКРЯ).

b. *Меня хотели схватить и расстрелять <…> я жил на чердаке, я спал в царской ложе в Мариинском театре.*
(А.Н. Толстой (1924), НКРЯ).

c. ??*Я жил на чердаке и спал в царской ложе в Мариинском театре.*

Еще в бóльшей степени, чем союзное сочинение, с «соединением событий» сходно явление «нанизывания клауз» (clause-chaining, ср. также термин «алтайское сочинение» [7]) – морфосинтаксический способ оформления клауз с равным коммуникативным статусом, такой что все вершинные глаголы, кроме единственного (самого левого или самого правого) при этом оформлены специальным показателем. В работах А.А. Кибрика [2] и А.Ю. Урманчиевой [12] на материале естественных текстов карачаево-балкарского и суахили языков соответственно, сопоставляются нанизывание клауз (с деепричастиями или формами т.н. консекутива) и соположение клауз с финитными глагольными формами; авторы приходят к сходным выводам о том, что нанизывание клауз используется в случае более тесной (в первую очередь причинно-следственной) семантической связи между событиями. Примечательно, что для нанизывания клауз может быть использовано то же средство, что и для «соединения событий» (ср. примеры 54 и 6).

(54) татарский (мишарский диалект) {< тюркские}

safjan	*čitek-lär-e-n*	***kij-ep,***	*tɤlɤm-nar-ɤ-n*
сафьян	сапог-PL-3-ACC	**надевать-CVB**	коса-PL-3-ACC
čulpɤ-lar	*belän*	***ür-ep,***	*ʒilkä-se-nä*
чулпа-PL	с	**заплетать-CVB**	плечо-3-DAT

[1] Мы не противопоставляем здесь сочинение клауз и сочинение глагольных групп.

čiläk-kejäntä-lär-e-n	***as-ɣp,***	*zexrä*	*su-ga*
ведро-коромысло-PL-3-ACC	**вешать-CVB**	Зухра	вода-DAT
kit-ä			
уходить-IPFV			

'… Зухра надевает сафьяновые сапожки, вплетает в косы чулпы, кладет на плечо коромысло с ведрами и идет за водой'.

Заключение

В настоящей работе мы попытались обосновать единство функционального класса конструкций, в которых события, обозначающиеся разными глагольными лексемами, объединяются в единое (макро)событие. Этот функциональный класс представлен в языках мира пятью морфосинтаксическими типами – бифинитным, нулевым, деепричастным, союзным и словослагающим, – имеющими промежуточные случаи. Рассмотренный класс отличается, с одной стороны, от конструкций с полной грамматикализацией глаголов, а с другой – от глагольных сочинительных конструкций.

Библиографический список

1. Гращенков П. В. Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на *-р* // Урало-алтайские исследования. 2012. Т. 1. № 6. С. 55–78.
2. Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе / Под ред. Плунгяна В.А., Гусева В.Ю., Урманчиевой А.Ю. М., 2008. С. 131–166.
3. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000.
4. Литвинов В.П. Свойства энумеративных предикатов // Прагматика и семантика синтаксических единиц / Под ред. Сусова И.П. и др. Калинин, 1984. С. 54–62.
5. Плунгян В.А. Глагольная сериализация как лексический феномен // Лексикология и словообразование африканских языков / Под ред. Громовой Н.В. М., 1988. С. 99–112.
6. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп – Краснодар, 1966.
7. Рудницкая Е.Л. Проблема алтайского сочинения в корейском языке // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 89–99.
8. Скородумова П. Ю. Сериальные конструкции в иврите: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010.
9. Стойнова Н. М. Конструкция *взять и сделать* в русском языке // Структуры и интерпретации / Под ред. Дудчука Ф.И., Ивлиевой Н.В., Подобряева А.В. М., 2007. С. 144–171.

10. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке / Лютикова Е.А. и др. М., 2006.
11. Татевосов С. Г. Неканонические глагольные предикаты // Багвалинский язык / Под. ред. Кибрика А.Е. М., 2001. С. 118–126.
12. Урманчиева А.Ю. «Сад расходящихся тропок»: дискурсивные и пропозициональные значения на семантической карте // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе / Под ред. Плунгяна В.А., Гусева В.Ю., Урманчиевой А.Ю. М., 2008. С. 87–127.
13. Шибасова Н. Л. Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков): Дис. … канд. филол. наук. М., 2006.
14. Agbedor P. Verb serialization in Ewe // Nordic journal of African studies. 1994. Vol. 3. № 1. P. 115–135.
15. Aikhenvald A.Y. Serial constructions and verb compounding: Evidence from Tariana (North Arawak) // Studies in language. 1999. Vol. 23. № 3. P. 469–498.
16. Aikhenvald A.Y. Serial verb constructions in typological perspective // Serial verb constructions: A cross-linguistic typology / Ed. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford, 2006. P. 1–68.
17. Allan E. J. A grammar of Buɛm: The Lɛlɛmi language. Ph.D. dis. London, 1973.
18. Ameka F.K. Multiverb constructions in a West African areal typological perspective // Proceedings of TROSS'03 / Ed. by Beermann D., Hellan L. Trondheim, 2003. URL: http://www.ling.hf.ntnu.no/tross/TROSS03-toc.html (дата обращения: 15.12.2013).
19. Amha A., Dimmendaal G.J. Verbal compounding in Wolaitta // Serial verb constructions: A cross-linguistic typology / Ed. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford, 2006. P. 319–337.
20. Anderson G.D.S. Auxiliary verb constructions in Altai-Sayan Turkic. Wiesbaden, 2004.
21. Anderson G. D. S. Auxiliary verb constructions. Oxford, 2006.
22. Ansre G. The verbid – A caveat to 'serial verbs' // Journal of the West African languages. 1966. Vol. 3. № 1. P. 29–32.
23. Bamgbose A. On serial verbs and verbal status // Journal of West African languages. 1974. Vol. 9. № 1. P. 17–48.
24. Beavert V., Jansen J. Yakima Sahaptin bipartite verb stems // International journal of American Linguistics. 2011. Vol. 77. № 1. P. 121–149.
25. Beermann D. A., Hellan L. VP-chaining in Oriya // Proceedings of the LFG'02 conference / Ed. by Butt M., King T.H. Stanford, 2002. URL: http:/csli-publications.stanford.edu (дата обращения: 15.12.2013).
26. Bjerre A., Bjerre T. Pseudocoordination in Danish // Proceedings of the HPSG'07 conference / Ed. by Müller S. Stanford, 2007. URL: http://csli-publications.stanford.edu (дата обращения: 15.12.2013).
27. Bole-Richard R. Systématique phonologique et grammaticale d'un parler ewe: le gen-mina du Sud-Togo et Sud-Bénin. Paris, 1983.
28. Bowden J. Taba (Makian Dalam). Description of an Austronesian language from Eastern Indonesia: Ph.D. dis. Melbourne, 1997.
29. Bradshaw J. Subject relationships within serial verb constructions in Numbami and Jabem // Oceanic Linguistics. 1993. Vol. 32. № 1. P. 133–161.

30. Butt M. The light verb jungle: still hacking away // Complex predicates: cross-linguistic perspectives on event structure / Ed. by Amberger M., Baker B., Harvey M. Cambridge, 2010. P. 48–78.
31. Collins Ch. Th. Topics in Ewe syntax: Ph.D. dis. Cambridge (Massachusetts), 1993.
32. Comrie B. Serial verbs in Haruai (Papua New Guinea) and their theoretical implications // Langues et langage: Problèmes et raisonnement en linguistique / Bouscaren J., Franckel J.-J., Robert S. Paris, 1995. P. 25–37.
33. Coseriu E. "Tomo y me voy": Ein Problem vergleichender europäischer Syntax // Vox Romanica. 1966. Vol. 25. № 1. S. 13–55.
34. Déchaine R.-M. Verb serialization and event composition // Object positions in Benue-Kwa / Ed. by Déchaine R.-M., Manfredi V. The Hague, 1997. P. 47–66.
35. Dombrowsky-Hahn K. Motion events in Bambara (Mande) // Journal of African languages and linguistics. 2012. Vol. 33. № 1. P. 37–65.
36. Dorvlo K. A grammar of Logba (Ikpana). Utrecht, 2008.
37. Durie M. Verb serialization and "verbal-prepositions" in Oceanic Languages // Oceanic linguistics. 1988. Vol. 27. № 1/2. P. 1–23.
38. Durie M. Grammatical structures in verb serialization // Complex predicates / Ed. by Alsina A., Bresnan J., Sells P. Stanford, 1997. P. 289–354.
39. Ekberg L. The cognitive basis of the meaning and function of cross-linguistic TAKE and V // Belgian journal of linguistics. 1993. Vol. 8. P. 21–42.
40. Foley W. A. The Yimas language of New Guinea. Stanford, 1991.
41. Foley W. A. Events and serial verb constructions // Complex predicates: cross-linguistic perspectives on event structure / Ed. by Amberger M., Baker B., Harvey M. Cambridge, 2010. P. 79–109.
42. Foley W. A., Olson M. Clausehood and verb serialization // Grammar inside and outside the clause / Ed. by Nichols J., Woodbury A. Cambridge, 1985. P. 17–60.
43. François A. Serial Verb Constructions in Mwotlap // Serial verb constructions: A cross-linguistic typology / Ed. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford, 2006. P. 223–238.
44. Givón T. Serial verbs and the mental reality of 'event': grammatical vs. cognitive packaging // Approaches to grammaticalization. Vol. 1 / Ed. by Traugott E.C., Heine B. Amsterdam – Philadelphia, 1991. P. 81–127.
45. Heeschen V. Verb serialisation in Eipo and Yale (especially in children's narratives) // Serial verb constructions in Austronesian and Papuan languages / Ed. by Senft G. Canberra, 2008. P. 141–169.
46. Hutchinson L. Verb conjoining in English // Akten der ersten Salzburger Frühlingstatung für Linguistik / Ed. by Drachman G. Tübingen, 1975. P. 335–347.
47. Jarkey N. Cotemporal SVCs in White Hmong // Complex predicates: cross-linguistic perspectives on event structure / Ed. by Amberger M., Baker B., Harvey M. Cambridge, 2010. P. 110–134.
48. Kari E.E. Serial verb constructions in Degema, Nigeria // African Study Monographs. 2003. Vol. 24. № 4. P. 271–289.
49. Kemmer S. The middle voice. Amsterdam – Philadelphia, 1993.
50. Kilian-Hatz Ch. Serial verb constructions in Khwe (Central-Khoisan) // Serial verb constructions: A cross-linguistic typology / Ed. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford, 2006. P. 108–123.

51. Kor Chahine I. О возможном пути грамматикализации русского *взять* // Russian linguistics. 2007. Т. 31. № 3. С. 231–248.
52. Kouadio N'Guessan J. Description systematique de l'attie de Memni. Vol. 1. Thèse ... doctorat. Grenoble, 1996.
53. Lane J. Kalam serial verb constructions. Canberra, 2007.
54. Larson M. Multi-verb constructions and coordination // Proceedings of TROSS'03 / Ed. by Beermann D., Hellan L. Trondheim, 2003. URL: http://www.ling.hf.ntnu.no/tross/TROSS03-toc.html (дата обращения: 15.12.2013).
55. Lødrup H. The syntactic structures of Norwegian pseudocoordinations // Studia linguistica. 2002. Vol. 56. № 2. P. 121–143.
56. Lord C. Serial verbs in transition // Studies in African linguistics. 1973. Vol. 4. № 3. P. 269–296.
57. Lord C. Igbo verb compounds and the lexicon // Studies in African linguistics. 1975. Vol. 6. № 1. P. 23–48.
58. Lord C. Historical change in serial verb constructions. Amsterdam – Philadelphia, 1993.
59. Matthews S. On serial verb constructions in Cantonese // Serial verb constructions: A cross-linguistic typology / Ed. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford, 2006. P. 69–87.
60. Osam E.K. Aspects of Akan grammar: A functional perspective: Ph.D. dis. Eugene (Oregon), 1994.
61. Osam E. K. From serial verbs to prepositions and the road between // Sprachtypologie und Universalienvorschung. 1994. Vol. 47. № 1. P. 16–36.
62. Osam E.K. An introduction to the verbal and multi-verbal system of Akan // Proceedings of TROSS'03 / Ed. by Beermann D., Hellan L. Trondheim, 2003. URL: http://www.ling.hf.ntnu.no/tross/TROSS03-toc.html (дата обращения: 12.12.2013).
63. Painter C. Gonja: a phonological and grammatical study. Bloomington, 1970.
64. Pi Ch.-Y.T., Stewart O.T. Micro-events in two serial verb constructions // SALT VIII / Ed. by Strolovitch D., Lawson A. Ithaca, 1998. P. 202–214.
65. Riebstein E. Grammaire Ewee, simple et complète. 2me ed. Togo Français, 1951.
66. Schultze-Berndt E.F. Simple and complex verbs in Jaminjung: A study of event categorisation in an Australian language. Wageningen, 2000.
67. Schultze-Berndt E.F. Preverbs as an open verb class in Northern Australian languages: synchronic and diachronic correlates // Preverbs: Special Issue of Yearbook of Morphology 2003 / Ed. by Booij G., van Kemenade A. Dordrecht, 2003. P. 145–177.
68. Sebba M. The Syntax of serial verbs. Amsterdam – Philadelphia, 1987.
69. Senft G. What do we really know about serial verb constructions in Austronesian and Papuan languages // Complex predicates in Oceanic languages / Ed. by Bril I., Ozanne-Rivierre F. Berlin – NY, 2004. P. 49–64.
70. Stahlke H. Serial verbs // Studies in African linguistics. 1970. Vol. 1. № 1. P. 60–99.
71. Weiss D. Verb serialization in northeast Europe: The case of Russian and its Finno-Ugric neighbours // Wiemer B., Wälchli B., Hansen B. Grammatical replication and borrowability in language contact. Berlin, 2012. P. 611–646.
72. Westermann D. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin, 1907.

73. Zavala R. Serial verbs in Olutec (Mixean) // Serial verb constructions: A cross-linguistic typology / Ed. by Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. Oxford, 2006. P. 273–300.
74. Zwicky A.M. What are we talking about when we talk about serial verbs? // When verbs collide: Papers from the 1990 Ohio State mini-conference on serial verbs. Ohio State University Working Papers in Linguistics 39 / Ed. by Joseph B.D., Zwicky A.M. Columubus (Ohio), 1990. P. 1–13.

Н.С. Маринчук

Английский и русский языки: союзники или соперники? (Возможно ли изучение русского языка с помощью английского?)

В статье дается краткий анализ негативных изменений, которые происходят в русском языке под воздействием английского языка. Кратко рассмотрев области, где допускаются типичные ошибки, автор приходит к выводу о возможности создания скоординированного курса на основе межпредметных связей для обучения старшеклассников и студентов неязыковых вузов общим аспектам и явлениям русского и английского языков. По мнению автора, это поможет повысить культуру речи, преодолеть негативное влияние английского языка и будет способствовать бережному отношению к выразительным средствам родного языка.
Ключевые слова: обучение русскому языку, негативное влияние английского языка, межпредметные связи при изучении русского и английского языков.

Одним из важнейших в современном образовании стал тот факт, что английский язык приобрел статус *lingua franca*, став общепризнанным языком международного общения. Экспансию английского языка и англо-американской культуры невозможно отрицать. Как и то, что под агрессивным воздействием английского претерпевает изменения (и, увы – не в лучшую сторону!) русский язык. Мы можем наблюдать это явление всюду. Так, отправляясь за покупками, мы «совершаем шопинг», посещая клуб, проходим «фейс-контроль», недовольны проводимой правительством «монетарной политикой». Для многих Америка стала культовой страной. Молодые люди считают, что использовать заимствованные из английского языка слова престижно и модно. Англицизмы, как они полагают, приобщают их к западной культуре. Но необдуманное использование таких слов ведет к засорению родного языка.

У старшего поколения еще есть иммунитет против «иностранной инфекции» в виде сложившихся взглядов, образования (полученного также и с помощью огромного количества прочитанной по школьной программе русской классической литературы). Современная молодежь мало читает: стремительное время способствовало появлению на книжных прилавках произведений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и других великих русских писателей в сокращенном варианте или, хуже того, в пересказе. В таких «любезно предоставленных» потребителю товарах главное – не красота языка, а краткое изложение фактов, создающих иллюзию приобщения к великой русской культуре. Здесь мы, похоже, приближаемся к тому, что скоро «Войну и мир» Л.Н. Толстого будем читать в виде комиксов. Так проще. И быстрее.

СМИ, которые часто называют «четвертой властью», тоже отрицательно влияют на русский язык. Включите любую программу телевидения или радио, и поток англоязычной лексики, слов-паразитов обрушится на вашу голову. Молодежь часами сидит за компьютером, целиком находясь во власти двуязычного Интернета. Для достижения выразительности молодежные группы часто используют в песнях английские слова: *Утро вернется из памяти – только сплошное reality. Забыть его нету сил*. («Братья Грим», текст песни «Reality» или «Утро В Прокуренной Комнате, В Сонном Заброшенном Городе»). Кстати, даже в названии этой песни мы видим нарушение правил орфографии русского языка, когда под влиянием английской орфографии происходит ненормативное написание каждого слова русского названия песни с заглавной буквы.

В нашей стране для поступления в любое высшее учебное заведение необходимо сдать единый государственный экзамен по русскому языку. Поэтому старшеклассники, желающие получить высшее образование, усиленно готовятся к этому испытанию. В вуз поступают достаточно подготовленные ребята, т.е. те, кто успешно сдали экзамены. В школах с филологическим уклоном и в языковых вузах проблема стоит не так остро – там достаточно много дисциплин, развивающих личность. Большинство учащихся грамотны в широком смысле этого слова, они умело используют навыки устной и письменной речи, что является необходимым условием для активной производственной, творческой и общественной деятельности. Однако уровень речевой культуры выпускников этих учебных заведений с каждым годом падает. В неязыковых и негуманитарных школах и вузах картина видится совсем не радужной.

Преподаватели русского и иностранного языков часто жалуются, что студенты испытывают трудности в формулировке своей точки зрения, не умеют грамотно составить предложения, четко аргументировать свою

речь, подобрать подходящий синоним. При переводе с иностранного на русский язык затрудняются правильно построить словосочетания, ошибаясь в выборе формы управления и согласования (такого рода ошибки можно отнести к разряду «так по-русски не говорят»). Все это нередко ведет к искажению, а то и вовсе неправильной интерпретации текста.

На фоне снижения у молодежи культуры речи занятий по русскому языку явно недостаточно, тогда как на изучение английского языка отводится все больше времени. Возьмем, например, расписание в любой выбранной наугад московской школе. Так, в 11 «А» классе школы № 779 г. Москвы в феврале 2014 г. на русский язык отводится 2 часа в неделю, на английский – 3 часа [1]. В 9 «Б» классе школы № 1273 в этот же период в расписании стоит 5 часов английского языка и только 2 часа русского языка в неделю [2]. В неязыковых вузах (например, экономический факультет МГУ) для преподавания дисциплины «Английский язык» отводится 4 семестра. В неделю получается 4 часа обязательной для всех дисциплины. Еще 4 семестра отводится на факультативное изучение. Итого общее количество – 8 семестров. На изучение русского языка (курс «Русский язык и культура речи») предоставляется всего 1 семестр с занятиями по 2 академических часа в неделю, да и то факультативно, т.е. по желанию [4].

В то время, когда позицию языкового авторитета в молодежной среде прочно заняли Интернет и СМИ, на фоне увеличения часов для изучения английского языка и явно недостаточного количества часов на изучение родного языка проблема агрессивного воздействия английского языка особенно актуальна. Как же противостоять такому мощному влиянию?

Выходом из сложившейся ситуации может быть разработка системы координационного обучения старшеклассников и студентов неязыковых вузов общим аспектам и структурам русского и английского языков. При этом, разрабатывая такой курс, можно было бы сделать акцент на преодоление негативного влияния английского языка на русский язык. С этой целью необходимо будет выявить и проанализировать типичные ошибки, допускаемые под влиянием английского языка, найти те области, где такие явления происходят чаще всего, выявить и устранить причины их возникновения. Кроме того, современная методика считает целесообразным и необходимым вести преподавание отдельных аспектов русского и английского языков на основе межпредметных связей. Однако в современных школьных и вузовских программах возможность сопоставления грамматики и лексики русского и иностранного языков практически отсутствует. Теоретическая разработка и практическое применение данной проблемы представляется актуальной.

Согласно требованиям государственных стандартов образования выпускник должен научиться соблюдать основные нормы современного русского литературного языка, он должен стилистически корректно использовать лексику и фразеологию, правила речевого этикета. Основным приоритетом современной школы становится развитие личности учащегося. Компетентностный подход в обучении предполагает формирование коммуникативной, языковой, лингвистической и культуроведческой компетенций. Изучение межпредметного курса, на наш взгляд, будет способствовать поставленной задаче.

Основная цель обучения русскому языку – это формирование языковой личности, человека, хорошо овладевшего всеми видами речевой деятельности. Изучение двух языковых систем в их сопоставлении поможет учащимся повысить уровень владения синонимическим богатством русского языка. Английское слово, стоящее в определенном контексте, предоставит учащимся возможность обратить внимание на многочисленные варианты его перевода на русский язык, рассмотреть все эти варианты, отобрав лучший, наиболее точно передающий основную мысль.

Также, на наш взгляд, интересно было бы сопоставить употребление причастий и деепричастий в русском и английском языках. Опыт показывает, что учащиеся не умеют различать в английском языке формы причастий и деепричастий совершенного и несовершенного видов, настоящего или прошедшего времени. Определенным глагольным формам в английском языке соответствуют определенные формы причастий и деепричастий, их оборотов в русском языке. Если не отработаны до автоматизма навыки образования глагольных форм на русском языке, учащиеся допускают ошибки в переводе с английского, что в итоге приводит к искажению смысла текста. Следовательно, закрепление и доведение до автоматизма таких навыков видится необходимым.

Можно провести параллель между использованием будущего времени в придаточных времени и условия в английском и русском языках. Те, кто учит английский язык, знают, что в придаточных предложениях времени и условия будущее время не ставится. На придаточное изъяснительное это правило не распространяется. Сложность заключается в том, что в обоих случаях перед придаточным предложением употребляется одинаковый союз *if* или *when*. Без умения определить тип придаточного предложения невозможно грамотно построить свою речь на английском языке. Но и для русского языка учащимся будет полезно еще раз потренировать такие предложения, теперь уже для повышения культуры письменной речи (запятые в придаточных предложениях).

Переводы небольших отрывков из тщательно отобранной английской литературы также будут способствовать повышению культуры речи, но это должны быть письменные переводы. Задумываться над оттенками мысли, подбирая наиболее выразительные фразы, стараясь при этом не отклоняться от оригинала, – сложная задача, требующая терпения. Кроме того, такие упражнения помогают учащимся обратить внимание на общее и различие в культурах народов, говорящих на русском или английском языках.

Академик Л.В. Щерба в книге «Языковая система и речевая деятельность» утверждал, что для воспитания высококультурных людей совершенно необходимо сопоставление двух языковых систем. В родном языке все кажется простым и понятным, требуется большое мастерство, чтобы привлечь внимание учащихся к какой-либо проблеме. «Я бы сказал, … что вполне овладеть родным языком … можно, только изучая какой-нибудь иностранный язык. Ничего нельзя познать без сравнения, а единство языка и мышления не дает нам возможности отделять мысль от способов ее выражения. Иностранный язык дает нам эту возможность, выражая ту же мысль другими терминами, помогает вскрывать разнообразные средства выражения и в родном языке и отучает смешивать способы выражения с существом вещей: погаси свет, погаси электричество, поверни выключатель могут выражать одну и ту же мысль» [3, с. 354].

Таким образом, скоординированное обучение русскому и английскому языкам будет, на наш взгляд, способствовать развитию личности учащихся, поможет преодолеть негативное влияние английского языка, а также бережно относиться к выразительным средствам родного языка.

Библиографический список

1. Школа 779. Москва. ЮЗАО. URL: http://www.msk779.ru (дата обращения: 01.02.2014)
2. Школа 1273 г. Москвы. URL: http://www.school1273.ru (дата обращения: 01.02.2014).
3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
4. Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: http://www.econ.msu.ru (дата обращения: 01.02.2014).

Аркадьев Пётр Михайлович – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения РАН; ведущий научный сотрудник лаборатории лингвистической типологии, НОЦ «Институт современных лингвистических исследований» МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: peterarkadiev@yandex.ru.

Жукова Наталья Владимировна – кандидат философских наук; старший преподаватель кафедры французского языка Департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: natalzhukova@yandex.ru.

Лебедева Анна Александровна – доктор филологических наук, профессор; заведующая кафедрой иностранных языков, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации. E-mail: lebsuch@yandex.ru.

Лютикова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующий лабораторией общей лингвистики и теории грамматики, НОЦ «Институт современных лингвистических исследований» МГГУ им. М.А. Шолохова E-mail: lyutikova2008@gmail.com.

Маринчук Надежда Сергеевна – аспирант кафедры литературы и русского языка МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: nsmarinchuk@gmail.com.

Морараш Марина Михайловна – кандидат филологических наук; ассистент кафедры русского языка и методики преподавания отделения русской и зарубежной филологии им. Л.Н. Толстого, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: moramar@mail.ru.

Николаева Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; профессор, заведующая кафедрой французского языка Департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: inikolaeva.hse@gmail.com.

Пахомова Марина Анатольевна – аспирант кафедры литературы и русского языка МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель русского языка и литературы, Преображенская школа № 1690, г. Москва. E-mail: maripakhomo@yandex.ru.

Петренко Денис Иванович – доктор филологических наук; профессор кафедры русского языка, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. E-mail: textus@mail.ru.

Шлуинский Андрей Болеславович – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела африканских языков, Институт языкознания РАН. E-mail: ashl@yandex.ru.

Штайн Клара Эрновна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. E-mail: textus@mail.ru.

P. Arkadiev

Non-canonical subject marking with Lithuanian participles: typology and diachrony

The use of accusative vs. dative case marking of the subject as the sole means of differentiating between complement vs. adjunct participial clauses, together with a peculiar distinction between agreeing and non-agreeing participles linked to the same vs. different subject dychotomy, are the most outstanding characteristics of these constructions. It is stated that among the Baltic languages Lithuanian displays the most developed system of such constructions involving participles of different tenses able to co-occur with a wide array of matrix predicates. It is shown that Lithuanian participial constructions can be naturally analyzed as involving the mechanism of "complementizing" case marking proposed for Australian languages. Diachronically, it is portrayed that Lithuanian participial constructions with dative and accusative marking of the subject display convergent morphosyntactic development of patterns originating from fairly different sources.

Key words: participles, case marking, clause combining, Lithuanian, Baltic languages, Finno-Ugric languages, Australian languages, linguistic typology.

A. Lebedeva

Constancy and Variability as Features of Linguistic Systems

The article deals with some aspects of interpreting such terms as 'variability' and 'constancy' of the language in the field of phonetics research. The article also looks into the interpretation of relevant concepts by different authors.

Key words: variability, constancy, interpretation of linguistic terminology, phonetics research.

E. Lyutikova

Case and noun phrase structure: DOM in Mishar dialect of Tatar

The paper explores the differential object marking (DOM) in two subdialects of Mishar Tatar. The paper shows that the full range of data concerning the distribution of DOM cannot be explained by the semantic features of the nominal (e.g. specificity, animacy, etc.); moreover, DOM does not correlate with the contrast between objects inside VP and those outside VP. The paper argues that DOM in Mishar Tatar can only be accounted for in terms of differing structure of nominals: DP objects receive structural (accusative) case, while Small Nominals (i.e. NPs or NumPs) remain caseless.

Key words: differential object marking, case, noun phrase, DP-hypothesis, Tatar.

N. Marinchuk

English and Russian languages: allies or rivals? (Is it possible to learn the Russian language with the help of English?)

The article provides the summary analysis of negative changes, which take place in the Russian language under the influence of the English language. After brief analysis of typical mistakes the author makes a conclusion that there is a possibility of the coordinated course creation based on the interdisciplinary connections devoted to the general aspects and phenomena of the Russian language among senior pupils and students of the non-linguistic Universities. In the author's opinion, it can improve speech culture, overcome the negative influence of English on Russian and contribute to the solicitous attitude to the expressive means of the native language.

Key words: Russian language training, negative influence of English, interdisciplinary connections during the study of Russian and English languages.

M. Morarash

Temporary model of the person's way (on the example of V.V. Nabokov›s novel "Mashenka")

Text dominants "life" and "time" of the art space of "Mashenka" by V.V. Nabokov which are specially combined creating an individual model of reality are the object of this article linguistic analysis. Two various

components by the method of expression: static present and dynamic past in a circumnuclear zone of a sphere of concepts life-time are revealed. Essential part of the interpretation presented in research is the idea of objectivity (linearity and irreversibility) of physical time which gains the value of independent and even the dominating plan in V. V. Nabokov's concept in the system of norms of life of heroes of the novel.

Key words: V. Nabokov, novel "Mashenka", time, life, present, past, dynamics, statics, language model of the world.

I. Nikolaeva, N. Zhukova

Ensuring of intratextual syntactic variability in modern French language

The article deals with the problem of intratextual syntactic variability in modern French language. Most researchers attribute parenthetic and introductory constructions to speech syntax. Their structural-syntactic and functional-semantic specificity, investigated on the basis of cognitive-discursive approach determines their role in ensuring, on the one hand, textual integrity, on the other hand, its variability.

Key words: speech syntax, cognitive discourse analysis, textual integrity, intratextuality.

M. Pakhomova

Issues of comparative studying of poetic word creation (Igor Severyanin – Leonid Martynov)

In the article the most frequent methods of word formation and word-formative models in word creating of I. Severyanin and L. Martynov are compared. Also the program of multifaceted comparative studying of poetic word creation in general is suggested.

Key words: occasionalism, individual author's neologism, word creation, futurism, semantics.

A. Shluinsky

A typology of morphosyntax of "joining events" in multiverb constructions

The article deals with morphosyntactic constructions used to express "joining" events expressed by different verbs into a single (macro) event. This class is revealed to have common functional features. From the point of view

of cross-linguistics there are five morphosyntactic types of such constructions: bi-finite (finite verbs are juxtaposed), zero (one verb is finite and others are used as bare stems), converbial (one verb is finite and others are non-finite), conjunctive (finite verbs are joint with a conjunction), compounding (verbs stems make a compound). These types may be seen as functional extremes, intermediate cases are to be found among them. Constructions used to join events are opposed to both constructions with grammaticalized verbs and to coordinate and clause-chaining constructions.

Key words: "joining events", event structure, serial verb construction, complex verb construction, finiteness, converb, compounding.

K. Shtain, D. Petrenko

M.Yu. Lermontov's Baroque: Theater, Mask, Masquerade

The article is devoted to the connection between creativity of M.Yu. Lermontov and great cultural style Baroque. Theatrical representatives of style in Lermontov's texts are analyzed in the article. Texts of novels "Hero of Our Time", "Princess Ligovskaya", drama works, etc. are considered.

Key words: M.Yu. Lermontov, polystylistics, baroque, theater, mask, masquerade.

Издание подготовили к печати сотрудники редакционно-издательского центра
Редактор – *А. А. Козаренко*
Корректор – *А. А. Алексеева*
Обложка, макет *М.В. Кантакузен*
Компьютерная верстка *М. А. Трушкина*

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2014.4

Электронная версия журнала: www.mggu-sh.ru

Сдано в набор 20.11.2014 г.
Подписано в печать 24.11.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.